

специально для vk.com/hushrussia

ПОГРУЖЕНИЕ

С. Уолден

У Брук Райт есть только две цели на последнем году своего обучения в старшей школе «Черити Ран»: держаться подальше от проблем и научиться прощать себя за прошлое. Прощение оказывается недостижимым, а проблемы так или иначе находят девушку, когда та обнаруживает в школе тайный клуб, который имеет отношение к смерти её лучшей подруги. Девушка узнает, что члены команды по плаванию участвуют в «Воображаемой Блядской Лиге», где набирают очки за действия сексуального характера с ничего не подозревающими девушками. Брук, охваченная чувством вины за смерть своей подруги, решает проникнуть в лигу, став одной из «ничего не подозревающих девушек», чтобы отомстить парню, который украл у неё лучшую подругу. Неожиданный роман усложняет её планы, а упорное стремление к справедливости превращается в безумство, поскольку она недооценивает, насколько далеко готовы зайти парни, чтобы держать их секс-клуб в секрете.

ГЛАВА 1

— Это платье — полная фигня, — сказала я, рассматривая свое отражение в зеркале в полный рост, прикрепленном к дверце шкафчика.

На мне было чёрное платье длиной до колен на два размера больше, которое я купила в «Т.Д. Махх» в разделе «Женская Спортивная Одежда». Знала я платья и получше. И знала, что не найду ничего подходящего, что могла бы надеть, в отделе «Для молодежи». Не для того места, куда направляюсь.

Я прошла мимо модных топов с глубоким вырезом, дизайнерских джинсов, и направилась к группе женщин за сорок, которые собрались вокруг круглой стойки с платьями со скидкой. *Идеально*, подумала я про себя и начала быстро рыться в вещах, боясь, что одна из женщин выхватит платье прежде, чем оно окажется в моих руках. Я заработала несколько странных взглядов, которые превратились во враждебные, когда триумфально визжа: «Да, черт возьми!», — нашла его. Оно не могло быть более совершенным. Ужасное платье для ужасного случая.

Я опустила глаза на черные туфли, которые позаимствовала у мамы. Они стильные для 35-летнего влиятельного адвоката, но мне всего восемнадцать, и я, как ученица старшей школы, понимала, если надену их, то обо мне сложится неверное впечатление. Туфли словно кричали: «Я — потрясающий человек!», — и я подумала, что не должна надевать их в церковь. Разве не нужно быть скромной, или, по крайней мере, создать иллюзию смиренности в доме Божьем? Но у меня нет обуви с закрытым носком. Не знаю, как дожила до восемнадцати лет, не имея таких туфель, особенно потому, что считала себя модницей. Но не тут-то было. Я отдана на милость обуви моей матери.

— И эти туфли — фигня, — решила я, разочарование промелькнуло на моем лице.

Я повернулась боком и посмотрела на свои длинные, прямые светлые волосы, завязанные в неряшливый пучок на затылке. Несколько прядей свободно свисали, но это было не специально. Я не распустила их из пучка, чтобы они обрамляли мое лицо. Нет, они вылезли после тридцатисекундной прогулки на улицу за почтой. Ветер сегодня ужасный. Я думала заплести волосы во французскую косу, хотя и знала, что буду выглядеть как десятилетняя.

— Мои волосы — кошмар.

Я смотрела на себя, воображая, как Бэт смеется надо мной.

— Брук, где ты взяла это ужасное платье? — спросила бы она.

— Я в курсе, ладно? Нашла его в последнюю минуту, у меня не было выбора, — ответила я.

— А эти туфли? — продолжила бы она. — Сколько времени я пыталась заставить тебя купить нормальные, а ты отказывалась. Посмотри теперь, в чем ты вынуждена ходить.

— Я знаю, Бэт. Как я и сказала, у меня не было выбора.

— Нет, нет. У тебя всегда есть выбор. Найди что-нибудь другое. Я не могу показаться с тобой на публике в таком виде, — ответила бы Бэт.

— Бэт, у меня нет времени. Я опаздываю.

— Время еще есть, Брук. Всегда есть время, чтобы сделать все правильно.

— Нет, Бэт. Времени нет, — произнесла я громко, давась словами.

Мои глаза остекленели. И тогда я опустилась на пол и залилась слезами из-за глупого макияжа, который только что сделала — от дурацкой туши, которой я накрутила свои дурацкие ресницы, и эти дурацкие румяна на моих дурацких щеках. Я плакала из-за тупых заколок, удерживающих мои волосы, которые болезненно впивались в кожу головы. Из-за того, что должна была сделать сегодня. Из-за места, куда должна была пойти. В душе у меня грустно, под стать тому, как я выгляжу. Но особенно я плакала из-за Бэт.

Я оплакивала Бэт.

Я топталась возле дверей церкви и не могла заставить себя войти. Не могла ни на кого смотреть. Глаза опухли от постоянных слез, а тело — от жары на улице. Волосы превратились в катастрофу из-за ветра. Мне было стыдно. Я даже не могла выглядеть симпатично ради Бэт.

— Дорогая, сейчас мы должны зайти, — услышала я мамин голос. Она взяла мою руку и слегка сжала. Этот жест должен был быть обнадеживающим, но вместо этого я запаниковала.

Пульс ускорился, и я была уверена, что сердце вот-вот взорвется. Я не хотела смотреть на Бэт. Что, если крышка гроба открыта? Я не могла смириться с мыслью, что она увидит меня такой. Абсолютная катастрофа, будто я даже не могла воспользоваться этим временем и взять себя в руки. Я не поступлю так с ней — не заставлю думать, что мне все равно.

— Мне нужна минутка. Надо привести волосы в порядок.

Мама кивнула.

— Я подожду.

Весь путь до уборной я еле держалась на своих каблуках. Толкнула дверь и упала на первую же раковину, сжимая фарфор, и низко опустила голову, чувствуя позыв к рвоте. Мой рот тут же наполнился слюной, и тело напряглось. Я знала, ничего не выйдет; я не ела три дня. Мои ноги сильно тряслись, и я поняла, не было смысла надевать каблуки. Я слаба и волновалась, что упаду лицом вниз.

Я снова склонилась над раковиной, выталкивая немного желчи из глубины своего желудка, она обожгла мне горло. Отдышавшись, я включила кран и сложила руки лодочкой под проточной водой, затем поднесла их к губам. Вода успокоила жжение в горле, но во рту оставался мерзкий привкус.

Я встала и засунула дрожащую руку в сумочку, ища мятную жвачку. Нашла и забросила

пластинку в рот. Затем начала поправлять макияж. Я поступила довольно мудро и положила все необходимое в сумочку. Подвела верхнее и нижнее веко черной подводкой, потерев пальцем линии, чтобы немного размазать их, тем самым смягчив. Нанесла новый слой туши и наредила губы блеском.

Я резко выдохнула, когда пришло время исправлять катастрофу с моими волосами. Вытащила из сумки расческу с широкими зубцами, предварительно вынув все шпильки из волос. Боже мой, какое это облегчение. Я немного помассировала голову и принялась расчесывать спутанные пряди. Было больно, и на это ушла целая вечность. Я собрала волосы в низкий хвост. Уже слишком поздно, чтобы закреплять его.

Мне привиделось, как Бэт кивнула бы сейчас, утверждая, что я снова выгляжу презентабельно. Я бросила последний взгляд в зеркало, замечая золотую цепочку, отражающую свет на бледной шее. Я потянулась к вырезу своего платья и вытащила половинку сердца с волнистой линией посередине. Надпись на ней гласила ««Be fri». Я вспомнила половинку Бэт, на которой написано «st ends» (*Прим. при соединении половинок получается «Best friends» («Лучшие друзья»*)), и улыбнулась, вспоминая свой восьмой день рождения. Она дала мне мою половинку и взяла с меня клятву, что я всегда буду носить ее, и я делала это до тех пор, пока металл не начал зеленеть, а мы не повзростели. Однажды, несколько лет спустя, мы обнаружили, что не хотели бы носить украшения, подаренные друг другу. Мы хотели носить украшения, подаренные нам мальчиками. Я почувствовала укол в сердце, вспоминая день, когда решила сохранить ожерелье для лучших времен. До сих пор.

Я в спешке вышла из уборной, повернула за угол и врезалась в него. Сила удара была так велика, что я споткнулась, едва не падая на задницу, если бы не чья-то протянутая рука. Я схватила ее прежде, чем упасть, и закачалась на своих слишком высоких каблуках, вцепившись в него, пока пыталась восстановить равновесие.

— Господи, простите! — воскликнул он.

Я посмотрела в его лицо, совсем не ожидая, что увижу нечто столь красивое. Думаю, я даже ахнула, но быстро отвела глаза в сторону, смущенная неловкостью этой ситуации.

— На самом деле, я должен был смотреть, куда иду, — сказал он, по-прежнему держа меня за руку, и я позволяла ему это.

Я не могла вспомнить, кто я и куда направляюсь, где я только что была. Знала только, что он очень симпатичный парень... нет, он был больше, чем просто симпатичный. Он был великолепен. Безумно шикарный парень держал мою руку, и у меня была только одна мысль — я хотела, чтобы наши прикосновения были более интимны, я хотела переплести свои пальцы с его.

— Думаю, это мне следует смотреть, куда иду, — буркнула я себе под нос.

Я посмотрела на него с другого ракурса, сделав над собой усилие, чтобы не ахнуть, когда взглянула в его светло-голубые глаза.

Я никогда не видела глаз такого цвета. Джаред Лето ничто в сравнении с глазами этого парня, хоть они и были похожи на цвета Средиземного моря.

Глаза этого парня настолько светло-голубые, что казались почти полупрозрачными. Я подумала, что если бы смотрела на них чуть дольше, то могла бы заглянуть в его мысли, добраться до самого сокровенного, и осознание этого почему-то заводило меня все сильнее и сильнее. Я хотела понаблюдать за работой мозга, за безопасным передвижением информации внутри нейронов к разным частям тела. Даже несколькими частями, потому что мозговые процессы подсказали его руке продолжать и дальше удерживать меня, что он и

делал.

Я без всякого стыда уставилась на него, жадно облизывая свои губы. Его взгляд был смелым. Я хотела, чтобы ему нравилось то, что он видел. Хотела, чтобы он думал, что я сексуальна. Хотела, чтобы он чувствовал в этот момент желание попробовать на вкус мои губы.

Я никогда не чувствовала этого раньше. Не по-настоящему. Даже с Финном. Это тревожило меня, и я призадумалась, смог бы человек продолжать думать после того, как его ударили по голове.

Мгновенно. Физически. Химически.

Первобытно.

«Просто сорви мою одежду», — думала я. — «Просто разорви мою одежду и возьми меня прямо здесь, в коридоре!»

Он улыбнулся и выпустил мою руку. Можно было подумать, что сделал он это неохотно, словно его мозг приказал ему это сделать, и он, наконец, согласился. Я улыбнулась в ответ кокетливой улыбкой. Перекинув свой хвост на плечо, я играла с прядями и кусала нижнюю губу. И тогда реальность нахлынула, как дождь с градом, большие куски льда бились об меня и кричали хором: «ТЫ НА ПОХОРОНАХ!».

Я посмотрела на шикарного парня, мои щеки побелели.

— Боже мой, — прошептала я.

Он смотрел на меня с минуту, прежде чем спросить.

— Вы в порядке?

Я покачала головой и медленно пошла к церковной двери. Он шел следом.

— Я выгляжу ужасно, я выгляжу ужасно, я выгляжу ужасно, — шептала я, снова и снова.

Мне было наплевать, если он меня слышит.

Какого черта я делаю? Пытаюсь заигрывать с парнем на похоронах моей лучшей подруги? Как я могла даже на секунду забыть, что я на похоронах? Предполагалось, что я буду нести тяжелую черную скорбь, чтобы соответствовать своему черному платью и черному сердцу, а не хлопать ресницами и не фантазировать о безумном сексе с незнакомцем. Было так смешно, что горячий парень может заставить меня забыть о том, что существуют кое-какие приличия? Или позор?

Свернув за угол, я увидела, что моя мама ждет меня. И тогда я подбежала к ней, бросилась в ее объятия, и преступные слезы вырвались наружу.

— Бруклин, — прошептала она, обнимая меня крепче. — Все хорошо, — проворковала она, глядя по моим волосам.

— Я ужасный друг! — застонала я. Я увидела нечеткие очертания парня, проходящего мимо нас и направляющегося к двери.

— Нет, ты не ужасный друг, — ответила моя мама.

— Нет, ужасный! Я даже не знаю, зачем я здесь!

Бэт ненавидела мои сопли! Но она больше не скажет мне этого!

— Брук, — сказала мама. — Я хочу, чтобы ты успокоилась. Мы ведь говорили об этом. Ты знала, это будет нелегко, но она была твоей лучшей подругой на протяжении всех этих лет. Ты думаешь, она бы не хотела, чтобы ты была здесь?

— Нет, не хотела бы! — плакала я.

— Да, она хотела, — сказала мама. — Теперь мы должны идти.

— Я не могу!

— Брук, Бэт была твоей лучшей подругой, — сказала мама, изо всех сил пытаясь сохранять терпение.

— Нет, не была! Не после того, что я сделала! Я все испортила! Я долбанная шлюха! — рыдала я, качая головой из стороны в сторону.

— Милая, не произноси такие слова, как «долбанная» и «шлюха» в церкви, — ответила мама.

Я только всхлипнула громче.

— Ты можешь сделать это, — подбадривала меня мама.

Я стояла на своем, яростно трясая головой, отказываясь идти.

— Бруклин Райт! — зашипела мама, толкая меня и хватая за предплечье. Она сжала слишком сильно, и я пискнула от дискомфорта. В ее голосе больше не было нежности.

— Возьми себя в руки. Это не ты. Перестань делать это. Ты идешь в церковь, чтобы отдать свое почтение подруге, ты собираешься сделать это ради Бэт. Ты меня понимаешь?

Я сглотнула и вытерла лицо.

— Ты меня понимаешь? — повторила мама.

Я нехотя кивнула, и она взяла меня за руку, ведя через двери.

Церковь пахла печалью и чувством вины. Я представляла себе, что все думали, будто они ответственны в некотором роде за смерть восемнадцатилетней девушки. Я чувствовала себя виноватой, но моя вина была совсем другого рода. Я не довела свою лучшую подругу до самоубийства, но меня все равно не было с ней в тот момент, когда она сильнее всего нуждалась во мне. Я была так погружена в свои тайные желания — желая ее бойфренда, Финна. Скрывалась. Обманывала ее. Медленно разрушала нашу дружбу, которая крепла с момента, когда нам было по пять лет. Я была ужасной подругой, и она узнала об этом. Потом я попыталась поступить правильно, сказав Финну, что все кончено, объяснив, что не могу больше предавать свою подругу, а он хотел знать, чем тогда, по-моему, мнению, мы с ним занимались.

Разве это не то же самое? Не предательство?

Я скользнула на скамейку в глубине церкви, обводя толпу взглядом в поисках Финна. Я знала, что он будет здесь, должно быть у него стальные нервы. Он изменял Бэт. Разбил ей сердце. Хуже всего было то, что я была его сообщницей. Я позволила разрушить мою дружбу.

И, видимо, он не чувствовал вины за это. «*Сердцу не прикажешь*». Вот что он сказал мне однажды.

Думаю, он просто украл эту фразу из дерьмового фильма.

Не могу поверить, что запала на него. Не могу поверить, что сижу здесь, сейчас, возложив на него ответственность за все. Какая неудачница. Не он. Я. Я провела пальцами под глазами, размазывая недавно нанесенную тушь, продолжая высматривать Финна, но нигде не могла его найти. Он был в отчаянии, и поэтому мне необходимо найти его. Мне нужно взглянуть ему в лицо и ничего, если это лишь усилит страдания, которые я по праву заслужила. Я нуждалась в нем, чтобы он помог мне наказать себя за боль, которую я причинила Бэт.

Сделав долгий, глубокий вдох я выдохнула медленно, неторопливо, и увидела того самого красивого парня. Я снова глубоко вдохнула, чувствуя, как мое сердце сжимается, испытывая боль из-за стыда за свое поведение.

Мне вовсе не нужен Финн, чтобы ощущать себя редкостным дерьмом. Благодаря этому

парню я чувствовала себя именно так.

Я уставилась на него, сосредоточившись на своем чувстве вины, снова и снова молча извиняясь перед девушкой, лежащей прямо передо мной в деревянном ящике.

«Прости меня, Бэт. Мне так жаль. Пожалуйста, не надо меня ненавидеть».

В моих глазах застыли слезы, когда священник занял свое место рядом с гробом.

ГЛАВА 2

— Что за черт, Брук? — произнесла Грэтхен — Ты встретила его на похоронах Бэт?

Я хмыкнула в трубку.

— На похоронах! — подчеркнула она.

— Я понимаю, ясно!? — ответила я. — Я дерьмовая подруга.

— Ты так считаешь?

— Я не могла ничего сделать, он врезался в меня, — возразила я.

— Бог ты мой, — произнесла Грэтхен. — Это же, как сцена из сериала *«Секс в большом городе»*.

Ну вот, полагаю, мы опять вернулись к этому. У Грэтхен есть раздражающая привычка сравнивать весь мой жизненный опыт с эпизодами из *«Секса в большом городе»*. Я наперед знала момент, который она хотела описать, прежде чем она даже начала, потому что когда-то она заставила меня просмотреть с ней все серии. Множество раз.

— И шляпка Шарлотты улетела на надгробие жены парня, — услышала я, как говорит Грэтхен.

— Знаю. Я помню этот момент.

— И очень жаль, что ты не можешь встречаться с ним, — добавила Грэтхен.

— Я не встречаюсь с ним. Мы даже почти не разговаривали, — отвечаю я. — Мы в какой-то степени просто смотрели друг на друга с минуту, — я скривилась, думая об этом.

— Вы смотрели друг на друга?

— Хм, ну да, — призналась я.

— Окей, это странно.

— Это произошло, смирись, — защищалась я.

Я сидела на кровати в окружении коробок, забитых моими вещами. Через несколько часов они будут погружены в машину и отвезены в дом моего отца. В моё новое жилище.

— Ты и правда сука, — произнесла Грэтхен.

— Какого черта?

— Ты бросаешь меня в мой выпускной год и затем цепляешь парня на похоронах Бэт.

— погоди секунду. У меня не было выбора, когда я тебя оставила. Я не могла ничего поделать с тем, что мама переезжает на другой конец страны. Ты представляешь меня, живущей в Калифорнии?

Грэтхен надулась на том конце линии.

— Почему твой папа не может переехать в этот округ?

— Он живет в том доме уже тринадцать лет. И ты понятия не имеешь, что происходит прямо сейчас на рынке недвижимости? Думаешь, он может продать свой дом? — от мысли о желтом линолеуме на кухонном полу и цветочных обоях мне стало дурно. Дом нуждался в полном внутреннем преображении.

— Ох, заткнись Брук. Как будто ты все знаешь. Ты всегда строишь из себя умную.

— Без разницы. Я умна. И, вообще-то, новости я смотрю, — ответила я и затем

добавила своим лучшим акцентом деревенской девушки. — Я абсолютно точно чертовски умная.

Грэтхен захихикала. Затем захихикала и я, потому что невозможно было не хихикать, когда это делала Грэтхен. Я наслаждалась звуками, пока мое сердце не сжалось, подавая сигнал о неподобающем поведении вскоре после смерти Бэт.

— И не говори, что я пыталась подцепить парня на похоронах Бэт, хорошо? Просто это неправильно, — произнесла я тихо.

Грэтхен помолчала немного.

— Я должна была пойти с тобой, — наконец, сказала она. — Я просто не могла. Я слабачка. Что я могу сказать? Ты ненавидишь меня?

Я покачала головой, но ничего не ответила, мгновенно ощутив ком в горле. Он появился из ниоткуда, болезненно пульсируя, особенно когда я попыталась сглотнуть.

— Ты здесь? — спросила Грэтхен.

Я кивнула, чувствуя первые горячие слезы, преодолевшие нижнее веко и повисшие на ресницах.

— Бруки, — произнесла Грэтхен. Это прозвучало отчаянно, мягко и сладко.

Всхлип взорвался быстро и сильно в моей груди, громче, чем я ожидала, по телу пробежала жестокая дрожь, которую я не могла подавить. Я застонала, зная, что могу звучать настолько сумасшедше и ужасно, насколько хочу, и Грэтхен не будет возражать.

— Что со мной не так? — еще рыдания. На этот раз громче.

— С тобой все в порядке, — прошептала подруга.

— Почему я так себя вела? Почему пыталась флиртовать с тем парнем? — плакала я. — Я такая жалкая.

Слезы потекли вниз по щекам, намочив телефон.

— Ты не жалкая, Брук, — ответила Грэтхен и затем добавила. — Ты не можешь все время плакать, или нам придется называть тебя Доротеей Дикс (*Прим. Доротея Линда Дикс (англ. Dorothea Lynde Dix, 4 апреля 1802 — 17 июля 1887) — американская активистка, боровшаяся за права душевнобольных.*)

— Это в прошлом, — ответил я, всхлипывая и вытирая нос тыльной стороной ладони.

— Ну, не важно, — произнесла Грэтхен, продолжая давить на меня.

— Смысл в том, что ты продолжаешь давить на себя, Брук, и это плохо.

— Моя лучшая подруга повесилась! — крикнула я в трубку.

— И это не твоя вина, — ответила Грэтхен. — Как ты думаешь, из-за чего она сделала это?

— Ее парень изменял ей со мной, Грэтхен. Ты забыла об этом? — не могла успокоиться я.

— И это делает тебя убийцей?

Вопрос шокировал меня. Я открыла рот, чтобы ответить, но ничего не смогла придумать. Почему я думала, что мое предательство привело Бэт к суициду? Я знала настоящую причину случившегося. Но все же вина тяжело томила в моем сердце, и я не могла стряхнуть ее.

— Ты нормальный человек, Брук. Ты не можешь плакать вечно. Ты должна жить дальше, как и все мы.

— Ты имеешь в виду, флиртовать с парнем на похоронах Бэт — значит жить дальше? Это не нормально, это отстой.

— Я почти ничего не знаю о психологии, но могу поспорить, многие доктора сказали бы, что это нормально.

Я фыркнула.

— Нет, я серьезно. Люди совершают сумасшедшие вещи, когда находятся в стрессовом состоянии.

Я пожала плечами.

— Прекрати винить себя, Брук, — сказала Грэтхен. — Финн подобного не испытывает.

— Остановись, — перебила я. — Во-первых, не упоминай его имя снова.

— Извини.

— Во-вторых, перестань пытаться заставить меня чувствовать себя лучше от того, что я вела себя как настоящая идиотка на похоронах моей лучшей подруги.

— Я не пытаюсь заставить тебя почувствовать себя лучше. Я просто называю вещи своими именами. Ты заперлась на несколько дней. Ты плакала больше, чем кто-либо другой. Ты отдала Бэт каждую крупицу своего страдания. Ты должна двигаться дальше, — добавила Грэтхен.

— Двигаться дальше? — тупо переспросила я, словно не понимая, о чем идет речь.

— Я не имею в виду, что ты должна забыть ее, — мягко произнесла Грэтхен. — Я говорю о том, чтобы ты перестала причинять себе боль. Эй, может быть, этот парень на похоронах может помочь. Он ходит в твою новую школу?

— О, Боже мой, — сказала я. — Откуда мне знать? И разве не ты говорила только что, что я не могу быть с ним, потому что это будет совершенно неправильно. Не говоря уже о неуместности?

Грэтхен проигнорировала мой вопрос.

— Он был на похоронах Бэт. Откуда он ее знает? Были ли они друзьями?

— Я не знаю, — я схватила салфетку с ночного столика и высморкалась.

— Гадость. Убирай телефон от лица, когда делаешь это, — попросила Грэтхен.

Я рассмеялась, не смотря на свою боль.

А затем я услышала знакомое хныканье. То же самое хныканье Грэтхен использовала для своего отца, когда хотела новые наряды. Это было раздражающе, но мило.

— Бруки, станет легче!

Я снова засмеялась. Ничего не могла с этим поделать.

Грэтхен была самым бесхитростным и одновременно сбивающим с толку другом, что у меня когда-либо был. Она думала, что может повлиять на события одной лишь силой мысли. Усилие было основополагающим фактором в достижении ее целей.

— На сегодняшнем экзамене по истории я *получу* «отлично»! — восклицала она в прошлом году, но поскольку не занималась, получила «неуд». Самая неприятная часть всего этого — ее неспособность понять, что если она будет произносить желания вслух, они все равно не будут сбываться.

— Грэтхен, ты не пыталась заниматься, — объяснила я ей.

— Но я произнесла это, — ответила она. — Подтвердила.

Я хотела сказать ей, что реальная жизнь не была семинаром по мотивации, где вам промывают мозги, полагая, что ежедневные записи и проговаривание их снова и снова заставит их сбыться.

— Ты меня слушаешь? — спросила Грэтхен, и я вернулась обратно в реальность. — Я сказала, станет лучше!

— И как ты предлагаешь мне это сделать? — спросила я.

— Иди и трахни того парня с похорон, — предложила Грэтхен. — Даже *если* это абсолютно аморально.

— Боже мой. Ты совсем больная, — ответила я.

— Я не больная. Я помогаю тебе. Ты должна двигаться дальше. Двигаться дальше от Финна и Бэт и всего этого бардака.

— Во-первых, не произноси это имя еще раз.

— Да, да. Я поняла, — ответила Грэтхен.

— Во-вторых, я не заинтересована в том, чтобы встречаться с кем-то в этом году. Особенно с парнем, которого я встретила на похоронах. Первый подпункт — это ...

— Подожди, я запуталась. Первый, второй, первый подпункт? — подразнила Грэтхен. Она любит посмеяться, когда я перечисляю вещи вслух в виде структурированного списка. Заголовки и подзаголовки.

Иногда все становится немного запутанным, особенно когда я вставляю заглавные буквы. Это моя фишка, и это помогало мне организовывать свои мысли.

— Просто заткнись и слушай.

— Да, мэм.

— Хорошо, итак, Первый. Подпункт. Я — выпускница старшей школы, которая планирует посещать очень престижный университет, когда закончит учебу. У меня нет времени на парней.

— *Верно*. Мы говорим об Университете Северной Каролины Эшвилл?

— У тебя претензии к артистам? — спросила я.

— Я просто рассуждаю, что это не Принстон. И я, правда, не насмехаюсь над хиппи или хипстерами, или любой другой группой людей с «хип» в названии. Это как, подруга, иди уже побрей свои подмышки. Понимаешь, о чем я говорю?

— Какая разница. Второй подпункт. Думаю, будет действительно странно встречаться с парнем, в которого я врезалась на похоронах. Я никогда не смогу признаться людям, как мы на самом деле познакомились.

— Это правда, — донесся ответ Грэтхен.

— Кроме того...

— Нет, Брук. Нет никакого «кроме того». Это даже не пометка для схемы, и мне плевать, — сказала Грэтхен. — Этот разговор становится скучным.

— О господи, и я еще сука? — спросила я.

Она засмеялась.

— Я хочу, чтобы ты все мне рассказала о регистрации занятий. Выбери самых горячих. Я хочу все знать, черт побери!

— Ты что, ни слова не расслышала из того, что я сейчас сказала?

— Без разницы. Ты, может, и не хочешь быть связанной отношениями, но это не удержит тебя от того, чтобы просто смотреть. Я тебя знаю, Бруклин.

Я захихикала в трубку и ощутила неправильность сказанных ею слов. Грэтхен была права насчет того, что я не буду находиться в депрессии вечно. Я просто не ожидала, что буду смеяться так скоро после смерти Бэт или флиртовать, пусть и безуспешно, с парнем на похоронах. Флиртовать определенно было неправильно, но, может быть, смеяться с моей подругой и не такое уж преступление. Какая за этим скрывается психология?

Что врачи сказали бы о моем поведении? Грэтхен думала, это нормально, и я мгновенно

вспомнила Скотта Петерсона (*Скотт Петерсон — 32-летний продавец минеральных удобрений из Калифорнии обвинялся в убийстве жены и не родившегося сына*), на камеру засняли, как он смеялся, когда его жена пропала. Жена, за убийство которой его признали виновным. Он был чертовым психопатом. Боже мой. Может, я тоже психопатка?

— Ты меня слушаешь? — разбушевалась Грэтхен.

Я покачала головой, чтобы избавиться от дурацких мыслей.

— Никогда, — подразнила я. — Я не слышала ни слова из того, что ты сказала.

— Абсолютно. Сучка, — ответила Грэтхен. — Чмоки. Я должна бежать! — и она повесила трубку прежде, чем я вылила на нее свою обиду.

Грэтхен Стивенс единственная девушка на планете, которой я позволяла называть себя сучкой. Я знала, другие девушки тоже так делали, но она единственная, у кого есть мое разрешение. Она единственная, кого я любила за это. Она была честна со мной — откровенно честна, особенно когда я облажалась с Бэт. Она провела меня через ад, но никогда не бросала. Не смотря ни на что, она оставалась другом, даже когда я погрузилась в депрессию и снова начала ходить на терапию. Грэтхен приравняла весь инцидент с изменой к эпизоду сериала «*Секс в большом городе*», где Кэрри признается Саманте в своей связи с Мистером Бигом. Кэрри ожидала, что Саманта будет осуждать ее, но Саманта этого не сделала.

— Так что я в роли Саманты, — сказала Грэтхен.

— Кроме того, что ты *осуждала* меня, в целом не плохо — ответила я.

— Да, но это лишь потому, что то, что ты сделала, было абсолютно дерьмово. Хотя, я все равно буду твоим другом, — добавила Грэтхен и затем обнимала меня, пока я не перестала плакать. — Я всегда буду твоим другом, Бруки. Нам позволено одно объятие в наших запутанных жизнях.

— Всего одно? — прохныкала я.

— Всего одно, — ответила она.

Я лежала на кровати, смотрела в потолок и думала о словах Грэтхен. Нам позволительно одно объятие. Я бы хотела сохранить свое на будущее. Восемнадцать лет кажется слишком ранним возрастом, чтобы уже использовать его. Я не думала, что это справедливо, и затем задавалась вопросом, почему продолжаю винить всех и всё вокруг себя за свои неправильные решения.

Я обвинила Финна в разрушении своей дружбы, будто сама не приложила к этому руку. Будто он заставил меня скрываться и заниматься с ним сексом, и находить оправдания, чтобы не проводить время с Бэт, а видеться с ним. Вообще-то, я также винила и Бэт: если бы она не была все время такой депрессивной, я бы хотела проводить с ней больше времени! Я удобно забыла о ее исповеди в том, какова была причина ее глубокой депрессии. Иногда я задавалась вопросом, какого размера было бы мое сердце, если бы у меня оно было.

Я винила мать в том, что у меня не было туфель с закрытым носом, и поэтому мне пришлось надеть ее туфли на похороны Бэт. Это было даже не важно, но каким-то образом я сделала так, чтобы это все стало проблемой для меня. Если бы я не надела те каблуки, я бы избежала почти падения в коридоре церкви, из-за которого я схватилась за руку Парня с Похорон, чтобы удержаться и не упасть. Я далеко зашла в своем убеждении и пришла к выводу, что если бы я не надела эти туфли, то и не врезалась бы в него. Да, это была мамина вина. Она была причиной того, почему я флиртвала.

Как может умная девушка быть такой идиоткой?

Я ощущала себя уставшей, но не хотела засыпать. Боялась увидеть во сне неприятные вещи. Я знала, это неправильно, но закрыла глаза и попыталась произвести проекцию лица Парня с Похорон у себя в голове, представляя все то, что сказали бы мне его голубые глаза. «Думаю, ты прекрасна», говорили бы они. «Думаю, я люблю тебя». И я улетела в эгоцентричный сон, который, в итоге, предал меня, вызывая духов из прошлого в пользу парня с пронизывающими глазами.

— Почему бы тебе не притащить сюда эту маленькую сексуальную задницу? — игриво произнес Финн. Он потянулся за моей ногой, но я стояла слишком далеко.

— Твоя девушка будет тут в любую минуту, — ответила я, хихикая.

Мы решили встретиться в доме Бэт и вместе поехать на мои соревнования по черлидингу «Все звезды». Бэт опаздывала, оставив меня и Финна наедине в ее спальне.

— Меня это не волнует, — ответил Финн. Он соскочил со стула около стола и схватил меня прежде, чем я смогла убежать от него в другую часть комнаты. Он обвил меня руками и несколько раз поцеловал мою шею.

— Меня волнует, — ответила я, задыхаясь, ощущая, что мое тело сдается под натиском его рта.

— Нет, не волнует, — пробормотал он так близко у моей шеи, что я чувствовала его дыхание, тем временем подталкивая меня к кровати Бэт. Он сел на край и опустил меня к себе на колени, кладя руки на мою попу под черлидерской юбкой. — А теперь, у меня есть хорошая идея насчет этого, но все равно хочу, чтобы ты сказала мне, — произнес он. — Почему эти маленькие вещицы называют спанкис? — он сжал мою задницу, и я вскрикнула.

— Они больше не называются спанкис, — поправила я. — Они называются черлидерские подштаники.

Финн сморщил нос.

— Гадость. Мне больше нравятся спанкис.

Я хихикнула и прижалась лицом к его шее.

— Ты так и не ответила на мой вопрос, — поддразнил он. Его указательный палец пролез за пояс моих шорт, затем погрузился еще ниже. Я заерзала.

— Я не знаю, — ответила я, ощущая, что мое лицо покрывается испариной.

— Думаю, я знаю, — мягко произнес Финн.

— Сегодня в школе ты была хорошей девочкой? — спросил он, и я почувствовала, как его губы касаются мочки моего уха, а рука хлопывает мою задницу.

— Я всегда хорошая, — я попыталась подняться.

Я уже чувствовала, что стала влажной, и у меня не было времени беспокоиться об этом.

— Это не то, что я слышал, — продолжил Финн. Он поднял меня со своих колен и положил на кровать. Я пыталась встать, но он удерживал меня, подергивая бровями, прежде чем перевернуть меня на живот.

— Не надо, — предупредила я, чувствуя, как его пальцы приподнимают мою юбку.

— Черт, Брук, — сказал он. — У тебя прекрасная задница.

Наклонившись ко мне, он прошептал на ухо:

— И я собираюсь проучить ее.

Он сел поверх моей спины, свесив по бокам свои ноги, и провел руками по всей моей спине.

— Финн! — кричала я, когда он опустил руку, слегка шлепнув меня по попе. Он

удерживал меня, а потом шлепнул еще раз, и еще, до тех пор, пока я не начала дико метаться, пытаясь сбросить его с себя. Я не понимала этого, но так смеялась, пока он не упомянул об этом.

— Ты попала в беду, юная леди, — сказал Финн, стараясь говорить серьезным тоном. — Почему же ты смеешься?

— Слезь с меня! — кричала я между вдохами.

— Нет уж, — ответил Финн. — Ты не извлекла урок, — и он начал шлепать меня снова. Моя голова дернулась, и я почти закричала.

— Нет! — это было бы неправильно, потому что я хотела, чтобы он сделал это снова. Я выгнула спину, приподняв зад вверх, и слышала, как он резко вдохнул. Он снова меня шлепнул, но на этот раз я промолчала.

— Ты даже немного не поплачешь для меня? — спросил Финн. Он шлепнул меня снова. Сильнее. И я издала крошечный всхлип.

Он слез с меня и перевернул, стягивая мои спанкис прежде, чем я смогла запротестовать. Он спустил их вниз по моим ногам вместе с трусиками, его нетерпеливость заставила повиснуть мои трусики на кроссовках. В этой позиции мне было не очень неудобно, так как большая часть моего веса приходилась на шею и плечи.

— Финн! — кричала я, совершенно беззащитная перед ним. Раньше он уже делал это для меня — много раз — но всегда в темноте. Прямо сейчас дневной свет просачивался сквозь планки жалюзи на окне, открывая ему отличный вид на все, что я бы хотела оставить спрятанным.

— Я самый счастливый парень в мире, — сказал Финн, и затем он провел своим языком по мне.

Я застонала и сместила свое тело, но это было бесполезно. Он удерживал меня на месте, его мускулистые предплечья вжимались в нижнюю часть моего тела. Он мягко лизнул меня, вызывая во мне крики, изредка переходящие в вопли, пока я не подумала, что хочу умереть. Я ощущала себя слишком хорошо и знала, что не заслуживаю этого. Я сжала простыни в ладонях по обеим сторонам от меня, и умоляла его остановиться.

— Я остановлюсь, — ответил он, но его губы все еще на мне. — Когда заставлю тебя кончить.

— Нет, нет, нет, — нерешительно сопротивлялась я. — У меня соревнования. Бэт, а Бэт будет тут в любую минуту.

Он проигнорировал меня и продолжил свое нежное нападение. Под его легкими поцелуями я хотела кончить и знала, что это будет сильнее, чем он делал до этого. Я не знала, почему в этот раз все чувства были обострены до предела. Вероятно, потому, что мы были слишком безрассудными, слишком рискованными, и спешка была захватывающе-опьяняющей.

Но я должна была обратить внимание на тревожные покалывающие чувства глубоко внутри моего сердца. Это был предупреждающий сигнал с большим мигающим красным огоньком. Я слышала плавный, спокойный женский голос в интеркоме, который используют в научно-фантастических фильмах: «Внимание. Десять секунд до детонации». И затем корабль взорвался, а мое тело вместе с ним. Я кричала в пространство, чувствуя, как из меня выкачали весь воздух, одна за другой у меня в глазах начали появляться звезды, точно так же, как и в моем сердце.

— Какого черта здесь происходит?

Я лежала опустошенная и замороженная и не хотела поворачивать голову, но заставила себя сделать это. Бэт стояла в дверном проеме.

Ее лицо было белым, и в моем ошеломляющем положении я хотела сказать ей об этом, сказать, что у нее что-то не так с лицом. И когда я вернулась в реальность, я поняла, как я выглядела — лежащей на ее кровати и лицом ее парня между моих ног. Финн снял мои ноги со своих плеч, и я натянула свои спанкис.

— Какого черта вы делаете?! — закричала Бэт.

— О господи, Бэт, я не знаю! — ответила я.

Я стояла с другой стороны ее кровати, в ловушке, как испуганное животное.

— Ты не знаешь?! — кричала она. — Мой парень делает тебе кунилингус, Брук! И ты не знаешь?

Я открыла рот, чтобы ответить, но вместо этого не издала ни звука.

— Ответь мне, ты, чертова сука!

— Бэт, прекрати, — произнес Финн.

— Ты издеваешься надо мной? Прекрати? Что вы делали? Как ты мог так со мной поступить? Ты мой парень!

— Бэт, ты и я, мы оба знаем, что все кончено. Это был конец, — произнес Финн. — Ты меня даже не любишь.

— Ты правильно все понял, ты, чертов мудака! — закричала Бэт. Она повернулась в мою сторону. — А ты... ты же была моей лучшей подругой, Брук.

Боль в ее глазах сломала меня до самого основания позвоночника и не собиралась уходить, чувство вины лишь усиливалось.

Я задохнулась от рыданий. Я подавилась от ее слов. Была. «Ты была моей лучшей подругой».

— Почему ты плачешь? — спросила Бэт. — Потому, что ты попалась? Или это неожиданно свалившаяся вина? Как долго это продолжается?!

Я покачала головой.

— Скажите мне, — потребовала Бэт.

Она сделала несколько шагов в мою сторону, прежде чем передумала и осталась на месте.

— Несколько месяцев, Бэт, — ответил Финн, и я тут же захотела ударить его.

Бэт задохнулась.

— Несколько месяцев?!

— И мы любим друг друга. Мне жаль, что я обидел тебя, — добавил Финн. Эгоистичный придурок. И о чем, черт побери, он говорит? Любовь? Мы никогда не говорили друг другу о любви, даже намека не было.

Бэт иронично засмеялась.

— Вау. Любовь. Супер.

Ее лицо было залито слезами. Я наблюдала, как одна слезинка повисла на ее челюсти, прежде чем упала на пол.

— Бэт, пожалуйста, — прошептала я.

— Убирайтесь из моего дома, — произнесла она.

Я не могла двинуться с места.

— Сейчас же!

Финн схватил меня за руку и вывел. Я думала, Бэт толкнет меня, когда я буду

проходить мимо нее, но она не двигалась, смотря на меня так, будто я была незнакомкой. И затем я услышала, как захлопнулась дверь, и весь мой мир мгновенно изменился.

ГЛАВА 3

Мой отец стоял посреди спальни, нервно оглядываясь.

— Ну, что думаешь? — спросил он, глядя на меня, затем обратил свой взгляд к окну.

— О чем? — ответила я.

— Комната, — произнес он. — Все нормально?

— Да, она классная, — солгала я. Она выглядела так, будто в ней жила десятилетняя девочка, которая была влюблена в Джастина Бибера и предпочитала фиолетовый цвет. Я немедленно переделала бы ее.

— Это хорошо, — ответил отец, в его голосе слышно облегчение.

Я улыбнулась. Было очень неловко стоять в спальне вместе, но ни один из нас не пошевелился, чтобы уйти.

— Как насчет пиццы сегодня вечером? — спросил он через некоторое время. — Есть действительно хорошее место вверх по дороге. Семейный бизнес.

— Звучит отлично, — ответила я и опустилась на кровать.

— Обычно готовлю я, — добавил он. — Но не знал, что тебе придется по вкусу. — Он почесал затылок.

— Я ем все, — я не собиралась облегчать ему приготовления.

Он вздохнул.

— Ешь, да?

Я улыбнулась ему, и он захихикал. И затем расслабился, а я сделала то же самое.

— Пап?

— Хмм?

— Где ты взял плакаты Джастина Бибера?

— «Уолмарт», — ответил он. — А что? Они тебе не нравятся? Продавщица в магазине сказала...

— Все нормально, пап.

Он перебирал шторы, обрамляющие окно, и дернул их.

— Вероятно, это тоже тебе не нравится, да? — спросил он.

Я снова улыбнулась, и он покачал головой.

— Я больше не слушаю этих девушек в офисе, — сказал он раздраженно, но в его словах была нотка юмора.

— Ну, мы можем все это исправить вместе с чеками, — предложила я, и он кивнул. — Пап?

— Хмм?

— Я знаю, ты этого не хотел, и мне жаль, — произнесла я. Я думала, что лучше быть честной.

Это была странная ситуация для всех нас. Мама теперь была на другом конце страны. Я до сих пор жила в прошлом, в том же доме, который пах летом, когда мне было девять, и у меня была лучшая из всех в истории ночевка с Бэт. Все выглядело точно так же, но мое сердце болело из-за запаха. Так же было на новом месте. Я знаю, он не понимает, почему я попросилась жить с ним. Я и сама этого не понимала, кроме того, что чувствовала себя вынужденной поступить в старшую школу Бэт в выпускной год.

— Не извиняйся, — произнес он. — Я хочу, чтобы ты была здесь. Правда. Некоторое

время я не был прилежным родителем.

— Ну, тебе не нужно беспокоиться, — ответила я. — Со мной довольно легко, и я независима. А также я устроилась на работу в кафе, куда ты водил нас раньше. Тебе не нужно беспокоиться о деньгах. — Я не должна была произносить последнюю часть.

— Почему ты думаешь, что у меня будет проблема с тем, чтобы дать тебе деньги, — спрашивает папа, вытаскивая свой бумажник.

— Нет, я просто имею в виду, что тебе не нужно думать, что ты должен менять всю свою жизнь теперь, когда я здесь. Я могу о себе позаботиться. Я не буду путаться под ногами, — говорю я и вижу боль в его глазах.

— Какую жизнь? — тихо спрашивает он. Я не знаю, что сказать.

Он уставился в окно, пока я разглаживала одеяло с рисунком гепарда. Я понятия не имела, что отец хочет, чтобы я была здесь.

Чтобы жила с ним.

Я осмотрела комнату. На самом деле осмотрела и увидела все. Время и душу, которую он вложил в обустройство. Яркие фиолетовые подушки на кровати, которые контрастировали с одеялом. Зеркало во весь рост на двери моего шкафа, у которого толстая рама, разрисованная фиолетовыми и белыми цветами. Приятные приглушенные прикроватные лампы, тоже фиолетовые. Мои старые помпоны прицеплены к зеркалу над комодом. Он даже нашел моих старых маленьких пони, и выставил их в линию на комод. Я хотела плакать от того, как неправильно это выглядело, но как правильно ощущалось. Я решила, что ничего не буду менять. Ну, только если плакаты.

— Ты хочешь пойти со мной на регистрацию занятий? — спросила я. Я знала, я буду единственным выпускником с родителем, но мне было плевать. Я хотела начать заново — выглядеть мило и невинно — и я думала, что мой папа, сопровождающий меня, отлично впишется в этот образ. Бог знает, мне нужна новая личность.

— Я не хочу мешаться под ногами, — ответил отец.

— Как ты можешь мне мешать? — спросила я, подпрыгивая с кровати. — Пошли. После этого ты можешь отвезти меня на шопинг за школьными принадлежностями.

Если он хочет купить мне что-то, кто я такая, чтобы отказываться?

— Хорошо, — ответил отец, волнение проскальзывало в каждом его слове.

Вы точно знаете, когда кто-то смотрит на вас. Вы это чувствуете. Волоски на шее становятся дыбом, и это странное чувство, вы не уверены, нравится ли вам это. Случается, человек заставляет вас чувствовать себя неудобно, даже если вы его еще не заметили. Или вы можете ощутить волну жара, омывающую вас, которая начинается с головы и стекает вниз по вашему телу до кончиков пальцев. Тогда вам это нравится. Если это хорошее чувство, даже если вы еще не заметили наблюдателя.

Я чувствовала, как волосы у меня на шее встали дыбом, потому что знала, кто это был. И мне это не нравилось. Как и он сам.

Я осмотрела свой прикид. Не знаю, почему меня это заботило, но я начинала заново в новой школе и хотела, чтобы первое впечатление было правильным. Короткие темные джинсовые шорты с прозрачным просторным топом. Под топом на мне был еще один топик, и я позволила лямке висеть на одном плече. На ногах украшенные драгоценными камнями сандалии. Я почти не использовала макияж. По большей части, я сфокусировалась на своих темных голубых глазах. Немного золотых тонов, чтобы сделать их яркими. Объемная тушь на

верхних ресниц. Нижние ресницы я не красила. Мне нравился контраст. Я даже завила волосы и оставила их распущенными, они каскадом струились по спине мягкими светлыми волнами.

Это было так важно — первое впечатление. Я пыталась начать заново. Я была уверена, что большинство студентов «Черити Ран» не знают, кто я, потому что моя старая школа не была их соперником. Они не будут знать мою с Бэт историю, мою историю ужасной подруги. У меня был шанс для настоящего перевоплощения. Я буду хорошей девочкой в выпускной год. Буду каждый день ходить по коридорам и ощущать призрак Бэт — постоянное напоминание о моем предательстве — и приветствовать боль. Это будет наказание, которого я заслуживаю. И если мне повезет, в конце концов, я исправлюсь.

Отец застрял за разговором с учителем, помогая мне, так что я решила, что пришло время повернуться и позволить моему наблюдателю полностью меня увидеть. Я подпрыгнула, когда его увидела. Я ожидала увидеть его через зал, но он стоял прямо позади меня. Меня окатило волной жара, но не в хорошем смысле. Я нервничала, и моя кожа от этого горела.

Он мне улыбнулся. Я вернула ему улыбку, скромную и неуверенную.

— Ты выпускница? — спросил он напрямик.

Он возвышался надо мной. Его растрепанные каштановые волосы, шоколадные глаза, невероятно темные и зловещие. Его руки были довольно мощными от постоянных занятий спортивным плаванием, и на долю секунды, я представила, как они схватили Бэт в ловушку, она не могла двигаться, сбежать, пока он делал с ней все, что хотел. Насилие самого личного характера. Слишком разрушительно для Бэт, чтобы это преодолеть, так что вместо этого она покончила с собой в шкафу в собственной спальне.

Во мне мгновенно вспыхнул праведный гнев, и так сильно, что я тут же нашла свою цель. Моя цель. Это чувство мгновенно затопило меня, мощная волна врезалась в мой мозг и мое сердце, унося с собой смелость и убежденность моего недавно сформированного плана. Я знала, как извиниться. Знала, как все сделать правильно с Бэт. В этот момент я была воином и собиралась вступить в бой от имени своей подруги. Я, мать его, похороню этого парня, Бэт. Я сделаю это. Наблюдай, как я это делаю. И я превращаюсь в хищника. Он просто еще этого не знает. Он думает, я жертва, и я позволяю ему так думать.

Я сглотнула.

— Да, — произнесла я, проводя пальцами по волосам. Я хотела, чтобы это выглядело как милая, немного нервная привычка. Я игриво наклонила голову, глядя на него.

— Это, должно быть, трудно. Переходить в новую школу в выпускной год, — предположил он.

— Не совсем, — ответила я. — Моя старая школа — отстой.

Я наблюдала, как его глаза шарили по моему телу. Он делал это скрыто, но я не была слепой. Моя кожа покрылась мурашками, и я почувствовала непреодолимое желание напасть на него. Я ему не ровня, я знаю, но, вероятно, смогу выцарапать ему глаза прежде, чем он свалит меня на пол, в бессознательном состоянии избивая меня.

— Ну, надеюсь, эта школа тебе больше понравится, — произнес он, после того, как закончил оценивать меня.

— Полагаю, это все равно не имеет значения, — говорю я. — Это наш последний год.

— Это, правда, — отвечает он. — Но я планирую хорошо провести время.

Да, спорю, ты планируешь, мудак.

— О, я тоже, — произнесла я слишком радостно. Кажется, ему это понравилось.

— Я Кэл, кстати, — представился он, протягивая руку.

Я осторожно приняла ее, хотя и не хотела этого.

Адреналин бурлил во мне, и я боялась, что сжимаю его руку так, будто хочу ее оторвать.

— Бруклин, — отвечаю я. — Но все зовут меня Брук.

— Приятно познакомиться, Бруклин, — он расплылся в приятной улыбке и сжал мою руку, прежде чем отпустить.

Хмм, значит, в его планы не входит называть меня «Брук».

По крайней мере, пока. Во что он играет? Вероятно, он не хочет, чтобы я думала, что добилась его внимания. Может он не хочет, чтобы я думала, что мы можем стать друзьями. Он был одним из этих популярных парней. У меня, с другой стороны, не было никакого социального статуса и амбиций быть популярной.

— Мне тоже приятно, эм... еще раз повтори, как тебя зовут? — я очень сильно пыталась подавить улыбку. Не хочешь называть меня «Брук»? Ладно. Я тебе вообще не дам имени.

Он усмехнулся.

— Кэл.

— Верно, — кивнула я. — Кэл. Кэл — это сокращенно от какого-то имени?

Он улыбнулся и оглянулся, прежде чем снова повернуться ко мне.

— Да. Кэлвин. Но все зовут меня Кэл.

— Ну что ж, приятно с тобой познакомиться, Кэлвин, — ответила я, наклонив голову на бок, и улыбнулась.

— Хммм, — ответил он задумчиво, и я представила, как он думает о том, какие трусики я ношу.

В идеальный момент папа хлопнул меня по плечу. Я должна уйти от этого парня. Я хотела задушить его, зная, что он сделал с моей подругой, и меня опьянял план, который все еще формировался у меня в мозгу. И, честно говоря, мне было страшновато от физических размеров Кэла.

— Готова? — спросил отец.

Я глубоко вдохнула, и подумала об идеальном ответе.

— Да, папочка, — и он странно посмотрел на меня. Я наблюдала за реакцией Кэла на мои слова, основываясь на его возбуждении. — Пока, Кэлвин, — махнула я ему рукой.

— Эй, погоди, — быстро произнес и потянулся к моей карте регистрации. — Могу я увидеть твоё расписание?

— Конечно, — ответила я, протягивая ему карточку. — Есть определенная причина?

— Эм, ну, могу рассказать тебе об учителях, — произнес он.

Бред собачий. Он хочет знать, какие классы может взять со мной. Попался, ну, сукин сын, и картинка, как большой, толстый тунец крутится на крючке, всплыла в моей голове. Медленная, мучительная смерть, и я улыбнулась, представляя последнее, отчаянное дерганье.

— Например, мисс Уолкер. Она заставит тебя делать различные презентации в классе. Если тебе, конечно, нравятся публичные выступления, но думаю, большинство из нас это чертовски ненавидят, — сказал он.

Я кивнула

— И мистер Хатчет.

— Ой, страшное имя.

— Без шуток. Он придурок. Просто, чтобы ты знала. Не пытайся завоевать его женским шармом. На нем это не работает. Он даже не принимает законные оправдания для отсутствующих в классе. Даже записки врача.

— Значит именно придурок, — повторила я.

— Остальные нормальные. Вижу, ты делаешь «Годовой альбом»? Я тоже планировал этим заняться, — сказал Кэл.

Планировал ли ты, Кэл? Ты, правда, собирался делать «Годовой альбом»? Дай мне перерыв.

— Ну, если собираешься, может быть, мы сможем работать вместе. Ну, ты знаешь: делать вместе фотографии или еще что-то, — предложила я приторно сладко. Хорошая девочка.

— Да, может быть, — сказал он, и протянул мою карту. — Увидимся позже.

— Хорошо. Увидимся на следующей неделе, Кэлвин, — сказала я, когда он уходил.

— Уже заводишь друзей, а? — спросил папа, пока мы выходили из спортзала и шли к его старому грузовичку.

— С большим трудом, — ответила я. — Хотя, он кажется довольно милым.

Ложь тяжело ощущалась у меня во рту. Он не был милым и даже очаровательным не был. Совсем не был, и я знала это.

Заставить его заплатить.

Эта часть была готова. Я заставлю его заплатить. Я просто не знала, сделаю это с помощью удара бейсбольной битой по его яйцам, приставив 9 миллиметров к его голове и нажимая на курок, или что-то более разрушительное. Идея пришла ко мне в спортзале, и теперь веселила меня, словно гелий в воздушном шарике. Идея позволить ему поиметь меня. Соблазнить его без его ведома, дать ему прекрасную возможность воспользоваться мной, и затем заставить его заплатить. Хотя, могу ли я на самом деле пройти через это? Могу ли отдать свое тело в жертву, чтобы затем насладиться мстостью? Была ли я достаточно сильной? Или достаточно сумасшедшей?

Я бы никогда не смогла этого сделать, если бы была девственницей, но я не девственница. Не то, чтобы это сделает связывание менее болезненным или травматичным. Тем не менее, думаю, то, что моя девственность не стоит на пути, сделает эту месть менее жизнеразрушительной. И будет ли это насильем с моей стороны, если я заманю его?

Я никогда не подвергалась сексуальному насилию, потому понятия не имела, как это влияет на женщин, и чувствовала небольшой стыд от того, что думала, что могу с этим справиться. Будто я знала о том, каково это. Мое высокомерие не знает границ, и я убедилась, что эмоциональное воздействие будет незначительным, потому что я была достаточно сильной, чтобы справиться с этим. Хотя, если честно, могу ли я на самом деле давать показания в суде, пройти через все это, без уверенности в том, что он сядет за решетку? Могу ли я рисковать тем, чтобы попасть под пристальное внимание общественности? Не каждый штат защищает личность жертв насилия, как только они выходят наружу. Защищает ли Северная Каролина? Я должна провести исследования.

Боже. Мой мозг вращался, занимая великими идеями мести. Я хотела этого для Бэт. Я хотела этого для себя. Вероятно, это похоронит мою вину и горе. Я учитывала тот тип мужчин, которым являлся Кэл. Что, если он насиловал других девушек? Была ли месть моим долгом? В этот решительный момент я чувствовала, что у меня нет другого выбора, что вся

моя жизнь определялась этим сумасшедшим планом. С тобой что-то серьезно не так, Брук, услышала я свои слова. Может быть. Но ощущалось все правильно. Я очень долго не чувствовала себя правильно.

Я лежала на кровати, мой мозг наполнился кучей вопросов. Я работала сверхурочно и не могла угнаться за собственными мыслями. Может быть, я просто схожу с ума. Может быть, я проснусь завтра утром и перечеркну весь план. Но кого я обманываю? Злость, которую я ощущала в спортзале, когда стояла перед этим хищником, была слишком реальной, слишком мощной, ее невозможно игнорировать. Сначала злость, а потом праведный гнев. Я ощущала гнев и знала, что должна действовать. Я очищу свое сердце, став нечистой.

Я заснула, зная, что возродятся старые события, заползут в мой разум из подсознания, заставляя меня переживать боль снова и снова, чтобы укрепить мое решение. Я проснусь решительная, потому что у меня нет выбора. И если я буду бороться с этим, сны продолжат преследовать меня, пока я не сдамся своей судьбе.

— Ты должна рассказать мне, что случилось, — умоляла я.

Бэт всхлипывала, закрывая руками лицо, раскачиваясь взад и вперед, словно на грани нервного срыва. Я не хотела, чтобы она сорвалась. Я не знала, что делать, если это произойдет.

— Бэт, пожалуйста, скажи мне — настаивала я, обнимая ее и притягивая к себе. Она опустила голову мне на плечо.

— Он изнасиловал меня, — прошептала она.

Я сразу подумала о Финне, и мое сердце оборвалось. Это не может быть Финн. Финн никогда бы не сделал подобное. Я не могла в это поверить, не поверю, потому что я спала с ним. Я сходила с ума по нему.

— Кто? — прохрипела я. Мой пульс ускорился, когда я вцепилась в лучшую подругу.

— Ты его не знаешь, — ответила Бэт. — Он ходит в мою школу. Его зовут Кэл.

Я отодвинулась и взяла Бэт за руки.

— Бэт, ты должна рассказать мне, что случилось.

Бэт трясло от новой волны рыданий, когда она с неохотой кивнула.

— Я пошла на вечеринку. Ту вечеринку, про которую я тебе рассказывала, — начала она.

Я насторожилась. Это была вечеринка, на которой меня не было.

Она хотела, чтобы я пошла, но я придумала какую-то паршивую ложь о встрече с мамой, когда на самом деле я собиралась увидеть Финна.

Я чувствовала себя дерьмово.

— Я думаю, что он добавил наркотики в мой напиток, — продолжила Бэт. — Я начала отключаться. Думаю, что у меня закружилась голова. Он повел меня наверх, в свою комнату, чтобы я могла прилечь. Я не хотела. Я продолжала говорить ему, что не хочу!

Она разразилась рыданиями, длинные рваные всхлипы, которые болезненно вырывались из ее груди, сильно ударяли по мне.

— Все хорошо, — сказала я, поглаживая ее по спине.

Все, о чем я могла думать, так это о том, что меня там не было. Если бы я была там, этого бы не случилось. Моя вина. Это все моя вина.

— Он снял мою одежду, — сказала она. — Я сказала ему нет. Я пыталась закричать, но мой язык распух, и я не могла ничего возразить. Он сказал, что я хочу этого и что я

только раздражила его.

— Ты не должна рассказывать мне дальше, — прошептала я. Я больше не могла продолжать слушать это.

— Нет! Мне нужно это. Я должна рассказать все! — закричала она, и я кивнула.

Она глубоко вдохнула, пытаясь сдержать новый всплеск рыданий в груди.

— Я заплакала, и он лизнул мое лицо. Я думаю, что он слизывал мои слезы. И потом он занимался со мной сексом, накрывая мой рот своим, и велел мне не рассказывать никому, потому что никто бы мне не поверил. Он знал, что я не девственница. Он знал, что я спала с парнями из команды по плаванию. Эти идиоты хвастались этим или что-то типа того.

Моя голова раскалывалась от чувства вины: вины за то, что не пошла на вечеринку с Бэт, за то, что на нее напали, за тайную встречу с ее парнем и за то, что соврала ей.

— Он прав, Брук, — произнесла Бэт. Ее голос дрожал, как осиновый лист на ветру. — Никто мне не поверит. Он — чемпион школьной команды по плаванию. Я — девушка, которая трахалась с тремя парнями в школе. Никто мне не поверит.

— Это не так, — возразила я. — Ты должна пойти дальше, Бэт. Ты не можешь позволить ему выйти сухим из воды.

— Ты с ума сошла? — вскрикнула она. Получилось жестче, чем она ожидала. Я отшатнулась от нее.

— Боже, Брук, ты хоть представляешь о чем, ты меня просишь?

Я ненавидела первый день в школе. Это усугублялось тем, что я ни с кем не была знакома. Да, перспектива начать все с чистого листа была привлекательной, но это был мой выпускной год, и я не знала, хотела ли тратить энергию на то, чтобы завести друзей. Это было слишком тяжело, и тогда я твердо решила потратить все свое время и энергию на уничтожение жизни Кэла. Я сомневалась, что новый друг или компания друзей могли вписаться в эту картину.

Я спустилась в главный холл в поисках коридора «Д». Я быстро обнаружила, насколько сложен план школы, похожей на особняк с привидениями на Западе, у владельца которого были рабочие, работающие на него, пока не умирали. Повороты и повороты, которые, казалось, ведут в никуда, — хаотичная архитектура, не имеющая в основе какого-либо стиля или направления. Человек может заблудиться здесь, и я подумала, что все было так и задумано изначально. Я представляла смеющихся учителей в учительской, смотрящих записи видеонаблюдения, на которых растерянные студенты снуют, как крысы, пытаясь найти свои классы. Пожалуй, это был один большой психологический эксперимент.

Я не знаю как, но я, в конце концов, наткнулась на коридор «Д». И, конечно, я понятия не имела, как добраться до класса номер один, но я не хотела беспокоиться об этом, пока не прозвонит звонок. Я осмотрела шкафчики, стоящие на одной стороне зала, пока не нашла свой. У меня было несколько тетрадей, которые я принесла с собой, и положила их в шкафчик, затем хлопнула магнитом, прикрепленным на внутренней стороне шкафчика. Это был он. Сейчас я была готова, и потому, закрывая дверь, я огляделась.

Несколько девчонок, проходя мимо, осмотрели меня с ног до головы, как будто со мной было что-то не так. Я решила улыбнуться, но они продолжали идти или просто не обратили внимания на мой приветливый жест, а, может быть, просто решили держаться от меня подальше. Без разницы.

У меня не было желания заводить друзей. Я собиралась уничтожить Кэла, поэтому

наблюдала, как он идет ко мне, напрягаясь все больше, чувствуя неуверенность в одежде, которую я выбрала на сегодня. Как правило, я была застенчивой рядом с парнями, которые мне нравились. Кэл мне, определенно, не нравился, но я обнаружила, что хочу впечатлить его. Я должна впечатлить его. В этом был весь смысл. Если он найдет меня непривлекательной или неинтересной, у меня нет шанса. Весь мой план стухнет, как старый фрукт.

— Ты Бруклин, верно? — спросил он, нависая прямо надо мной.

— Ага, — ответила я, наблюдая, как он пошел дальше по коридору в окружении своих друзей-неудачников.

Что, черт возьми, это было? И вдруг я точно поняла, что это было. Он не собирался облегчать мне задачу. Кретин. Он собирался заставить меня работать на него, работать, чтобы заработать свое место в группе популярных старшеклассников. Работать, чтобы заслужить место рядом с ним.

Долбоеб.

Конечно, так и должно быть. Я сделаю все необходимое для достижения своей цели. Я проглочу свою гордость, если это означает достижение правосудия. Я сделала глубокий вдох и начала блуждать по коридору в поисках двери класса «1А». В конце концов, я нашла ее, и была довольна собой, что успела до звонка. Однако большинство мест уже было занято, и меня это взбесило.

Мне нравилось сидеть в конце класса. Нет, это не совсем то, что я хотела сказать. Мне нужно было сидеть в конце классе. Но свободные места были прямо по центру. Я неохотно села в четвертый ряд справа и постаралась подавить тревогу.

Я боролась с интенсивной клаустрофобией столько, сколько себя помнила. Я никогда не ездила в лифте, полностью отключалась от внешнего мира в самолетах и всегда ехала в ряду, который был ближе к обочине.

У меня была собственная тактика. Сейчас я сидела в окружении студентов, и на короткий момент я закрыла глаза, представляя, что нахожусь посреди огромного поля, пустое пространство растягивается так далеко, насколько я могу видеть во всех направлениях, и мне удалось замедлить биение своего сердца.

Я научилась этому трюку на терапии, и он показал свою эффективность в определенных ситуациях. Но это не работает в лифтах. Я узнала это на собственной шкуре после того, как пытаюсь закрепить свой результат, чувствуя себя самоуверенной после того, как успешно пролетела в самолете через пять штатов без помощи успокоительного. Я думала, что смогу справиться с лифтом, но вскоре обнаружила, что очутилась на полу, крича и глубоко дыша в бумажный пакет.

Тут я посмотрела вправо, потому что увидела нечто красивое в поле моего периферийного зрения. Он был там — Парень с похорон, сидел в крайнем ряду у дальнего окна и смотрел в пустоту. Меня начало трясти, и я прикрыла глаза, представляя бескрайнее поле. Проблема была в том, что он был совсем рядом, шел ко мне, и прежде чем я успела среагировать, он схватил меня и грубо поцеловал.

Мой Бог, он причиняет мне боль, но я хочу его! Я поцеловала его лихорадочно, а затем почувствовала его руки на кнопке моих джинсов. Он даже не спросил разрешения и начал раздевать меня, так что у меня не было выбора.

Мои глаза открылись, и я поерзала на стуле.

Это было невероятно неудобно. Да, небольшая частица меня подозревала, что он учится

в этой школе. Иначе, зачем ему быть на похоронах Бэт? Но я была не готова увидеть его в моих классах. И я знала, что не могу связываться с ним. Во-первых, я понятия не имела, нравлюсь ли ему. Во-вторых, я не могла преследовать его, пока пытаюсь заполучить внимание Кэла. А в-третьих, я дала оБэт против парней, несмотря на Кэла.

Глупый Кэл. Он уже разрушал мою жизнь, а мой план еще даже не начал осуществляться. Я снова посмотрела на Парня с Похорон. Он смотрел прямо на меня, и мой локоть невольно дернулся, скидывая тетрадь со стола. Я потянулась, чтобы достать ее, и ударилась лбом об угол стола.

— Ублюдок! — зашипела я, и услышала небольшой вздох рядом со мной.

— Ты в порядке? — спросила девушка.

Я прикоснулась к воспаленному месту на лбу и села.

— Все плохо? — я передвинула руку, чтобы девушка могла хорошо рассмотреть.

— Просто слегка покраснело, — ответила она, улыбаясь.

Я закатила глаза при звуках смеха, доносившегося позади меня.

— Я просто обожаю быть источником веселья, — сказала я, показывая большим пальцем в дальнюю сторону комнаты.

Девочка повернулась в направлении смеха, ее улыбка мгновенно исчезла, и я видела, как на ее лице появляется тревога. Я не была абсолютно уверена, но мне показалось, что это был страх. Она покачала головой.

— Не волнуйся о них, — произнесла она тихо, крутя ручку.

— Я и не волнуюсь, — ответила я, немного оскорбленная тем, что она предположила, будто я беспокоюсь о том, что думают обо мне эти студенты.

Я развернулась, чтобы посмотреть на них. Понятия не имею, когда Кэл успел зайти в класс, но ощутила, как мое лицо мгновенно покраснело. Он улыбнулся мне и махнул рукой. Я положила руку обратно на лоб и пожалала плечами, закатывая глаза. Он пожал плечами в ответ, от этого дружелюбного жеста я занервничала. Я не хотела, чтобы он был таким чертовски милым, но разве не так ведут себя хищники? Если они будут выглядеть пугающе или устрашающе, у них никогда не будет шанса атаковать жертву.

Я обернулась. Мой лоб все еще пульсировал.

— Я Брук, кстати, — сказала я, обращаясь к девушке.

— Люси.

— Приятно познакомиться с тобой.

Люси улыбнулась, но ничего не сказала. Она была симпатичной, миниатюрной блондинкой с большими светло-кариими глазами. Она напомнила мне птицу — мелкие кости, хрупкое тело. Я подумала, что она могла бы есть больше, но, возможно, она ела как лошадь и не набирала вес. Я смотрела в ее открытую тетрадь, когда услышала, что дверь класса открылась. Вошел учитель, и я попыталась сфокусировать внимание на нем, хотя это было трудно с Парнем с Похорон справа от меня и Кэлом позади. Мысль о Кэле, который сидел позади меня и наблюдал за мной, в то время как я не могла двинуться с места, действительно меня злила. Я уверена, что он наслаждался этим. Я уверена, что он будет, наслаждался всей пятьюдесятью одной минутой, и я снова закрыла глаза, мысленно пытаюсь вызвать поле.

Я должна быть на работе в час, это даст мне достаточно времени, чтобы провести небольшое расследование.

Люси.

Что-то в ней мне не нравилось, не потому, что она казалась плохим человеком, но потому, что сегодня утром в классе она неподдельно боялась Кэла и его приспешников. Я хотела знать, кто она. Крошечная часть меня ожидала худшего, но я не хотела цепляться за первое попавшееся заключение. Я хотела, чтобы моя интуиция ошиблась, когда открыла ежегодник новичков Бэт, который дала мне ее мама.

Я нашла Люси и начала изучать информацию о ней, на третьей странице были фото «Бала выпускников», и она была принцессой-первокурсницей.

Девушка позировала, стоя на платформе, оформленной в виде волны, а с трибун стадиона раздавались громкие «ура». Она выглядела счастливой, цепляясь за руку своего эскорта. Я пролистала еще несколько страниц, прежде чем заметила ее в школьной команде поддержки. Вот она, ярко улыбается, взлетевшая в воздух в позе, которая в черлидинге называется «Свобода». Я знала движение, потому что меня бросали в воздух, чтобы я делала то же самое. Элемент был выполнен идеально, и я почувствовала толику ревности. Это было глупо, но ревность все равно была.

Я продолжила просмотр, находя ее на множестве других страниц: ежегодника клуба, хора, волейбола. Я замерла, когда посмотрела на страницу студенческого бала. Люси была там, танцевала с Кэлом, он крепко, но бережно обвил свои большие руки вокруг ее маленькой талии.

Собственник. Я начала судорожно соображать. Кэл был ее парнем? Он отвозил ее домой? Он изнасиловал ее перед тем, как отвез эту девушку домой?

Я открыла ежедневник второкурсников Бэт, просмотрела все спортивные мероприятия и страницы общественной деятельности, но не нашла фотографий Люси. Она была изображена только на распределении второкурсников. Я уставилась на ее фото, но ничего не увидела в ее глазах или улыбке, которая выдавала жизнерадостного, общительного новичка.

Было что-то пустое в этой улыбке, как будто она не верила в это и не ожидала, чего-то еще.

Я пролистала ежегодник Бэт, предназначавшийся для начальных классов. Люси нет. Нигде. Даже ее фотография с младшим классом пропала, вместо нее «Нет доступных фотографий».

Мое сердце сжалось, и я удивилась, как я могла переживать за человека, которого даже не знала. Я подозревала, что были другие жертвы, но не хотела обнаружить их. Это осложнило бы мой план. Я хотела справедливости для Бэт. Я словно была в ответе за нее, готова пожертвовать собой ради нее, но я не хотела нести ответственность за кого-либо еще. И я не хотела, чтобы знание о других изнасилованиях превратило Кэла в ужасающего монстра, который напугал бы меня. Тогда я бы точно ничего не смогла ему сделать, если бы боялась его по-настоящему.

Я отбросила ежегодник сторону и взглянула на часы. Пора ехать, и я была благодарна за отвлечение внимания. Схватив фартук, который висел на стуле, я торопливо вышла из дома.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, когда подошла к Грэтхен.

— Что люди обычно делают в ресторанах? — ответила она.

Я ухмыльнулась и достала ручку из-за уха.

— Я ведь сказала, что позвоню, когда вернусь домой, — проговорила я, перевернув на чистый лист блокнота заказов.

— Да, но я не могла ждать так долго, — призналась Грэтхен.

— Сегодня я занята, Грэтхен. Я не могу торчать и общаться, — сказала я. Я бросила взгляд на другие столики. Нет необходимости донести что-то клиентам. Никто не привлекал моего внимания. Пока все хорошо.

— Я знаю, Брук. Я буду здесь, пока толпа не схлынет.

— Ты будешь всю ночь зависать за моими столиками? — спросила я. — Тебе лучше оставить мне чертовски хорошие чаевые. Я пытаюсь здесь зарабатывать деньги.

— Расслабься, — сказала Грэтхен. — Делай свою работу, а я позабочусь о тебе, — она подмигнула, и я нахмурилась.

— Действительно, весело, — пробормотала я. — Что ты будешь?

— Вот этот салат и диетическую колу, — ответила она, указывая на меню.

— Хорошо, — я прошла к стойке приема заказов и пробила еду Грэтхен, потом направилась налить ей диетической колы.

Я начала свою работу официанткой вскоре после того, как переехала к папе. Получила ее, потому что соврала насчет опыта, и менеджер был так благодарен, что не надо обучать кого-то. Он повторил это десять раз на собеседовании, и я почти призналась в отсутствии опыта из чувства вины. И страха. Никакого обучения вообще?

Я хорошо умела пудрить мозги, но официанткой быть тяжело. Вы должны быть быстрыми. Вы должны все помнить. Вы должны приложить усилия, чтобы не раздражать никого, особенно ваших клиентов. И, конечно, это касается и ваших коллег. Они никого не посадят в твой сектор, если ты их разозлишь. По правде говоря, у меня не было подсказок, что делать, но я научилась довольно быстро, после того как повар, посудомойка и экспедитор наорали на меня в первую же ночь.

— Помести чертов заказ в чертов компьютер, Райт, — Терри, главный повар, наорал после того как я спросила его, почему мой заказ не приготовлен для столика № 12.

— Я записала для тебя, — сказала я, указав на рукописную форму заказа, лежащую на прилавке рядом с его грилем.

— Чертовы подростки, — пробормотал он, потом взял лист, разорвал его и бросил в огонь.

— Эй! Какого черта?! — закричала я.

Он указал на компьютер.

— Ты сжег мой заказ, — пробурчала я.

— Ты не запомнила? — спросил он.

Я повернулась и выбежала из кухни, многократно извинилась у клиентов столика № 12, чтобы переспросить их заказ. К счастью, они были хорошими и спросили, был ли это мой первый день. Я не ждала хороших чаевых и была удивлена, когда они оставили мне немного денег. Это было сродни жалости, но я все равно взяла их.

Я была застигнута врасплох, когда вернулась к Грэтхен с ее напитком. Она сидела, замерев, и пялилась, и я проследила за ее взглядом, направленным на семью, которую только что усадили за столик. Я чуть не уронила стакан, но отказывалась отвести глаза от семьи. Вернее, от него. Парень с Похорон. Снова. Он знал, что я здесь работаю?

Как нелепо, и абсолютно эгоистично. Я должна продолжать напоминать себе, что мир, фактически, не вращался вокруг меня.

— Черт возьми, Брук! — закричала Грэтхен. — Ты все это время поливала меня колой!

Я оторвала взгляд от Парня с Похорон и посмотрела на рубашку Грэтхен. Там были два

маленьких темных пятна чуть левее ее груди. Я закатила глаза.

— Все время, да?

— Это «Бебе», сука, — ответила она.

Я усмехнулась.

— Я не знаю то, что это значит.

— Ага. Конечно, ты не знаешь. Тебе лучше начать откладывать эти чаевые, если это дерьмо не отстирается.

— О, Грэтчи, — сказала я мягко.

— Не называй меня так, — предупредила она, а затем ее тон изменился в мгновение ока. — Теперь проверь красавчика вон там. Она указала на Парня с Похорон. Мой красавчик, я уже решила на него претендовать.

Я жаждала увидеть ее реакцию.

— Грэтхен, это Парень с Похорон.

— Нет, черт возьми, — воскликнула она так громко, что пара с тремя маленькими детьми, которая сидела рядом, повернулась в ее сторону и нахмурилась.

— Это семейный ресторан, — рявкнула мать.

— Ни черта подобного, — ответила Грэтхен, издевательское недоумение отобразилось на ее лице.

— Грэтхен, — произнесла я тихо.

Мать оскорбилась и опять повернулась к мужу. Я слышала их бормотание и задалась вопросом, сколько времени потребуется менеджеру, чтобы услышать жалобы и выгнать Грэтхен. Почему она не может держать свой рот на замке?

— Это — парень, с которым ты столкнулась на похоронах? — спросила она.

— И он в двух моих классах, — кивнула я.

— Я абсолютно точно ненавижу тебя, — сказала Грэтхен. — Жизнь так несправедлива.

Я пожала плечами.

— Он сидит в твоём секторе? — спросила она.

— Нет, слава Богу! Я бы, наверное, сказала или сделала что-нибудь совершенно неловкое, — ответила я. — Я ударила лбом об угол моего стола сегодня. Он видел это. Это произошло потому, что он упорно смотрел на меня.

Грэтхен съежилась.

— Я этого не понимаю. Его горячность заставила тебя трястись или что-то подобное?

Я засмеялась.

— Нет. Он заставил меня смахнуть тетрадь на пол, и когда я наклонилась, чтобы поднять ее, я ударила головой.

— Как неловко, — посочувствовала Грэтхен.

— Да, у меня, кажется, есть способность делать неловкие вещи рядом с ним. Я не знаю, почему он делает меня настолько легкомысленной и глупой.

— Потому что ты хочешь переспать с ним, — ответила Грэтхен. — И теперь я полностью понимаю почему.

Она вновь повернулась в его сторону.

— Он фу...

— Бее! — крикнула я. — Не произноси это слово здесь!

— Боже мой, — сказала Грэтхен. — Все равно. Он чертовски горяч. Ты рада? Сейчас иди туда и поговори с ним.

— Ты просто заблуждаешься, — ответила я и ушла на кухню.

Терри и я с тех пор наладили наши хрупкие отношения. Он принес извинения за тот первый вечер, когда орал на меня и сжег мой заказ. И за сообщение менеджеру, чтобы тот уволил меня. Тем вечером после работы он предложил мне выпить, и когда я сказала, что мне только восемнадцать лет, он спросил: «И что?».

— Я не знаю, — ответила я. — Может быть, это незаконно или что-то подобное.

— Это незаконно только в том случае, если поймают, — объяснил он, и я знала, что он плохиш. Я бы держалась подальше от него и его десяти татуировок.

— Райт! — закричал Терри, когда я проходила через дверь на кухню. — Тащи свой тощий зад сюда и забери свои гребаные заказы! Ты занимаешь много места на полках.

Я отсалютовала ему и схватила поднос, аккуратно складывая все мои заказы для трех столиков, включая заказ Грэтхен.

Я прошла через свою секцию, разнося еду людям, которые выглядели искренне шокированными и восторженными. Я задавалась вопросом, вела ли я себя так в ресторанах, не зная об этом: шокированная и восторженная от вида своей тарелки, как будто не ожидала ее увидеть. В конце концов, я была в чертовом ресторане.

Люди были так глупы.

— Его зовут Райан, — произнесла Грэтхен, когда я подошла с салатом.

— Я знаю. Они делают переключку в классе. Но откуда ты знаешь?

— Я подслушала, как его младшая сестра выкрикнула его имя, — ответила она, ухмыляясь.

— Грэтхен, оставь его в покое, — сказала я.

Подруга взяла вилку и попробовала салат. Я ждала, когда она попробует, затем я спросила, что еще ей нужно.

— Номер телефона Райана, — ответила она с совершенно невозмутимым видом.

Я послала ей спокойный взгляд.

— Эй, если ты не собираешься стрелять, это сделаю я.

— Я так не думаю, — ответила я и посмотрела на Райана через плечо. Он заметил меня, и я наблюдала, как он оценивал меня взглядом. Я не ощущала себя грязной или вульгарной, как тогда, когда так делал Кэл, и тут же почувствовала себя героиней любовного романа.

Райан делал это открыто, будто хотел, чтобы я увидела, как он это делает, и я не знала, как реагировать. Я была прогрессивной женщиной, живущей в прогрессивном мире. Разве я не должна чувствовать себя оскорбленной? Я не вещь, мудака!

Но я не могла притворяться обиженной. Я была польщена, и улыбнулась ему, хотя знала, что это было ошибкой. Он ухмыльнулся в ответ, и начались неприятности. Прямо там, в тот самый момент. Мне бы повернуться и пойти прочь. Но я этого не сделала. Я улыбнулась, и в этот миг мой простой план преследовать Кэла, сделать ему больно, заставить его заплатить, стал еще более запутанным.

ГЛАВА 4

Неделя в школе прошла очень быстро. Я достигла небольшого прогресса с Кэлом, но с Люси все обстояло куда сложнее. Я думала, что смогу подружиться с ней, но она оставалась закрытой. Она выделялась среди других одноклассников, всегда меня приветствовала, спрашивала, как дела на работе, но это были ничего не значащие вопросы, которые держали меня на расстоянии. К пятнице я подумала, что у нее есть какие-то ужасающие тайны. Не знаю, почему, но я хотела их узнать. Я говорила себе не ввязываться в чьи-то проблемы. У

меня хватало собственных. Я не могла быть группой поддержки для команды, состоящей из жертв.

Кэл тоже разочаровывал. Как бы сильно я не старалась быть очаровательной и милой, он не реагировал. Продолжал держаться от меня на расстоянии, снова и снова, удивляя меня в коридоре между классами своими «Привет» или «Классный топ, Бруклин». Я знала, он делает это специально, заставляет меня думать, что у меня был шанс, и что я буду работать, чтобы приблизиться к нему. Я была убеждена, он хотел, чтобы я сблизилась с ним. Я несколько раз ловила его в классе за тем, что он откровенно пялился на меня. Это был взгляд хищника, будто он стремился заклеить меня, сделать своей.

Всякий раз, когда ты стараешься ни во что не ввязываться, проблема сама тебя настигает в самый неподходящий момент, форсирует ситуацию, и у тебя нет выбора, кроме как действовать из чувства моральной ответственности, потому что глубоко в сердце ты хорошая и хочешь делать хорошие вещи, поступать правильно, если вам угодно. Мое отчаянное желание творить добро исходило от гнетущего чувства вины из прошлого, а не от чувства моральной ответственности. Я знала, в конце концов, что должна что-то сказать, что-то сделать, от чего буду чувствовать себя некомфортно, потому что, когда ты пытаешься быть хорошей, есть ли другой выбор?

Пятница, и я едва дошла до уборной, когда зазвонил телефон. Я сдерживалась все утро, и не могла найти оправдание, чтобы отпроситься со своих занятий. На самом деле, это не правда. Был перерыв между четвертым и пятым уроком, но Кэл держал меня у моего шкафчика все это время, и я не могла упустить возможность поговорить с ним. Я бы скорее получила мочевую инфекцию, чем ушла от Кэла.

Он спросил, не хочу ли я сделать снимки игры женской волейбольной команды после обеда. Да, он, в конце концов, взялся за ежегодник, и я ждала этой возможности, чтобы узнать его получше. Узнать, что им движет. Что ему нравится, а что нет. Вся информация, что мне понадобится, будет храниться в моем арсенале для будущего использования, когда разразится битва. Я согласилась встретиться с ним в спортзале в четыре, и он ушел, оставляя мне достаточно времени лишь для того, чтобы успеть дойти до класса до звонка.

Я залетела в кабинку и сорвала с себя шорты, опускаясь на туалетное сидение, потому что не могла сидеть на корточках. Я слишком сильно хотела в туалет. Обычно, я сидела на корточках над унитазом, и, вероятно, и сейчас мне надо было так сделать, потому что почти уверена, что ощущала крошечные капли на задней части бедер.

— Гадость, — бормочу. — Я сижу в чьей-то моче.

Но мое облегчение стало маленьким кусочком рая, и я в блаженстве сидела на унитазе, наслаждаясь ощущением пустого мочевого пузыря, глупо улыбаясь, пока читала ненормативную лексику, написанную на двери кабинки.

«Джейми Х. — грязная шлюха».

Мне было интересно, кто такая Джейми Х.

«Кэролайн трахнула футбольную команду».

Вау, — подумала я. — Это много траха.

«Люси делает парням минеты за деньги».

Да неужели?

Я наклонилась вперед и перечитала предложение. Они не могли говорить о моей Люси. Да, точно так же, как Райана, я решила называть ее моей собственностью. Это была мгновенная собственность, потому что я думала о том, что она была мила и добра, и я не

собиралась позволять любой суке говорить гадости о ней. Конечно, возможно, это была другая Люси, но «Люси» не было популярным именем. Девушка, которую я встретила, не похожа на развратную и легкодоступную оторву, о которой написано на двери туалетной кабинки. Почему кто-то написал так о ней?

Я вспомнила те несколько раз, когда я видела ее вне класса. Она никогда не гуляла и ни с кем не общалась. Она всегда была в одиночестве, угрюмой, в лучшем случае замкнутой. У нее не было друзей. Но почему? Я думала про первый день занятий, когда я стукнулась головой. Она обратилась ко мне тогда. Почему она это сделала? Может, потому, что я была новичком? Я не знала ее достаточно хорошо. Для нее это было безопасно — поговорить со мной, с кем-то доселе незнакомым ей. Возможно, только возможно, она пыталась подружиться со мной. В тот момент я была переполнена своего рода нежностью, обычно испытываемой исключительно к маме и папе. Это была родственная нежность, но я почувствовала ее и к этой девушке. Я хотела принять ее как сестру, защитить, заставить ее улыбаться.

Я замерла, когда услышала, как дверь туалета открылась. Рядом раздались шаги, затем всхлипы. Я не знала, что делать. Я должна дать знать о своем присутствии, например кашлем или вздохом? Было очевидно, девушка думала, что она в полном одиночестве. Кто не проверяет под дверями кабинок, чтобы удостовериться, что ты одна?

Всхлипы продолжались еще пару минут, прежде чем резко прекратились. Я была уверена, что она все еще находится в туалете. Не было слышно, чтобы дверь снова открылась. Я поняла, что могу застрять здесь навсегда, если срочно что-то не придумаю. Лучше просто выйти. Она будет огорчена или зла, но я должна воспользоваться этим шансом.

Я спустила воду и вышла. Девушка развернулась ко мне. На ее лице был написан испуг.
— Ты в порядке? — спросила я.

На мгновение она уставилась на меня. Ее лицо было мне не знакомо. Она выглядела слишком юной для выпускницы, и я никогда не видела ее в коридоре «Д», который предназначался только для учеников выпускного класса.

Она сделала шаг к двери, но я заблокировала ее.

— Я могу чем-то помочь тебе? — спросила я.

Она посмотрела на меня, ее большие зеленые глаза наполнились слезами. Она была такой красивой и испуганной. Какого черта? Это была вторая симпатичная испуганная девушка, с которой я встретила в свою первую неделю в школе. Сколько их здесь?

Я знала, это потрясет ее до мозга костей, вынудит ее пережить мучительное событие снова и снова, но я должна была спросить.

— С тобой случилось что-то ужасное?

Прежде, чем оттолкнуть меня, она кивнула. Это было едва уловимо, но она кивнула, а затем оттолкнула меня с дороги и вышла из туалетной комнаты.

Я вышла из уборной после того, как вымыла руки, потрясенная и ошеломленная. Вдруг я начала осматривать все вокруг, воспринимая всю картину. Я смотрела на робкие тени, снующие в коридорах, завернутые в позорные тайны. Я точно знала, они были там.

Я пропустила ланч и покинула коридор выпускников. Прошла по коридору начальных классов в поисках нечто подозрительного или странного. Я думала, что увидела ее, нервно топтающуюся возле двери класса, собираясь с мужеством, чтобы войти. И еще одну, стоящую у своего шкафчика, украдкой бросавшей взгляды туда-сюда, высматривая хищника. И еще одну, тихо крадущуюся по коридору, избегающую взглядов. И еще одну, исчезающую в

ванной, чтобы выплакать всю свою боль.

Боже мой. Я уже схожу с ума! Я схватилась за стену, делая глубокие вдохи. Я осмотрела коридор. Он искривился, студенты растягивались и закручивались по кругу, проходя мимо меня. Будто я приняла галлюциноген и испытывала нечто вроде наркотического опьянения. Я не знала, стоят ли мои ноги до сих пор на полу, или я свисала с потолка.

Я закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на полу. Но у меня ничего не получилось. Я глубоко вдохнула, чувствуя иголки в груди, которые кололи все сильнее, когда я пыталась сделать глубокий вдох. Открыв глаза, я увидела темные пятна. «*Я ничего не видела!*» — кричала я, но никто не слышал меня. Мой рот не двигался. Я услышала вопрос:

— Ты в порядке? — прежде, чем темнота охватила меня, и я провалилась в забвение.

— Вы страдаете от приступов паники? — спросила школьная медсестра. Она была старой, вероятно, около пятидесяти, и нависла надо мной, изучая один глаз, затем другой.

— У меня клаустрофобия, — ответила я. Мой голос задрожал. Все мое тело тряслось, словно в лихорадке, и медсестра это видела. Она схватила одеяло, чтобы обернуть вокруг меня, но я запротестовала.

— Оно чистое, — сказала она, и я решила ей поверить, потому что замерзала. И находилась все еще в состоянии шока.

Я натянула одеяло, плотно закутавшись в него, словно защищаясь.

— Вы знаете, что вызывает у вас клаустрофобию? — спросила медсестра.

Этот вопрос сказал мне все, что я должна была знать о школьных медсестрах.

Я посмотрела на нее, приподняв брови. Действительно ли она была идиоткой или целеустремленно игнорировала саркастическое выражение моего лица?

— Я не знаю, — произнесла я легкомысленно. — Тесное пространство. Обычно это вызывает у меня клаустрофобию.

— Но вы не были в тесном помещении, — ответила она. — Вы были в открытом коридоре...

Ответ вышел самодовольным, будто она поймала меня в ловушку и наслаждалась этим ощущением. Будто она знала, что я думаю о ней как об идиотке, задавая мне такой глупый вопрос лишь для того, чтобы доказать, что это не так. Я хотела ударить ее по лицу.

— Мне казалось, что я в *ловушке*, — пробормотала я.

Я злилась на то, как ощущала себя из-за этой женщины, как будто у меня не было законного права для обморока, и я была в огромном открытом коридоре. Будто это была моя вина.

— Понятно. У вас когда-нибудь раньше был приступ на открытых пространствах? — спросила она.

Я задумалась на мгновение. А затем воспоминание заполнило мой разум. Оно не имело ничего общего с открытым пространством. Оно было связано с детской площадкой старого «МакДональдса» особенно с одним игровым оборудованием: «Тюрьмой надзирателя Биг Мака». Мне было семь, и мы были на отдыхе, путешествовали по Техасу. Остановились, чтобы пообедать, и я упростила, чтобы меня отпустили поиграть на игровой площадке, ни у одного «МакДональдса» не было такой площадки, только у этого. Сами детские комплексы были пластиковые и безопасные. Но эти были из блестящего металла — сияющие и опасные на жарком солнце — и они так и манили меня.

Я видела, как несколько детей играли в «Тюрьме надзирателя Биг Мака» и захотела

присоединиться к ним. Это была длинная металлическая труба, в которой размещалась лестница. Верхушка тюрьмы напоминала по форме огромный плоский шар-гамбургер, верхние и нижние булочки разделены металлической опорой, напоминающей тюремную клетку.

В тот день я впервые испытала приступ клаустрофобии, поднимаясь вверх по лестнице. Внутри было довольно много места, что позволяло удобно ползать, но я не могла встать. И не могла поднять голову, чтобы увидеть, что передо мной. Я проползла один раз по кругу, и решила, что плохо себя чувствую. Я хотела выбраться. Но лестница была заблокирована. Много детей поднималось внутрь, так что у меня не было другого выхода, кроме как отступить назад, и ждать, пока они заберутся, прежде чем я смогу спуститься. Они продолжали залезать, двигаясь влево и вправо, прижимая меня к металлической решетке.

Я запаниковала. Я пыталась обойти тощего мальчика, но он закричал на меня. Я ощутила, как по моему лицу покатились горячие слезы, когда смотрела сквозь решетки на родителей, сидящих за столиком. Они были погружены в разговор и не видели меня. Не понимали, что я в ловушке. Я закричала о помощи, и они, наконец, посмотрели на меня. Они махнули мне и улыбнулись, думая, что я играю. *Нет, нет!* Думаю, я так сильно качая головой, что мои заколки ослабли. *Я не играю! Помогите мне!*

Я не могла дышать. Я знала, что могу убить кого-нибудь, лишь бы выбраться. Даже в семь лет я думала о том, кто мог построить такую ужасную детскую площадку как эту?

Я развернулась к детям, толпившимся в тюрьме, и закричала во всю силу своих легких:

— Выпустите меня отсюда!!!

Их глаза расширились. Должно быть, я выглядела как сумасшедшая. Мои волосы торчали во все стороны. Лицо в слезах. Дети толкали друг друга в одну сторону, создавая немного пространства для меня, чтобы я проползла к лестнице. Как только моя нога коснулась первой ступеньки, то почувствовала, как паника спадает. Я посмотрела вниз трубы на девочку, которая только что подошла и схватилась за края лестницы.

— Уйди с моего пути! — закричала я на нее.

Девочка подняла голову на секунду, ее нижняя губа задрожала, потом она убежала, крича.

Я в спешке соскользнула вниз по лестнице, чтобы быть подальше от «Тюрьмы надзирателя Биг Мака» настолько, насколько это вообще возможно. Я побежала к родителям, бросившись к отцу, который притянул меня к себе на колени и спросил, что произошло. Я сильно плакала у его груди, так сильно, что не могла дышать. Меня увидел работник магазина и ушел за бумажным пакетом. Вернувшись, он протянул мне пакет и велел дышать в него. Я повиновалась, потому что передо мной стоял взрослый человек, и я автоматически доверяла ему.

Я посмотрела на взрослого, передо мной стояла медсестра.

— Ты в порядке? — тихо спросила она.

Я понятия не имела, что плакала.

— Это все офицер Биг Мак виноват! — рыдала я.

Одна сторона рта медсестра приподнялась вверх.

— Я тоже ненавидела эту проклятую решетку.

Я слонялась возле спортзала в ожидании Кэла. Он опаздывал, и, думаю, он делал это нарочно. Уверена, ему нравилось заставлять меня ждать его. Я взглянула на часы. Четверть

пятого. Может, мне уйти? Я не останусь и не позволю кому-то заставить чувствовать себя глупо. Я уже чувствовала себя нелепо из-за моей панической атаки.

К счастью, единственными свидетелями моего приступа были первокурсники и второкурсники. Старшеклассники были на обеде. Уверена, студенты будут сплетничать об этом, но думала, что старшеклассников это не будет заботить. В первую неделю своего пребывания здесь я заметила, что старшеклассники держатся отдельно от остальных студентов. Снобы, на самом деле. То тут, то там я замечала, как один из них общается с первокурсницей и второкурсницей. Легкая цель, я так полагала.

Еще несколько минут прошло, и я твердо решила уйти. Конечно, именно тогда появился Кэл, словно бы из ниоткуда, прогулочным шагом направляясь ко мне с такой небрежностью, которая заставила меня мгновенно рассердиться.

— Прости за опоздание, — извинился он. — Кое-что случилось.

— Тебе повезло, — ответила я. — Я как раз собиралась уходить.

— Неужели? — спросил он, как будто не верил ни единому слову, ожидая, что я буду болтаться перед спортзалом всю ночь ради него.

Я кивнула и отвернулась, не хотела, чтобы он видел меня раздраженной. Я помнила, что пытаюсь соблазнить его, а не оттолкнуть.

— Красивые серьги, — сказал он, наблюдая за бриллиантовым гвоздиком в левом ухе.

Я усмехнулась. Я ничего не могла поделать. Это была его игра. Вести себя, как осел, а потом сказать что-нибудь сладкое. Он мог оставить мои сережки без внимания, но в тот самый момент мое сердце сжалось, а ухмылка увяла. Это были мамины серьги. Это были ее свадебные серьги. Она подарила их мне на восемнадцатилетие. Они были особенными, и он похвалил их в дешевой, незаинтересованной манере. Он заставил *меня* чувствовать себя дешевкой.

— Ты готова? — спросил он, держа в руках камеру для снимков выпускного альбома.

Я кивнула и последовала за ним в зал. Он открыл мне дверь как джентльмен, ведя к скамейке, положив руку мне на поясницу. Я пыталась идти быстрее, чтобы уйти от его прикосновения, но он следовал за мной, не отнимая руки. Фактически, он держал ее там и тогда, когда мы сели в первом ряду.

Я дернулась.

— Проблемы? — спросил он.

Я снова дернулась, и он надавил рукой на мою поясницу, прежде чем убрал ее. Знаю, он хотел, чтобы я сказала что-нибудь об этом, но я не стану потакать ему.

— Я сниму первую игру. Ты вторую, — сказал он, готовя камеру и делая пробные снимки.

Девушки уже были на корте, разминались. В старой школе я никогда не уделяла внимание волейболу, никогда не ходила на игры. Я думала, что мне будет безумно скучно, но как только началась игра, я обнаружила, что кричу и подбадриваю команду так громко, как никто из болельщиков. Это была захватывающая игра, и я испытывала глубокое уважение к девушкам, которые с силой подбрасывали мяч над сеткой. Я бы хотела быть такой же сильной.

Я почти не осознавала, что Кэл двигался сбоку, делая фотографии, но в какой-то момент я заметила, что он был чуть ли не на линии огня. Ну, так было бы, если бы одна из игроков забросила мяч в аут. Я надеялась, что она это сделает. Я надеялась, что мяч ударит его прямо в лицо.

Она была слишком талантлива. Мяч приземлился прямо в углу внутренней линии. Я бы назвала этот удар «высококласный». И Кэл, конечно, сделал идеальную фотографию мяча, летящего в него, правда, игрок на заднем плане немного не в фокусе — все еще вытянута вверх с поднятой рукой. Во время тайм-аута он показал мне экран камеры. Признаю, это был прекрасный снимок.

— Возможно, ты должен сделать все снимки, — сказала я. — Я не дружу с камерой.

— Тогда почему ты присоединилась к ежегоднику? — спросил он.

— Ну, я приличный писатель, — ответила я. — Я просто подумала, что напишу все заголовки, страницы резюме и прочее.

Он кивнул.

Я подумала, что пришло время задавать вопросы. Я должна убедиться, что ни затопила его вопросами, и что он не начал чего-либо подозревать. Я хотела, чтобы он думал, что я искренне заинтересована его потрепанной жизнью.

— Так чем ты занимаешься в школе, помимо уроков? — спросила я.

— Ну, для начала, ежегодником, — ответил он.

Я мило улыбнулась.

— Также я в команде по плаванию, — сказал он.

— О, вот почему у тебя такие руки, — ответила я.

Ему понравился такой комментарий. Я знала, что так и будет. Его тело раздулось от лести.

— Да, я много плаваю, даже когда не соревнуюсь.

Что бы это значило?

— Это вроде своеобразной терапии? — спросила я.

— Я не знаю, — ответил он. — Никогда не думал об этом. Говоря о терапии, что с тобой случилось сегодня в коридоре? Я слышал, как кто-то сказал, что ты упала в обморок.

Я слегка покраснела и отвела глаза.

— Ничего, — пробормотала я.

— Обморок — это не «ничего» — давил он. — Ты больна или что-то еще?

Мне было неловко. Вопрос вышел суровым и обличающим. В его тоне не было ни капли озабоченности или сочувствия, но потом я посмотрела на его лицо. Он был полон беспокойства, или, может быть, парень просто очень хорошо притворился.

Я не знала, должна ли признаться ему. Это сделает меня слабой в его глазах и слишком уязвимой. Тогда я подумала, что это могло бы пойти мне на пользу. Каким-то больным, образом, но он бы хотел услышать все о случившемся, симулируя участие, пока убеждал бы меня в своей обеспокоенности. Теперь я не знала, как он использует эту информацию в будущем.

— У меня бывают приступы паники время от времени, — призналась я.

Он молчал, и я мялась в нерешительности на своем месте.

— Из-за чего? — спросил он.

— У меня тяжелый случай клаустрофобии, — объяснила я. — И да, знаю, я была в коридоре. Не в шкафу и тому подобное. Но у меня случился приступ. Я на самом деле не знаю, что послужило тому причиной.

Это была ложь. Я сходила с ума ото всех милых, напуганных девушек, которых видела. Или представляла. Я не могла вспомнить. Я просто знала, что что-то молчаливое и злое происходило в этой школе, и мое тело отключилось из-за этого, защищаясь.

Кэл выдохнул.

— Полагаю, ты не занимаешься всей этой «заниматься-сексом-в-машине» фигней.

Я уставилась на него, потрясенная.

— О Боже, я просто пошутил, — сказал он быстро. — Это задумывалась как шутка.

Я не знала, что сказать, поэтому просто ответила:

— Я пойду, возьму себе попить.

Он поймал меня за руку, когда я встала.

— Брук, я сожалею. Это, правда, была дерьмовая шутка.

Я проигнорировал его извинение, сосредоточив внимание на том факте, что он назвал меня «Брук». Впервые. Он обращался ко мне десятки раз в коридоре. Всегда «Бруклин». Теперь я была просто «Брук». Он знал, что все испортил, и ему пришлось ускорить свои планы. В течение короткого периода, я думала, что больше никаких игр не будет. Больше он не заставит меня трудиться, чтобы попасть в его небольшой клуб. Он не хотел упускать возможность обладать мной, особенно если он мог стать свидетелем панической атаки как результата.

— Все нормально, — сказала я. — Но я действительно хочу пить.

Кэл вскочил и сунул фотоаппарат в мои руки.

— Я схожу. Ты останешься здесь, — сказал он. — Что тебе принести?

— Просто воды, — ответила я, глядя на камеру. Я надеялась, что он не ожидает, что я стану фотографировать пока его не будет. Я даже не знаю, как пользоваться этой монстрообразной штукой.

— Хорошо, — кивнул он и поспешил к палатке.

Я прижала к лицу камеру, предварительно посмотрев в объектив. Я попробовала нажать на кнопку с правой стороны и сделала фотографию пола в спортзале. Я опустила камеру, чтобы проверить свой снимок. Он оказался размытым пятном желтого цвета. Я попробовала снова, прижав лицо к камере, и перемещала ее вверх и вниз по трибуне. Не могу поверить, какая толпа пришла посмотреть волейбольную игру. Не такая большая, какая приходит на баскетбольную игру, но все еще приличное количество. Команда девушек должна гордиться, думала я.

Я почти убрала камеру, когда заметила Райана, сидящего в верхнем углу трибуны. Он наблюдал, как я смотрела на него сквозь объектив, его брови были нахмурены. Он не выглядел счастливым. Я попыталась сфокусироваться на объективе, и мне удалось улучшить резкость. Его волосы были в сексуальном взъерошенном беспорядке, будто такой стиль 1960-х был сейчас популярен. Я рада, что челка не закрывала его пронзительные глаза. Ничто не должно скрывать эти глаза.

Его челюсть была стиснута, и я задалась вопросом, почему он был зол. Я подумала, что он злится на меня, и не могла понять, что я сделала не так. Я стояла парализованная, не в состоянии отвести от него камеру. Он отказывался отвести взгляд. Я подумала, что он пытается мне что-то сказать, но я была слишком глупа, чтобы понять, что именно.

— Что ты делаешь? — это был Кэл, обращающийся ко мне, стоя позади.

Я развернулась к нему лицом, выглядывая из-за камеры.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я.

Кэл посмотрел на меня, потом перевел взгляд снова на трибуны.

— Ты не захочешь иметь ничего общего с этим парнем, — предупредил он. — Он один из тех сумасшедших одиночек. Думаю, он на лекарствах или что-то типа того. Тикающая

бомба.

Я опустила камеру.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — ответила я. — Я просто фотографировала болельщиков.

Кэл схватил камеру и просмотрел недавние фотографии.

— Ах, неужели? — спросил он, не найдя фотографий вообще.

Мое лицо вспыхнуло снова.

— Ну, я пыталась во всяком случае.

— Я серьезно, Брук, — Кэл протянул мне воду в бутылке. — Я просто хочу, чтобы ты была в безопасности.

Я сделала глоток, думая, что «безопасно» не имело с этим ничего общего. Что я действительно слышала под за предупреждением Кэла, это «Свяжешься с этим парнем, и можешь забыть обо мне». Я попала в другую неловкую ситуацию. Может быть, это Карма в наказание за мои прошлые ошибки. Меня, несомненно, привлекал Райан. И также с его стороны я ощущала влечение. Но ничего не могла поделать с этим. Я даже не могла поговорить с парнем, по крайней мере, не в школе. Не могла рисковать, чтобы Кэл увидел меня.

— Ты слышала меня? — спросил Кэл. — Я хочу, чтобы ты была в безопасности, Брук.

Я кивнула, глядя на него снизу вверх. Он смотрел на меня с глубочайшим беспокойством, и я забыла, что он был плохим парнем. Он не похож на него в данный момент. Он вроде бы хотел защитить меня, заботиться обо мне, и я почти поверила ему.

Почти.

ГЛАВА 5

Лестница в конце коридора «Д» спускалась спиралью вниз, так что было невозможно стоять сверху и видеть, кто идет снизу. Даже если свеситься через перила и напрячь шею. Лестница видна лишь от двери сверху и снизу. Я представляла парочки, которые в уединении целовались между уроками. Лестничная клетка выглядит жуткой, если находишься там в одиночестве, она всегда немного темнее, чем остальная школа, будто уборщица скрывает низкое качество работы под слабыми лампочками в этой части здания.

Я была на последней ступеньке, направлялась на первый этаж, когда услышала, как хлопнула дверь на верхнем этаже и раздался хор голосов, говорящих шепотом. Мой инстинкт велел мне двигаться быстро и бесшумно по лестнице, что я и сделала.

Я услышала глубокий мужской голос.

— Кто здесь?

Я молчала.

После короткой паузы разговор возобновился.

— Чувак, мы можем полностью доверять ему. Он хочет этого, — произнес тот же глубокий мужской голос.

— Как он вообще узнал? — спросил другой. — Я ему не рассказывал. Ты разболтал?

— Нет, мужик. Он обнаружил бумажку с твоим именем.

— Какого черта? Я же говорил тебе, что мы не используем имена в школе.

Я не могла разобрать, сколько парней там было, но по звукам я определила три голоса. Возможно, даже четыре.

— Чувак, это было удобно. Никто не может встречаться за пределами школы, — произнес первый парень.

Вступил новый голос.

— Когда ты отправишь нам список оценок?

— К черту список оценок. Мы здесь говорим не об оценках. Я хочу знать, что знает Арон, — добавил второй парень.

— Я только сказал ему, что это — секретный клуб, и что мы должны обсудить его инициирование, — ответил первый.

— Ну, если он так сильно этого хочет, пусть трахнет девственницу-второкурсницу из команды поддержки. Тогда мы поговорим.

Кто-то захихикал.

— Чувак, ее попка настолько круглая и идеальная, что она выглядит горячее остальных.

— Как ты узнал, что она девственница?

— У меня есть шпион. В любом случае, я должен подумать об этом. Я не знаю насчет Арона. В нем есть, что-то неправильное.

— Может быть, тот факт, что он плавает в разы лучше, чем ты?

— Пошел ты, мудака.

— Да ладно, я пошутил. Слушай, я знаю, вы все обеспокоены тем, что люди узнают, но я не дурак. Я не назвал бы его имя, если бы не думал, что ему можно верить.

— Это Камерон, верно? Она твой шпион?

— Чувак, заткнись.

— Паркер, когда ты отправишь оценки? У меня свидание на выходных.

— Парень, перестань удалять дерьмо со своей почты. Я отправлю, когда отправлю.

— Я пошлю его, — сказал первый голос.

— Так это Кэмерон, верно?

— Заткнись! Всем заткнуться! Позвольте мне в этом разобраться, — похоже на голос Паркера. — Вы знаете, меня очень разозлило, когда Кэл поставил меня во главе всего этого дерьма.

Я слушала, как они начали спускаться по лестнице, затем прошли на первый этаж коридора. Я сделала глубокий вдох. Секретный клуб. Оценочный лист. Посвящение. Секс с девственницей. Какого черта происходит? И с кем я могу поговорить об этом?

Я выползла из-под лестницы и толкнула дверь, ведущую на первый этаж коридора.

— Паркер, и мою заberi!

Я наткнулась на Паркера, который уже направлялся обратно к лестнице, и он в шоке уставился на меня. Затем выражение шока на его лице сменилось возбуждением, затем подозрением. Дерьмо. Кажется, я неверно рассчитала расстояние между нашими выходами!

Он протиснулся мимо меня и направился вверх по лестнице, оставив меня с вопросами: была ли я разоблачена, был ли мой план сорван.

Если я думала, что смогу провести остаток жизни, не видя Финна, то, очевидно, я жила в мире фантазий. Он учился в моей старой школе, так что, по крайней мере, мне не приходилось видеть его регулярно. Но я работала в довольно популярной закусочной, которую посещали люди со всех уголков города. Он был достаточно тактичен, чтобы держаться подальше от моего дома, но я знала, что, в конце концов, он узнает, где я работаю, и появится под предлогом пообедать.

Это был спокойный вечер вторника, и я была на грани того, чтобы спросить у менеджера, могу ли я пойти домой. Аманда, еще одна официантка, хотела занять мой

сектор, чтобы попытаться заработать больше денег, и я была счастлива отдать ей его. В любом случае, я была слишком отвлечена. Все, о чем я могла думать весь вечер, это о разговоре, который подслушала в холле. Секретный клуб. Оценочный лист. Посвящение. Секс с девственницей. Я повторяла эти слова как мантру, потому что не хотела их забывать. Я также размышляла, произойдет ли что-то со мной, как по волшебству, если я буду повторять их снова и снова. Я жаждала поговорить с кем-нибудь, но не знала, кому могу доверять.

Я любила Грэтхен всем сердцем, но не могла довериться ей в этом деле. Она ничего не знала об изнасиловании Бэт, и я намеревалась сохранить все в секрете. Бэт доверила мне эту информацию, и я поклялась никому не рассказывать. Даже ее родителям, хотя мне было больно каждый раз, когда я видела ее мать. Плюс, я знала Грэтхен. Она начнет крестовый поход, так же как и я, только в моем случае поход был одиночным. Она хотела бы, чтобы весь мир участвовал, но я не была готова сделать это. Я хотела сделать все спокойно и тихо. Она кричала бы об этом во весь голос.

— У тебя кто-то за вторым столом, — сказала Аманда.

Я посмотрела на мой столик и инстинктивно сжала руки в кулаки. Аманда это заметила.

— Хочешь, чтобы я им занялась? — спросила она.

Я отрицательно покачала головой.

— Ты можешь отдохнуть, но я должна обслужить этот. Он пришел сюда не для того, чтобы поесть, — и она все поняла.

Я подошла к Финну и молча стояла, ожидая. Он посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ты выглядишь мило в своей форме, — произнес он.

Я не стала отвечать.

— Господи, Брук, — сказал он. — Что ты хочешь, чтобы я сказал?

— Почему ты здесь? — спросила я, глядя на него в упор.

— Я хотел увидеть тебя. У меня не было шанса поговорить с тобой на похоронах.

— Ты думаешь, было бы умно разговаривать со мной на похоронах? — спросила я.

Финн покачал головой.

— Нет, не умно. Но ты просто исчезла. У меня ушла вечность, чтобы узнать, что ты не переехала в Калифорнию. Почему ты мне не рассказала?

Я покачала головой в недоумении.

— Я не обязана больше рассказывать тебе о своей жизни, Финн. Между нами ничего нет. Все давно кончено.

— Послушай, то, что мы были вместе, не имеет ничего общего с самоубийством Бэт, — рявкнул он, но я даже не шелохнулась.

— Закрой свой рот и не смей говорить о Бэт, — прошипела я.

— Ты любишь меня Брук, но ты чувствуешь вину, — сказал Финн.

Я опустила голову. Было время, когда я думала, что могу любить Финна. Мы никогда этого не обсуждали, и меня злило, когда он сказал это Бэт в тот день, когда она застала нас. Но знала, что теперь никогда не смогу любить его. Это было слишком больно. Слишком много вины, и я больше не могла поступать так с собой.

Я посмотрела на него, отмечая его мягкие светлые волосы и карие глаза. Он милый, всегда таким был. Он просто должен быть милым для другой девушки.

— Я не могу принять твой заказ, Финн, — выдохнула я, наконец.

— Я не хочу есть. Я хочу тебя, — произнес он мягко.

— Пожалуйста, не говори таких вещей, — умоляла я.

— Пойдем со мной домой, Брук. Мы просто поговорим. Мы сможем это сделать.

На секунду я ощутила притяжение, мое тело придвинулось к нему, вспоминая вкус его рта, его руки, то, как он правильно прикасался ко мне. Но это было лишь прикосновением. Мгновенное откровение. Никакой любви. Можно было легко отказаться от этого.

— Нет, Финн.

Он посмотрел на меня грустными глазами.

— Ты разбила мне сердце, Брук.

Я пожала плечами и направилась на кухню, проходя мимо Аманды.

— Он твой, — сказала я, но Финн уже вышел из-за стола.

Не знаю, почему я не потащила домой. Вместо этого я занималась грязной посудой, наблюдая, как Грегори загружает посудомоечную машину бокалами и тарелками. Грегори был студентом в техническом общественном колледже «Уэйк» и обладал амбициями стать в будущем рок звездой. Он играл на барабанах, но из того, что я слышала, он был полным отстоем. Он был тем посудомойщиком, который накричал на меня в первую ночь, и, в отличие от Терри, ни разу не извинился. Я подумала, что он придурок, а затем поняла, что придурок — это именно тот парень, с которым мне надо поговорить. Я могла доверить ему информацию, потому что ему плевать.

— Что ты хочешь? — спросил Грегори, не глядя на меня. Он продолжал засовывать тарелки в посудомоечную машину.

— Я должна задать тебе вопрос, — ответила я.

— Я могу ответить или нет, — сказал он.

Я посмотрела на него. Ладно, у меня было несколько вопросов к нему.

— Почему ты меня так не любишь? — спросила я.

Он усмехнулся.

— Почему девушки настолько поглощены собой? Я не ненавижу вас. Я не думаю о вас вообще.

Он посмотрел на меня, выражение его лица словно спрашивало «что еще ты хочешь от меня?»

Я моргнула, потом ухмыльнулась.

— Популярные девочки издевались над тобой в средней школе? — надо было оставить этот умный вопрос при себе, поскольку в этот момент я наблюдала, как Грегори загружал ножи в посудомоечную машину.

Он замолчал и склонил голову, рассматривая меня. Затем он ухмыльнулся, как я.

— На самом деле, нет. Я трахнул каждую из них.

Я закатила глаза.

— Ладно, не важно. Если бы ты услышал, как группа парней разговаривают о тайном клубе, оценках и занятии сексом с девственницами, что бы ты подумал об этом?

Он задумался.

— Просто гипотетический вопрос, — добавила я.

— Ну, я думаю, ты говоришь именно о секс-клубе, — сказал он.

— Это я поняла, — ответила я. — Но оценочные листы?

— Может, они оценивают девушек. Откуда мне знать?

— Ты имеешь в виду, насколько они хороши в постели?

— Да. Возможно, они оценивают девочек по их половым актам.

— Ты когда-нибудь слышал о чем-то подобном? — спросила я.

— Нет, но опять же, я не погружаюсь в странную секс-культуру, а это именно то, что ты собираешься сделать? — иронизировал он.

— Да пошел ты. Это был вопрос.

— Уходи, Бруклин. У меня есть работа.

— Да, все, что угодно. Спасибо за помощь.

На выходе я помахала на прощание Терри, который спросил, почему бы мне не прийти после работы и не выпить с ним. Я направилась на стоянку. И мгновенно разозлилась, увидев Финна. Я думала, что он пошел домой, но он, видимо, ждал меня все это время. Что, если бы мне пришлось работать весь вечер? Планировал ли он гулять вокруг моего автомобиля в течение нескольких часов?

Я подошла к нему.

— Финн... — он прервал меня поцелуем.

Моим побуждением было отступить и дать ему пощечину. Но я этого не сделала. И я не почувствовала эмоций, которые должна была почувствовать: возмущение, шок, стыд. Вместо этого я позволила ему поцеловать меня, замороженную, как статуя, стараясь отстраниться в эмоциональном плане от всего происходящего. Это длилось недолго, и вот тогда мне нужно было отойти подальше.

Я прижалась губами к нему сильнее, и он воспринял это как молчаливое приглашение для того, чтобы открыть мой рот своим языком. Все это было так знакомо, чувственно и пугающе. Мне не нравилось, как легко Финн мог заставить мое тело отвечать ему, что я могла потерять решимость стать лучше вместе с его поцелуем. Я почувствовала, как его руки обняли меня за талию, притягивая ближе, и я прижалась к нему, позволяя держать меня, пока его рот продолжал исследовать мой. Знакомые искры проносились вверх и вниз по моим ногам. Периодически они вспыхивали в разных местах моих бедер, и я боялась потерять силы и не устоять на ногах.

Прекрати! Прекрати! Кричал мой внутренний голос. Затем лицо Бэт всплыло в моем сознании, и я обрела решимость, борясь с сексуальным желанием. Слава Богу, я победила голод.

Я оттолкнула Финна подальше.

— Мы не можем, — выдохнула я.

— Брук...

— Мы ужасно ведем себя! — закричала я.

— О чем ты говоришь? — спросил Финн.

Он действительно настолько глуп или просто помешался на мне?

— Мы дерьмово обошлись с Бэт, Финн! Мы скрывались! Мы ей лгали! И из-за этого она умерла.

— Ты права, — ответил Финн. — Я должен был порвать с ней, прежде чем мы стали встречаться.

— Почему ты не сделал этого? — спросила я. Я никогда не спрашивала его об этом раньше.

— Я не знаю, — признался он. — Она была в подавленном состоянии. Это казалось неправильным — расстаться с ней, когда она была такой угнетенной.

Я точно знала, о чем он говорит, и точно знала, почему Бэт было грустно. Самая

тяжелая часть моей вины заключалась в том, что Бэт раскрыла мне свою тайну об изнасиловании, доверила мне информацию, доверила мне свою уязвимость, а я продолжила спать с Финном у нее за спиной.

— Но это было несправедливо — продолжать с ней встречаться и спать с тобой, — продолжал Финн.

Я резко подняла голову. Справедливость? У него были крепкие нервы. Я признала свою вину, поприветствовала ее, словно друга, заслужила то, что чувствую себя как дерьмо, и он не собирался облегчать мне это.

— То, что я сделала, было неправильно. Я обидела свою лучшую подругу. Ни один парень в жизни не стоит этого, — ответила я.

Я наблюдала за Финном. Я не хотела быть столь резкой и оскорбить его высокие чувства, но я не знала другого способа донести до него правду.

— То есть, ты бросаешь меня из-за Бэт? — спросил он. — Она мертва, Брук.

— О чем ты говоришь? Мы можем быть вместе, потому что теперь Бэт не увидит этого? Что, черт возьми, с тобой?

— Слушай, я не буду ждать вечно, Брук, — сказал Финн.

— А я и не жду этого.

— Ты пытаешься сказать мне, что ничего не почувствовала, когда я поцеловал тебя?

— Конечно, я почувствовала что-то. Я возбудилась. Вот что, — огрызнулась я. — Я не люблю тебя, Финн. Я не могу быть с тобой. Это неправильно по многим причинам.

— Ты будешь продолжать бороться со своим влечением ко мне из-за какой-то мертвой девушки?!

Это было словно на автомате. Я выкинула руку и из-за всех сил ударила Финна в голову. Это был небрежный удар, где-то между шлепком и ударом, но это было эффективно. Он хмыкнул и потер висок.

— Какого черта?!

— Ты бессердечный кусок дерьма! — закричала я. — Она не какая-то «мертвая девушка»! Она была моей лучшей подругой!

Мгновение он стоял молча, потирая голову.

— Мне жаль тебя, Брук, — сказал он. — Ты разрушишь свою жизнь из-за чувства вины.

— Ха! И я полагаю, под разрушением моей жизни ты имеешь в виду жизнь без тебя? — спросила я. — Не волнуйся, Финн. Я не позволю тебе разрушить мою жизнь.

— Ты пожалеешь, Брук.

— Какого черта это значит?

— Мы закончили. Вот, что это значит, — ответил он и направился к машине, припаркованной поодаль от дороги.

— Аллилуйя, — пробормотала я, наблюдая, как он уезжает.

— У меня есть идеальный парень для тебя, — произнесла я нараспев.

— О Господи, — ответила Бэт. — Брук, пора тебе взглянуть правде в глаза. Из тебя плохая сваха.

— Ладно, Кевин был неудачей, признаю, — ответила я.

— И Джейсон тоже, — сказала Бэт.

Я пожала плечами.

— И Эндрю, и Йен.

— Божже мой. Хватит уже!

Бэт хихикнула.

— Я говорю тебе, что этот парень — тот самый.

Бэт вздохнула.

— Опиши.

— Ладно. Итак, его зовут Финн, он ходит в мою школу, он очень высокий и играет в лакросс.

— А на кого он похож? — спросила Бэт.

— Я к этому веду, — сказала я. — У него светлые волосы и карие глаза.

Бэт скривилась и зажала свой нос.

— Я не знаю, нравится ли мне такая компания.

— О чем ты говоришь? Песочного цвета волосы и темные глаза? Это очень горячо, — возразила я.

— Неважно, — ответила она. — Продолжай.

— И он ходит в церковь, — сказала я.

— Ну и что? Это делает его хорошим парнем или что-то в этом роде?

— Я не знаю. Может быть, — произнесла я.

— Подожди. Зачем ты вообще подняла тему церкви?

— Что ты имеешь в виду? — спросила я.

Лицо Бэт озарило понимание.

— Ты думаешь, что я шлюха!

— Что?!

— Ты хочешь свести меня с парнем из церкви, потому что думаешь, что я шлюха!

— Божже мой, Бэт. Ты что обкурилась? — спросила я.

Она рассмеялась и покачала головой.

— Ну, что? Он собирается обратить меня, что ли? Сделать из меня пай-девочку? Я думаю, что помню, что ты та, кто потерял девственность в пятнадцать лет. Не я. По крайней мере, я ждала до прошлого года.

Я оцетинилась. Во-первых, я не потеряла девственность в пятнадцать. Я солгала об этом, потому что устала быть единственной девственницей, которую мы с Бэт знали. Да, на девушек тоже сильно давят из-за этого, как и на парней. Во-вторых, Бэт очень часто сравнивала мое сексуальное прошлое со своим. Может быть, она и ждала, пока ей исполнится семнадцать, но за эти десять месяцев, с тех пор, как она потеряла девственность, она переспала с четырьмя парнями.

— Давай, скажи это, — добавила Бэт. — Я вижу, все это написано на твоём лице, так или иначе.

— Ты спишь со слишком многими парнями, Бэт, — выпалила я. — Это не так. Хорошо выглядит, — я отвела глаза.

Бэт помолчала минуту.

— Почему парень может спать с кем попало, и это дает ему эту удивительную репутацию, но когда девушка это делает, она проклятая шлюха? — спросила она, наконец.

Я пожала плечами.

— Я не знаю. Это мир, в котором мы живем. Некоторые вещи никогда не будут справедливыми.

Я взглянула на подружку, пытаюсь найти в себе мужество, чтобы задавать вопрос. Она

сидела на краю кровати, смотря на свои открытые ладони, и я подумала, что она пытается читать по ним.

— Почему ты переспала с четырьмя парнями, Бэт? — спросила я, а потом быстро добавила, — И я не хочу казаться предвзятой.

— Что, если я скажу тебе, что просто люблю заниматься сексом? — спросила она. Я усмехнулась.

— Это настоящая причина?

— Да, это — настоящая причина, — ответила Бэт. — Таким образом, предполагаю, это делает меня шлюхой.

— Перестань называть себя шлюхой. Ты не шлюха, — ответила я.

— Ты знаешь, это забавно, — сказала Бэт. — Ребята хотят «хорошую девочку», которая будет чистой, сладкой и неопытной, но потом они ожидают, что она будет рок-звездой в постели. Все совершенно запуталось. Это стандарты, по которым ни одна девушка не сможет жить.

— Кого волнует, что думают парни? — спросила я.

— Тебя волнует, — ответила Бэт. — И меня тоже.

Мне не понравился этот ответ. Это была правда. Меня волновало, что парни думали обо мне. Вот почему я так усердно работала, чтобы быть симпатичной, чтобы у меня была приятная личность, и девственность (которая до сих пор у меня была), сладкая и добрая. Особенно добрая к другим девушкам. Я никогда не хотела быть стервой, которая обращалась с другими как с дерьмом. И я не думала, что парням это нравится. Они хотели кого-то с добрым сердцем, и даже если я должна была притворяться, что я такая, то найду своего идеального парня. Я его еще не нашла, но знала, он где-то там.

— Ты дала ему мой номер? — спросила Бэт.

— Кому?

— Этому парню, Финну. Ты дала ему мой номер?

— Если бы дала, то ты бы злилась на меня? — спросила я.

— Не думаю, — ответила Бэт. Она подошла к шкафу и начала рыться в одежде. — Мне кажется, я должна одеть что-то консервативное на наше свидание, да? Так как он — церковный парень и так далее.

Я закатила глаза.

— Я сказала, что он ходит в церковь. Я не говорила, что он молодой пастор.

— Я немного нервничаю из-за этого, — призналась Бэт. — Что, если я приду вся такая «Проститутка- в- Притче — с - пикантными — простынями»?

— Это то, что ты узнала в своей группе? — спросила я.

— Не важно.

— Бэт, он просто милый парень. Мне жаль, что я вообще подняла тему церкви. Тебя все это пугает, — произнесла я.

Мы замолчали.

— Это моя вина? — тихо спросила я. — Я заставила тебя чувствовать себя ужасно, из-за этого ты спала с четырьмя парнями? Я не хотела, Бэт.

— Нет, — сказала Бэт. — Нет, Брук. Дело не в тебе. Это просто мир, в котором мы живем, верно? — ее губы дернулись ухмылке.

Я ухмыльнулась в ответ.

— Поверь мне. Ты полюбишь его.

ГЛАВА 6

— Итак, что ты думаешь? — спросила Грэтхен.

— О чем именно? — ответила я.

Мы сидели за столиком в «Крабти Валли Молл» и пили клубничный смузи из «Орандж Джулиус».

— Сегодня вечеринка! Боже, иногда ты находишься в такой прострации.

— Я не хочу идти на вечеринку, — сказала я.

— Брук, ты действительно начинаешь действовать мне на нервы, — сказала Грэтхен. — Вся твоя жизнь распределена между школой и работой. У тебя нет друзей, кроме меня. У тебя нет парня, потому что ты слишком труслива, чтобы поговорить с этим Райаном, который, к тому же, невероятно красив. Ты предпочитаешь поужинать с отцом сегодня вечером, чем поехать со мной на классную вечеринку.

Я заставила себя улыбнуться.

— Черт, ты и правда знаешь, как заставить девушку чувствовать себя хорошо, — я отхлебнула из своего бокала.

— Бруки! Я не хочу идти одна.

— Тогда не ходи, — отрезала я. — Слушай, я обещала отцу, что мы пойдем на ужин сегодня вечером. Я не была с ним несколько лет. Черт, я даже не знаю этого человека. Для тебя нормально, что я провожу мало времени с ним? Господи, ты такая эгоистка, Бэт.

Голова подруги вскинулась.

— Что ты сказала?

— Я сказала, что ты эгоистка, — ответила я.

— Нет, нет, после этого, — настаивала Грэтхен.

— Что?

— Ты назвала меня Бэт.

— Нет, не называла.

— Нет, ты назвала, Брук. Ты назвала меня Бэт, — Грэтхен подозрительно смотрела на меня.

Я не помню, чтобы называла Грэтхен «Бэт». Но я вполне могла бы. Лицо Грэтхен об этом говорило яснее ясного.

— Что происходит? — спросила Грэтхен. — Поэтому твоя жизнь ускользает сейчас? Ты все еще чувствуешь себя виноватой, поэтому думаешь, что тебе не позволено иметь друзей или парня, или выйти и весело провести время?

— Нет, — ответила я, почувствовав, что начинаю обороняться.

— Ну, а мне кажется, что это так, — произнесла Грэтхен. А затем она засветилась, будто озарение ударило прямо ей в лицо. — Тебе снится Бэт?

— Нет, — солгала я. Я не собиралась рассказывать ей, что каждый раз, когда закрывала глаза, я видела Бэт или Финна. Я не собиралась рассказывать ей, что просыпалась каждое утро в поту. Я, конечно, не собиралась рассказывать, что мой кошмар прошлой ночью был настолько сильным, что я упала с кровати.

Грэтхен постаралась быть терпеливой.

— Бэт ушла.

— Ты думаешь, я этого не знаю? — огрызнулась я.

Я не сопротивлялась, когда Грэтхен взяла меня за руку.

— Я не пытаюсь казаться злой, когда говорю это. Но она ушла, Брук. И она не хотела бы, чтобы ты жила так. Наказывая себя.

— Я не наказываю себя, — возразила я.

— Когда ты не позволяешь себе жить так, как тебе хочется, то наказываешь себя, — сказала Грэтхен.

— У меня есть своя жизнь, — ответила я. — Просто я не могу рассказать тебе об этом. Черт. Зачем я это сказала?

— О чем ты говоришь? — спросила Грэтхен. Она выглядела озабоченной.

— Ничего. Я не знаю, почему я сказала это.

— Чушь. Не играй со мной в игры, Брук. Что мне не положено знать?

Я посмотрела на Грэтхен, ее лицо в форме сердечка обрамляли густые пряди темно-коричневых волос. Ее карие глаза пристально вглядывались в меня, и я почти сдалась. Юная девушка во мне хотела во всем признаться прямо сейчас. Рассказать ей о Бэт, об изнасиловании. Рассказать ей про Кэла и мои планы относительно того, чтобы выставить его монстром, каким он и являлся. Юная девушка во мне хотела признаться, потому что хранить тайны было пыткой, а девушки любят поговорить. Я — не исключение. Но маленькая мудрая женщина во мне знала, что это будет ужасной ошибкой. Мудрая женщина сказала бы: «Брук, Грэтхен не следит за своим ртом».

— Ладно, может для меня это немного трудное время, — сказала я. — Мне до сих пор стыдно из-за Бэт. И Финн пришел ко мне в закусочную однажды вечером, и мы закончили тем, что целовались.

Глаза Грэтхен округлились.

— Ты что, надо мной издеваешься?

— Я знаю! — горячо воскликнула я. — Но я остановила его. И ударила, сказав, что он кусок дерьма, и все закончилось.

Тело Грэтхен до краев наполнилось гордостью. Я видела, как огонек вспыхивает в ее глазах, а губы расплываются в огромной улыбке.

— Ты сильная! — завизжала она.

— Спасибо, — ответила я.

— И когда ты собиралась рассказать мне об этом? — спросила Грэтхен.

— Я рассказываю тебе сейчас, — сказала я.

— Да, но это потому, что я поймала тебя.

— Я сказала бы тебе. Мне просто было стыдно из-за его поцелуев.

— Он такой придурок. Почему, черт возьми, он думал, что ты захочешь быть с ним?

— А я то откуда знаю, — сказала я, допивая свой коктейль.

— Хорошо, я рада, что ты закончила с ним, — сказала Грэтхен. — Это хороший шаг в процессе восстановления, Бруки.

Я ухмыльнулась.

— Я уверена, что когда-нибудь из тебя получится хороший психолог.

— Будь реалисткой. Я буду делать макияж знаменитостям, — ответила Грэтхен.

Я улыбнулась.

— Мне жаль, что я доставала тебя насчет времени с твоим отцом. Это было не правильно.

— Ничего страшного, — ответила я.

— Но если ты изменишь свое мнение о вечеринке, я думаю, что там будут некоторые

ребята из твоей школы. Не знаю, знакома ли ты с ними, но полагаю, что да, так как они в команде по плаванию или тому подобное.

Мое сердце немедленно сжалось.

— Кто?

— Я не знаю имен, — ответила Грэтхен. — Все, что я знаю, что у них репутация очень горячих парней.

Это означало, что Грэтхен готова стрелой мчаться к ним, флиртовать и, возможно, даже позволить одному из них облапать ее. Она охотно позволит касаться ее груди и количество парней, которые видели или касались их когда-либо, исчислялось двузначным числом. Нельзя позволить этому числу стать трехзначными, особенно теперь, когда я подозреваю худшее о членах команды пловцов.

— Когда вечеринка? — спросила я.

Грэтхен подняла голову.

— Так теперь ты хочешь пойти? Пять минут назад ты была за время, проведенное с отцом, и теперь ты хочешь пойти? Что? Ты втюрилась в одного из них?

— Нет, я ни на кого не запала. Мне просто любопытно, во сколько будет вечеринка, — сказала я с отстраненным видом.

— Я не знаю. Я хотела попасть туда до одиннадцати или около этого, — ответила Грэтхен.

— Не уходи без меня, — выпалила я. Это звучало как предупреждение.

— Что с тобой? — спросила Грэтхен.

— Я просто хочу пойти, ладно? — сказала я. — Ты права. Мне нужно перестать хандрить и быть асоциальной, и все такое. Просто пообещай мне, что будешь ждать меня. Я пойду с тобой после того, как я пообедаю с отцом.

— Отлично, — сказала Грэтхен. — Но я все еще думаю, что ты втюрилась, но не признаешь этого очевидного факта.

Я убедила себя, что Кэл был не просто хищником, выслеживающим жертву, после подслушанного разговора на лестнице. Команда по плаванию действительно что-то задумала. Может быть, не все из них, но некоторые точно принимали участие в опасных играх. Секс-клуб, как сказал Грегори. И немного параноидальная часть меня думала, что они появятся на вечеринке, чтобы найти девочек. Жертв. И ни в коем случае я не разрешила бы Грэтхен пойти одной. Я сделала такую ошибку с Бэт и заплатила самую высокую цену.

Я сидела в ресторане, чувствуя беспокойство и раздражение.

— В общем, Пэм говорит, что клиент ожидает решения проблемы завтра, и мне интересно, кто, по ее мнению, придет в офис в субботу утром, — сказал отец. — Если клиент не станет собирать оборудование, после того как мы сказали ему, что не активируем его, пока не получим разрешение от инженеров, то никаких проблем не возникнет. — И он затолкнул в рот кусок пиццы.

Я кивнула, понятия не имея, о чем он говорит. Все мои мысли сосредоточились на других вопросах. Они вертелись вокруг членов команды пловцов, которые крадутся пробиваются сквозь толпу на вечеринке, прижимаются к девчонкам и позволяют себе касаться руками интимных частей их тел.

— Я тебе надоел? — услышала я, как спросил папа.

— Нет, — солгала я. — Я внимательно тебя слушаю.

Папа хмыкнул.

— Почему?

Я засмеялась.

— Ну, потому что ты платишь за ужин.

— Мило, — ответил он. — Ты знаешь, чувство юмора досталось тебе от матери.

Я пожалала плечами, наблюдая, как опечалилось лицо папы. Каждый раз, когда один из нас упоминал маму, он становился угрюмым и серьезным. Я не хотела сегодня поднимать эту тему. В конце концов, мы наслаждались пиццей.

— Пап, когда ты в последний раз был на свидании? — спросила я.

Он вскинул голову и посмотрел на меня.

— Эй, это был просто вопрос, — сказала я. Я откусила от своего пирога.

Я наблюдала, как его глаза смягчились, и появилось подобие улыбки.

— Пять лет.

— Черт побери, папа! Пять лет назад?!

— Бруклин, это должен знать весь ресторан?

— Извини. Просто это удивительно. Пять лет. Черт побери, — я потягивала свою колу, распахнув глаза и недоверчиво подняв брови.

— Ты уберешь это выражение со своего лица? — спросил он. — Никого нет. Что ты хочешь от меня? И вообще, я твой отец. Мы не должны обсуждать такое.

— И что моему отцу с этим делать? — спросила я. — Моя учительница по английскому сейчас свободна. И она милая, — я укусила от своего кальцоне (*Прим. Кальцомне (итал. calzone) — итальянский пирог, на самом деле является закрытой формой пиццы, изготовленной в виде полумесяца*) и продолжила с набитым ртом. — И, прекрасно, что она не идиотка.

— Большинство твоих учителей идиоты?

— Да.

Папа хихикнул.

— Рад знать, что мои налоговые отчисления способствуют заслуженной заработной плате.

— О, папа, — легкомысленно сказала я. — Давай не будем о политике. Давай поговорим о миссис Мэннинг.

— Давай не будем, — ответил папа.

Я проигнорировала его.

— Я думаю, ей около сорока, но она выглядит так, будто ей тридцать. Хорошая кожа и волосы. Она всегда выглядит очень профессионально. Отлично одевается. У нее сказочные туфли.

— Брук....

— И она заядлая бегунья. Она рассказывала мне, что пробегает около четырех миль в день и пытается пробежать около десяти километров каждую субботу, — продолжала я.

— Брук, пожалуйста.

— И в ноябре этого года она будет участвовать в своем первом полумарафоне.

— Брук! — прервал меня отец. — У меня есть интуиция, ладно? И я не встречаюсь с бегуньями.

Я поджала губы и смотрела, как папа запустил свою руку в свои каштановые волосы.

— Пап, у тебя почти нет интуиции. И ты действительно привлекательный. Пора

вернуться в игру, — сказала я.

Папа расхохотался.

— Что? — спросила я.

— Ничего, — отец фыркнул. — Я просто люблю, когда ты мне делаешь комплименты, вот и все.

Я улыбнулась.

— Ну, это правда. Это бывает редко, — рассмеялась я. — Сходи на свидание с мисс Мэннинг и начни бегать с ней, и все пройдет за неделю. Боже, это так нечестно. Мужчины так легко могут сбросить вес! — произнесла я, щелкая пальцами.

— О, нет, они не могут, — утверждал папа.

— Ну, не важно. Обещай мне, что ты подумаешь об этом и начнешь присматриваться? — я должна была закрыть эту тему, но просто не могла. — Мама ушла.

— Хммм, — ответил отец. Он потер лоб и посмотрел на меня. — Так же, как и Бэт ушла.

Я напряглась.

— О чем ты говоришь?

— Сладкая, ты ничего не делаешь, только ходишь в школу, работаешь, и проводишь время с Грэтхен. Я не слепой.

— Собственно говоря, я иду на вечеринку сегодня вечером.

Брови папы поползли вверх.

— О, правда? Где это и кто устраивает?

— Я не знаю, — ответила я. — Какой-то богатый парень, чьи родители уехали на выходные.

Я подмигнула ему.

— Очень смешно, Брук, — ответил папа. — Где она пройдет и кто устраивает?

Я вздохнула.

— Подруга Грэтхен, Оливия. Все это абсолютно нормально. Я имею в виду, я уверена, что некоторые люди принесут алкоголь, но папа. Перестань. Ты знаешь меня.

Фактически, папа не знал меня вообще, и я думала, он скажет это вслух. Но это смутило бы нас обоих, поэтому он выбрал что-то другое.

— А что если на вечеринку приедут копы и тебя арестуют из-за алкоголя?

— Они не арестуют меня, папа. Они просто позвонят тебе.

— О, правда? Ты знаешь это из прошлого опыта? И вообще, тебе восемнадцать. Юридически взрослая. Они не станут звонить мне, чтобы забрать тебя.

Я фыркнула.

— Пап.

— Брук.

Мы смотрели друг на друга в течение нескольких секунд.

— Я не позволю Грэтхен пойти на эту вечеринку одной, — сказала я.

— Есть какая-то конкретная причина?

— Эм, да. Ты знаком с Грэтхен? Она до ужаса смешная, — объяснила я.

Папа рассмеялся.

— Ладно, но она тоже не пьет.

— Пап, она не притрагивается к таким вещам. Пустые калории, — ответила я, доедая свой пирог. Я посмотрела на второй кусок пиццы отца.

— Даже не думай об этом, — сказал он, поднимая кусочек и откусывая большой кусок.
Я смотрела на него, пока он ел.

— Ты думаешь, мы должны были сделать это несколько лет назад?

— Сделать что? — спросил он с полным ртом.

— Жить вдвоем.

Папа проглотил. Казалось, что это причиняло ему боль.

— Ты несчастна со своей мамой?

— Нет, я такого не говорила. Просто, почему обычно мама получает детей после развода?

Папа уставился на меня.

— Я имею в виду, почему у меня не может быть выбора?

— Ты хочешь жить со мной? — спросил он нерешительно.

— Я не знаю. Это могло быть весело, — ответила я, все еще нерешительно.

Папа уставился в свою тарелку. Я почувствовала непреодолимое желание обнять его, но подумала, что для этого было неправильное время.

— Ну, полагаю, мы должны восполнить упущенное время, — сказала я.

Папа посмотрел на меня и усмехнулся.

— Не смей приходить домой пьяной, юная леди.

— Никогда.

— Я очень взволнована! — визжала Грэтхен, пока мы шли, держась за руки, по дорожке к дому Таннера.

Да, я чувствовала вину за то, что солгала отцу. Это был не дом Оливии. Никакой Оливии никогда вообще не существовало. Но я думала, что прозвучит лучше, если вечеринка будет проходить у девушки, а не у незрелого парня. Таннер был именно таким. Раздражающим, громким, властным футболистом из моей старой школы, который настаивал на популярности, хотели люди этого или нет. Думаю, его приняли в клуб лишь потому, что его родители много путешествовали, а значит, это открывало его дом для большинства крышесносных, наполненным алкоголем сексуально-сумасшедших вечеринок в городе. Меня потрясло, что еще ни одну из них не накрыла полиция.

— Из-за чего здесь волноваться? — спросила я. — Эти вечеринки противные.

— Ты что, Брук. Ты же любила их в прошлом году.

— Да, это было в прошлом году, — сказала я. — Боже, я не хочу сталкиваться с любимым, кого я знаю или знала в той школе.

Мы протолкнулись сквозь входную дверь и чуть не свалились на Стефани.

— Боже мой! — закричала она, обвивая свои руки вокруг моей шеи и душа меня.

— Стеф, — я знаю, что это прозвучало без особого энтузиазма, но я просто не могла притворяться.

— Я так надеялась, что ты придешь сегодня! — ответила она, отстраняясь и глядя на меня сверху вниз. — Ты отлично выглядишь!

И правда, я действительно выглядела отлично. На мне были синие узкие джинсы, серый топ с блестками и туфли-лодочки из кожи аллигатора. Моя первая пара туфель с закрытым мыском. Я купила их сразу после похорон Бэт и убедила себя, что в них нет ничего печального. Ни намека на «черный». Они были фиолетовыми. Я неряшливо собрала волосы на затылке, чтобы открыть свадебные серьги моей матери — те, с алмазами. Я чувствовала

себя уверенной и сексуальной.

— Спасибо. Мне нравится твое платье, — ответила я уклончиво. — Оно очень милое.

Стефани посмотрела вниз, на свой наряд.

— Я знаю, правильно?! — она схватила мою руку и потянула в гостиную. —

Посмотрите, кто пришел!

— Нет-нет, — произнесла я, качая головой и вытягивая руку из ее хватки. — Никто не должен знать.

Я нервно улыбнулась и осмотрелась. К счастью, никто не слышал, что именно сказала Стеф, или им было плевать. Музыка была включена на максимум, и половина присутствующих была уже пьяна. В комнате витала тревожная энергия, будто в любой момент завяжется драка. Мне это не нравилось, или мне это просто не по вкусу. Могу сказать это потому, что сердце трепетало и колотилось, и совсем не в такт песни.

Я обернулась, предполагая, что Грэтхен последовала за мной в гостиную. У меня возник вопрос к ней. Однако я глубоко заблуждалась.

Дерьмо. Почему я не схватила ее руку, когда Стефани потянула меня вперед?

Лавируя, я огибала танцующих, выругалась, когда ощутила, как кто-то наступил на носок моей фиолетовой туфельки, и проскользнула на кухню. Это была самая забитая комната в доме. Естественно. Бутылки с алкоголем и различные соки выстроились на кухонной стойке и заполнили все пространство островка. Дверь холодильника была открыта. Ребята боролись за импортное пиво. Вот что это была за вечеринка.

Я оглядела группу, ища Грэтхен, но не смогла найти ее. Я старалась не паниковать. Мы только что приехали. Я сомневалась, что могло произойти что-то развратное за десять минут.

Я протолкнулась через тесную кухню в такой же тесный коридор. Кэл уже шел ко мне.

— Эй, Брук! — позвал он.

Я знала, что увижу его здесь, но все-таки подпрыгнула. Я надеялась, что он не заметит меня.

— Привет, — сказала я.

Он прижал меня к стене, чтобы освободить место для нескольких девушек пронесившихся мимо, они визжали о том, как сильно хотели в туалет. Видимо, мы были у них на пути.

— Ты сегодня прекрасно выглядишь, — произнес он, пристально осматривая мое тело. Он позволил глазам опускаться все ниже, пока не дошел до ног. — Какие сексуальные туфли!

Зачем парни говорят это? Зачем делают комплименты обуви девушки?

— Спасибо? — я знала, что это вышло как вопрос. Я понимала это.

Он усмехнулся.

— Что же? У меня не может быть хорошего чувства моды?

— Я не знаю, — ответила я, ухмыляясь. Я посмотрела на свою обувь. — Они, правда, сексуальные?

— Очень, — ответил он и наклонился, чтобы поцеловать меня в щеку. Я почувствовала от него запах алкоголя. — Это нормально?

Это, определенно, было не нормально. Кем, черт возьми, этот парень думал, он был? Но я собиралась позволить ему это сделать. Сегодня ничего не произойдет, не тогда, когда я еще не знаю его. Сначала надо узнать меня, прежде чем действовать так нагло.

Я кивнула, склонив голову и дергая свои заколки.

— Итак, ты знаешь Таннера? — спросил Кэл.

Я сомневалась, как много должна сказать ему. Не думаю, что он знал, что в прошлом году я ходила в школу с Таннером, но тогда почему я здесь? И, к тому же, почему он был здесь?

— А ты? — спросила я.

Он странно взглянул на меня, затем покачал головой.

— Нет. Но Паркер знает.

Я оставалась бесстрашной, хотя мой внутренний голос кричал. Великолепно! Просто великолепно! Я уже содрогалась из-за этого парня, а теперь оказалось, что он связан с моим прошлым. Я не хотела, чтобы они обнаружили мою связь с Бэт. Это может разрушить все мои планы.

— Кто такой Паркер? — спросила я. — Ты произносишь его имя так, как будто я знаю, кто он.

— Ах, да. Я забыл, что ты новенькая в школе, — ответил Кэл. — Паркер — мой лучший друг. Он в нашей команде по плаванию вместе со мной. В школе все уже знают его.

— Ух ты, как много людей, — сказала я.

— Нелегкая работа — быть популярным.

Меня тошнило.

— Так или иначе, ты не ответила на мой вопрос, — сказал Кэл. — Ты знаешь Таннера?

Я открыла рот, чтобы соврать еще раз и придумать огромную ложь, когда на нас наткнулась Стефани.

— О Боже! Куда ты убежала?! — прокричала она, балансируя на своих четырехдюймовых шпильках с ремешками, держа в руках красный пластиковый стаканчик.

— Вот, я возьму это, — сказала я, забирая стаканчик из ее руки прежде, чем она смогла запротестовать.

Она налетела на Кэла и пробубнила равнодушные извинения.

— Пойдем танцевать! — вскрикнула Стефани. — Как в старые добрые времена!

— Старые добрые времена? — спросил озадаченно Кэл. Он снова странно посмотрел на меня.

— Она моя старая подруга, — объяснила я. — И она пьяна.

— Держу пари, я и правда пьяна, — произнесла Стефани. — Я ооочень пьяна!

— И прямо сейчас я отведу тебя в ванную, — ответила я, протягивая полупустой стакан Кэлу, чтобы уйти.

— Найди меня чуть позже! — позвал он.

Ага, это именно то, что я и сделаю. Затем я быстро покачала головой. Нет, Брук. Ты должна найти его позже. Ты должна преследовать его, помнишь? Перестань думать как сучка и начни думать как убийца!

— Бруки, мы скучаем по тебе! — сказала Стефани, прижимаясь ко мне, в то время как я помогала ей войти в дверной проем ванной.

— Постарайся, чтобы тебя стошнило, — сказала я. — И не выходи из ванной, пока я не вернусь. Я найду Грэтхен.

— Я знаю, где она, — пробормотала Стефани.

— Где?

— Наверное, в подвале заперлась с каким-нибудь симпатичным парнем.

Я рассмеялась.

— «Заперлась»? Она заперта с симпатичным парнем? Знаешь, как отвратительно это звучит?

Стефани изумленно подняла брови.

— Я не понимаю.

— Не важно, — произнесла я, и вышла за дверь. После сегодняшней ночи больше не буду играть в мамочку для моих пьяных друзей. Они все были приземленными. Я могу сделать это после.

Я пошла в подвал, не обращая внимания на девушек, которые бросали оскорбления в мой адрес за то, что я толкала их, пытаясь протиснуться между ними. Когда я заметила Грэтхен, мое сердце ушло в пятки. Она стояла в углу с Паркером. Моим инстинктом было побежать и запрыгнуть на него, вонзить в него когти, чтобы пошла кровь. Может быть, заставить его истекать кровью. Вместо этого я поспешила к своей подруге, весело обращаясь к ней, стараясь скрыть свой страх.

— Ты здесь! — позвала я громко.

Паркер повернулся и посмотрел на меня. Он был явно раздражен, конечно, я ведь прервала его игру.

— Бруки! — закричала Грэтхен. — О, мой Бог. Я искала тебя повсюду.

— Правда? — спросила я. Я не могла скрыть сарказм, даже при риске, что Паркер услышит.

— Это Паркер, — сказала Грэтхен, игнорируя мой вопрос. — Он состоит в команде по плаванию в твоей школе.

— Привет, — сказала я.

Он кивнул.

— Вы знаете друг друга?

— Мы лучшие подруги! — произнесла Грэтхен. — Брук раньше...

— Грэтхен, думаю, мы должны пойти и проверить Стефани, — прервала я. — Ее выворачивает наверху.

— Ужас, — ответила Грэтхен. — Почему бы тебе не пойти и проверить ее? Она сводит меня с ума.

— Она зовет тебя, — сказала я, дергая Грэтхен за руку.

— Эй, пусть Грэтхен останется, — сказал Паркер. Он оттолкнул меня. — Мы узнаем друг друга.

Мне хотелось придушить его. Как он смеет отталкивать меня! Еще один наглый ублюдок. Это что, условие, чтобы попасть в команду по плаванию?

— Может, в другой раз, — сказала я.

— Нет, — ответил Паркер. — Может, сейчас.

Мы стояли, не сводя глаз друг с друга. Я узнала все, что должна была знать о нем за те несколько секунд, когда наши глаза встретились. Он всегда получает то, что хочет, и считает себя выше остальных. Проблема в том, что он недооценил меня. И это была его ошибка.

— Сейчас Грэтхен пойдет со мной, — сказала я, обхватывая запястье Грэтхен. Я не собиралась отступить. Ему придется отрезать мою руку. — Отодвинься.

Я оттолкнула его в сторону, пожалуй, сильнее, чем хотела, но он понял. Он наблюдал, как я тащила Грэтхен за собой, игнорируя ее протесты и желание остаться в подвале.

— Ты не останешься в подвале! — зашипела я. — Так что заканчивай с этим!

Я случайно бросила прощальный взгляд на Паркера. Он стоял, засунув руки в карманы, уставившись на меня, видимо, решая, что он будет делать со мной в будущем. Я уверена, что он планировал это, так как я похитила его секс-игрушку на вечер.

Стефани сделала то, что ей сказали. Она все еще была в ванной, когда Грэтхен и я вернулись за ней.

— На меня много кто злится? — спросила она, когда я помогла ей вымыть лицо и руки. Ее с успехом стошнило несколько раз, но не так много, чтобы очистить организм от большого количества выпитого. По крайней мере, сейчас она не проглатывала слова, и была более последовательной, или настолько последовательной, насколько могла быть Стефани.

— В этом доме пятьсот ванных комнат, — ответила я. — Они разберутся.

И тогда Грэтхен решила, что ей тоже плохо, и едва я успела вовремя убрать ее каштановые волосы в сторону, прежде чем ее вырвало в туалет.

— Я действительно злюсь на тебя, Бруки, — сказала она после первого раунда с туалетом. Она не смотрела на меня, когда говорила это. Она была достаточно мудра, чтобы держать свою голову над унитазом...

— Не разговаривай, — приказала я. — Просто продолжай.

Я была раздражена, естественно, даже если могла вспомнить, как Грэтхен много раз делает то же самое для меня. Не могу поверить, что я так веселилась. Не могу поверить, что хотела это делать. В чем смысл? Весь следующий день я тратила на то, что лежала в кровати с пакетом замороженной фасоли, окруженная бутылками «Гаторейда». И если похмелье было особенно чудовищным, я плакала, от чего было еще хуже. Пустая трата жизни.

— Он был милым, — Грэтхен продолжала после второй волны. — Я хотела поцеловать его.

— Я знаю, что хотела, — ответила я. — Но он козел.

— Кто козел? — спросила Стефани. Она сидела на раковине, ее уже слишком короткое платье задралось до бедер, а длинные ноги слегка разведены и свисали по бокам.

Я обернулась и посмотрела на нее.

— Надеюсь, на публике ты так не сидишь?

Она пожала плечами.

— Кто козел?

— Просто парень-пловец из моей школы, — ответила я.

— Он не козел! — ответила Грэтхен, затем ее снова вырвало.

— Боже, Грэтхен. Сколько ты выпила?

Я терпеливо ждала, пока спазм стихнет. Она вытерла рот туалетной бумагой и обратилась ко мне.

— Откуда мне знать?

Я закатила глаза.

— Он наливал тебе всю ночь выпивку?

— Он джентльмен, — ответила она.

— И что это должно означать? — спросила я.

— Он ходил, чтобы принести мне выпивку, — ответила она. Больше не в состоянии стоять, она упала на пол ванной. Я могла бы потянуться и схватить ее за руку, чтобы удержать от падения, но не сделала этого.

— Да, держу пари, он сделал это, — сказала я. — Держись подальше от этого парня, Грэтхен. Я не шучу.

— Ты прямо сейчас таакая совсем не веселая, — надулась Грэтхен.

Правда. Я не была веселой. Единственная причина, по которой я пришла на эту тупую вечеринку, чтобы немного последить. Убереечь глупую Грэтхен от изнасилования. Я преуспела во втором случае, но не в первом. Не знаю, что я ожидала услышать или увидеть. Но в глубине души я знала, что Паркер и Кэл что-то замышляли. Если они были, по сути, частью секретного секс-клуба, уверена, они бы искали партнеров или сторонников, способных расширить союз. Я сделала это своей миссией, но поняла, что мне придется проводить исследование в другой вечер. Главный мой приоритет сейчас — следить за своими друзьями. Я никогда не пожертвую их безопасностью, чтобы найти больше подсказок о Паркере и Кэле.

Я шла со своими уставшими, обезвоженными подругами к входной двери. Стефани не могла вспомнить, как попала на вечеринку, так что я решила отвезти ее домой. По пути к выходу, я заметила беседующих Кэла и Паркера. Они ютились в углу коридора и шептались. Я поймала взгляд Кэла, и он помахал мне. Я махнула в ответ, наблюдая, как Паркер нахмурился. Он попытался снова вернуть внимание Кэла, но тот был больше заинтересован наблюдением за тем, как я ухожу.

Даже когда я повернулась к нему спиной, все равно знала, что он все еще наблюдает за мной. То же самое чувство у меня было во время регистрации, когда волосы на шее встали дыбом. Тогда мне это не понравилось, а тогда я еще даже не была знакома с ним. Сейчас было хуже, потому что я встретила его. Я знала, чего он хотел от меня, и знала, что, в конце концов, дам ему это.

ГЛАВА 7

Впервые настоящий разговор у нас с Райаном Фостером состоялся сразу же после нашей маленькой шпионской игры. Воскресным утром я пылесосила пол в гостиной и открыла шторы, которые обычно закрывают обзор на улицу из огромного окна, потому что мне был нужен солнечный свет. Я поняла, что частично проблемы отца были из-за того, что он слишком много лет прожил без солнечного света.

Он жил в маленьком домике, напоминающим коробочку, которая была закрыта плотной тканью, не позволяя окружающему миру даже одним глазком подсматривать за его действиями. Мне было плевать на тех, кому хотелось подсмотреть, пока я могла ощущать солнечный свет на своем лице, сидя на диване и читая. Я пробыла в своем старом доме, по меньшей мере, девятнадцать часов до того, как открыла все окна, стараясь избавиться от пыли и гнетущего одиночества. Могу поспорить, это заставило моего папу нервничать, но он позволил мне впустить солнечный свет потому, что позволял мне все, чего мне хотелось.

Я заботливо маневрировала пылесосом под кофейным столиком, когда заметила его своим периферийным зрением. Я выглянула в окно и увидела, как он едет на скейтборде по тротуару. Он вовсе не был похож на скейлера, даже его одежда не говорила об этом, за исключением прически. На нем были повседневные прямые джинсы и обтягивающая голубая футболка. У него были красивые руки, но он не показался мне парнем, который ежедневно посещает тренажерный зал. Хотя, едва ли у кого-то были такие мускулы от Бога. Он явно над ними работал. Я представила, как он рубит дрова, и лучше всего, если бы он это делал без рубашки. От этой картины у меня сжалось горло.

Он остановился напротив моего дома и посмотрел на входную дверь. Это напугало меня, и я знала, он точно переведет взгляд на открытое окно, так что я поскорее отвела глаза и продолжила пылесосить, очень стараясь выглядеть беззаботной и красивой. Но как можно

выглядеть привлекательно, пылесосая?

Я склонила голову в сторону и улыбалась себе под нос, но тут же почувствовала себя так глупо, что сразу прекратила. Положив свободную руку на бедро, я представила себя одной из моделей шоу «Цена удачи». Наконец, пришлось сдаться и выключить пылесос. Когда я все-таки отважилась выглянуть из окна, его уже не было, а разочарование заявило о себе неприятным покалыванием в груди. Мне не понравилось это ощущение. Я подумала, что не должна так себя чувствовать из-за человека, которого даже не знаю. Фыркнув, я убрала пылесос.

Вернувшись в гостиную, я снова его заметила. Он катился в противоположном направлении. И снова он остановился напротив моего дома, и я снова отвела глаза, взглянув на семейный портрет, все еще висящий над диваном. Я нахмурилась, потом подумала, что хмурые люди уродливы. Вместо этого я постаралась сладко улыбнуться, но улыбка выглядела настолько фальшивой, что я тут же сменила ее на задумчивость. Какого черта?

Я обернулась и посмотрела на окно, но, как и в тот раз, он исчез. Я подошла к окну и всмотрелась в направлении, в котором, как я думала, он уехал. Он успел проехать всего несколько домов вниз по дороге, одна нога стояла наготове на скейте так, словно он готов был взлететь в направлении моего дома. Я наблюдала, размышляя, что он решит, молчаливо умоляя его поехать в мою сторону.

Что мне действительно стоило сделать — это закрыть шторы. Я знала это, но он проезжал мимо моего дома третий раз, и я решила проверить почту.

Он катился прямо ко мне, когда я как раз подошла к почтовому ящику, и я оглянулась.

— Эй, Брук. Мне было интересно, когда ты решишь выйти и сказать «привет!», — сказал он, остановившись около меня и подкинув свой скейтборд к руке.

Нахальный ублюдок. Я покраснела и посмотрела на почту. Внезапно всё это стало таким интересным: счета и журнал по рукоделию. Журнал по рукоделию?

Я почувствовала его взгляд на мне и перестала копаться в почте.

— Ты видел меня? — спросила я, не глядя на него.

— Мне особенно понравился вид «рука-на-бедре», — ответил он.

Меня передернуло. О, Боже. Мне надо бежать отсюда.

— Пожалуйста, не надо, — сказал он и поймал мою руку. — Я всего лишь дразню тебя.

В конце концов, я набралась мужества посмотреть на него, и он отпустил мою руку.

— Почему ты просто не постучал в мою дверь? — спросила я. — Я видела, как ты проехал мимо, наверное, раза три.

Он пожал плечами и потер заднюю часть шеи.

— Окей, но это не ответ, — сказала я.

Он усмехнулся.

— Ты выглядела такой занятой, пылесосила.

Мгновение я рассматривала его.

— Ты живешь по соседству?

— Прямо вниз по улице.

Что ж, это было очень неловко. Все, касающееся этого парня, было неловким, начиная от его невероятно сексуального лица, прически и тела, и заканчивая тем фактом, что он ходил в мою школу и жил по соседству. Как я могла не замечать его до этого дня?

— Но я никогда тебя не видел, — произнес он. — Ты только переехала сюда?

— Ну, мой отец жил здесь какое-то время. Я переехала к нему, когда мама перебралась

в Калифорнию, — объяснила я.

Он смотрел на меня так, как будто ждал дальнейших объяснений. Не знаю, почему, но мне хотелось рассказать все. Это было самонадеянно, но по каким-то причинам меня это не напрягало.

— Мои родители развелись, когда я училась в средней школе, — сказала я.

— Вот черт, они не могли выбрать более подходящего времени? — спросил он.

— Действительно. Тогда я уже была кудрявой, жирной и прыщавой. Проще говоря — сплошная неприятность. Ты подумал, что они могли бы подождать до старшей школы или подождать, когда все нормализуется.

Он усмехнулся.

— В любом случае, я ходила в «Хэноверскую Старшую школу» вплоть до прошлого года, — сказала я. — Но мне не хотелось ехать через всю страну в выпускной год, и вот я здесь.

— Но, в любом случае, это все ещё новая школа, — заметил Райан.

— Это так, но, в конце концов, район знакомый, и у меня есть подруга из старой школы, с которой я все ещё общаюсь, — сказала я.

Он кивнул.

— А какая история у тебя? — спросила я. — Я никогда не видела тебя, тусующимся с кем-то в школе.

Он тут же напрягся, сжимая челюсть точно так же, как и тогда, когда я подловила его в объективе камеры на волейбольной игре.

— У меня нет истории, — сказал он.

Я неслабо смутилась, не зная, что сказать. Было очевидно, что я задела его за живое, и подумала, что лучше не давить на него прямо сейчас. Однако во мне слегка вспыхнуло негодование. После всего, он просто ждал, что я поделюсь с ним, но не хотел ответить тем же. Мне никогда не нравились односторонние отношения, особенно дружеские.

— Итаак, где твой дом? — спросила я, пытаюсь найти нейтральную тему.

— Он в шести домах от твоего вниз по улице, — ответил он. — На той же стороне улицы.

— Так мы практически соседи, — воскликнула я, и он кивнул, бросая скейтборд на тротуар.

— Я лучше пойду, — сказал он.

Я тут же ощутила разочарование. Мы только начали разговаривать, и было так много всего, о чем я хотела его спросить, узнать о нем. Почему он был на похоронах Бэт? Почему в школе он был одиночкой? Он был горяч, как пекло, так что я знала, что внешний вид тут ни при чем. Почему он все время смотрел на меня в школе? Почему выглядел сердитым на волейбольной игре? Почему Кэл сказал мне держаться от него подальше? Почему заговорил со мной только сейчас, выглядя веселым до тех пор, пока я не спросила о его прошлом? Боже, я не могла выдержать эту неосведомленность! И глядя, как он ускользал вниз по тротуару все дальше от меня, пока меня наполняли вопросы, оставляя меня в мерзком настроении на весь оставшийся день.

— Можешь поверить, что раньше я была черлидером? — спросила я у Люси, как только мы заняли наши места.

Она не знала, как реагировать. Уверена, ей было интересно, почему я вообще это

упомянула. Это вышло случайно.

— Я имею в виду, я настолько не подхожу на типаж девушки-черлидера, не так ли? Люси пожала плечами и одарила меня неопределенной улыбкой.

Я продолжала попытки.

— Я была флайером, — поделилась я. — Могла делать прыжок вверх с приземлением на руки хоть весь день, но «Либерти» было для меня самым сложным элементом.

Люси неловко поерзала на своем сидении.

— У черлидеров есть типаж?

Я была удивлена и почувствовала себя слегка воодушевленной.

— Конечно, есть. Они милые, энергичные и улыбчивые.

Она усмехнулась.

— Это так стереотипно.

Я засмеялась.

— Откуда, по твоему мнению, взялись стереотипы?

Она захихикала, а затем смолкла.

— Не все из них милые, — прошептала она.

— О, ты говоришь о дрянных девчонках, — сказала я.

Я чувствовала себя ужасно. Я знала, этот разговор причиняет ей боль. Знала, что это пробудит старые воспоминания, которые она бы хотела оставить глубоко похороненными, но я должна была узнать, что с ней случилось. После вечеринки я решила быть мученицей, если потребуется, для каждой из этих девушек. Но мне нужно больше информации. Это касалось уже не только Кэла.

Если бы я поставила себя в компрометирующую ситуацию с ним в любое время, когда бы я ни захотела, это понравилось бы мне? Нет, вся история принимала иные масштабы. Были и другие, и я не буду удовлетворена, разрушив жизнь только Кэлу. Я «покончу» с каждым из них.

Люси кивнула. Она выглядела так, словно принимала решение, обдумывая, скольким со мной можно поделиться. Она начала говорить, но тут же закрыла рот, когда Кэл подошел к моей парте.

— Эй, Брук, — произнес он, искоса стреляя взглядом в Люси. Я видела, как она задрожала. Это была самая настоящая дрожь.

— Привет, Кэл, — ответила я.

— Хотелось, чтобы ты подольше задержалась на вечеринке, — сказал он. — Я хотел пообщаться с тобой побольше.

— Ну, долг зовет, — ответила я. — Я должна была подбросить своих подруг домой.

— Да, они выглядели довольно пьяными, — сказал Кэл. — Одна из них увивалась вокруг Паркера.

— Мне кажется, я помню, как он увивался вокруг неё, — исправила я его.

— О, да, верно, — ответил Кэл, качая головой. — Ты действительно его разозлила. — Он усмехнулся. — Ты прервала его игру.

— Извините, — прошептала Люси и испарилась из комнаты.

Кэл наблюдал за ее уходом, а затем повернулся обратно ко мне.

— Эй, послушай, тебе, вероятно, не стоит с ней связываться.

— О, правда? Почему это? — спросила я.

— Она ненормальная, если ты понимаешь, о чем я, — объяснил он. — Я думаю, её отец

покончил с собой или что-то еще случилось, и с тех пор она слегка рехнулась.

Я ненавидела Кэла. Смертельно ненавидела его. Если бы в моей сумке был нож, я бы вонзила его ему в сердце. Потом я бы отрезала ему язык за то, каким гребаным вруном он был. Отец Люси был жив и здоров, я узнала это на той неделе, когда она упомянула что-то насчет его работы. Единственный человек, который мог заставить Люси рехнуться, даже если это так, был сам Кэл. Он изнасиловал и её. Я знала, что это так.

Внезапно я взглянула на Райана. Я вспомнила предупреждение Кэла в спортзале о том, чтобы держаться подальше от Райана, потому что он сумасшедший. Что же случилось с Райаном? Очевидно, это что-то связано с Кэлом. Мой мозг вернулся к моменту в ресторане, вспоминая сестру Райана. Она выглядела так, что могла бы учиться в старшей школе, но я никогда ее не видела. Возможно, я просто не обращала внимания. Что, если и с ней что-то случилось? Что, если она была одной из жертв, а Райан был бессилён с этим что-либо сделать? Ведь гораздо сложнее привлечь к ответственности за изнасилование, если нет физиологических доказательств. Я сомневалась, что кто-то из этих девушек ходил в больницу после нападения. Я сомневалась, что сестра Райана сделала это, будучи такой юной и напуганной. И ей было стыдно.

Все это крутилось у меня в голове, и услышать словно издалека голос Кэла, старавшегося привлечь мое внимание, заняло у меня немало времени.

— Брук! — сказал он. — Черт, девочка, где ты была?

Я покачала головой.

— Сегодня у меня важный тест по физике. Мне жаль. Я просто отвлеклась.

Я повернула голову, ожидая увидеть Люси, застывшую неподалеку от входа в класс, не имеющей желаний возвращаться до тех пор, пока Кэл благополучно не займет свое место в конце комнаты.

— Что ж, подумай о том, что я сказал. Просто стараюсь помочь тебе. Ты же новенькая и все такое, — сказал Кэл.

Он прошел в конец класса, и только тогда Люси зашла внутрь. Она бесшумно скользнула на свое место, не замечая моего присутствия.

— Скажите «Лучшие друзья навсегда!», — воскликнула мама за камерой.

— «Лучшие друзья навсегда!» — крикнули мы, держа наши подвески так, что разделенные кусочки были соединены, фиксируя разлом, скрепляя целое сердце, которое читалось как «Лучшие друзья» (Best friends). Это был мой любимый подарок на день рождения от самого любимого человека.

Бэт слонялась вокруг после того, как все гости ушли с праздника. Она оставалась на ночь, и у нас были большие планы, которые включали пиццу, фильмы, макияж и сплетни. Я не думаю, что какой-либо из моих последующих дней рождения мог бы сравниться с этим. Я решила, что восемь лет — это идеальный возраст, и хотела остановить этот момент, когда на мне красивый кусочек украшения, который моя лучшая подруга заботливо выбирала для меня, и никогда не взростеть.

— Ты обещаешь не снимать его? — спросила Бэт, сидя со мной за кухонным столом.

— Никогда, — ответила я, думая о том, что не могу дождаться утра понедельника, чтобы показать его в школе, особенно тем девочкам, которые мне не нравятся.

Бэт улыбнулась от уха до уха, глядя, как я касаюсь пальцем кусочка сердца.

— Я хотела часть с «Be fri», но знала, что ты ее захочешь, — сказала она.

И правда, я рада носить часть «Be fri», а не «st ends», но я хотела обменяться. Если это сделает Бэт счастливой, не имеет значения, что это мой день рождения, я хотела обменяться.

— Хочешь, поменяемся? — спросила я.

— Нет, нет, — ответила она. — Мне теперь нравится моя половинка. Я просто говорю, что, когда я впервые увидела его, я подумала, что хочу твою.

Я улыбнулась и схватила очередную тарелку с тортом.

— Хочешь, разделим на двоих?

— Ммммм, — ответила Бэт и потянулась за пластиковой вилкой.

— Как думаешь, мы всегда будем лучшими подругами? — спросила я, запихивая слишком большой кусок торта в рот.

— Почему бы и нет, — ответила Бэт.

Я засмеялась с набитым ртом.

— Точно. Почему бы и нет?

— До тех пор, пока ты не станешь подлой, как Кортни, — сказала Бэт.

— Я бы никогда не повела себя, как она! — воскликнула я.

— Я знаю, Брук.

Она непринужденно закинула левую руку мне на плечо.

— С днем рождения, Брук, — сказала она и наклонилась, чтобы поцеловать меня в щеку. Крошки торта с её губ остались на моем лице.

А мне было все равно.

Я проснулась в рыданиях. Схватила за живот и стала раскачиваться вперед и назад, вперед и назад, чувствуя угрозу панической атаки, бессильная остановить ее. Я слышала голос Бэт, снова и снова повторяющий вопрос:

— Ты обещаешь не снимать его?

Я не могла дышать, когда новая волна рыданий захлестнула меня. Рукой я прикрыла рот, но это не подавило мои рыдания. Я привыкла к постоянному чувству вины, но это было чем-то другим. Это было тяжелее, страшнее. И я боялась, что останусь в этом капкане навсегда, не смея двигаться вперед из-за того, как предала её.

— Я обещаю! — закричала я до того, как поняла, что произнесла это вслух.

Папа влетел в комнату.

— Брук, что случилось? — спросил он, садясь рядом со мной и обнимая.

Я заплакала сильнее, пряча свое лицо на его плече, влага из моих глаз и носа стекала на него.

— Я была ужасной подругой, — плакала я.

Папа поглаживал мои волосы.

— Это невозможно.

Но папа не знал, что я сделала. Он не знал о грехах, о которых мне приходилось каяться, о болезни моего рассудка, которая заставляла меня все время слышать Бэт, говорящую со мной, молящуюся со мной. Проклинающую меня. Плачущую из-за меня.

Я отстранилась и вытерла нос.

— Да, папа, была.

— Что ты имеешь в виду, Брук?

— Ты будешь считать меня такой ужасной, если расскажу тебе, — ответила я. Мой

голос не повиновался мне и дрожал.

— Я бы никогда так не подумал, — ответил папа.

Я вздохнула.

— Я тайком встречалась с парнем Бэт до того, как она умерла.

Папа промолчал.

— Она узнала об этом, — сказала я. — Я не думаю, что именно поэтому она... сделала это, но я чувствую себя такой виноватой. У меня не было шанса сделать все правильно. — Новые слезы покатались по моим щекам, одна за другой спускаясь по моим рукам и груди.

— Ты всё ещё с её парнем? — спросил папа.

— Нет! — воскликнула я. — О Боже, нет!

— Значит, ты всё сделала правильно, — ответил папа. Он приобнял меня одной рукой, и я положила голову ему на плечо.

— Я не думаю, что этого достаточно, — прошептала я.

— Ты попросила у неё прощения до того, как она умерла? — спросил папа.

— Да. Я имею в виду, что она не стала бы говорить со мной тет-а-тет, поэтому мне пришлось оставлять ей сообщения на автоответчик, но да. Я пыталась. Я пыталась месяцами. Всё лето.

— Что ж, милая. Это все, что ты могла сделать, — сказал папа и поцеловал меня в макушку.

Но я знала, это не всё, что я могу сделать. Есть путь искупления для меня. Я должна это сделать, иначе Бэт будет преследовать меня вечно. Я представила, как мой мозг ухудшается, становясь черным от болезни, вызванной чувством вины. Я не могла выдержать эту мысль, и упросила отца остаться со мной. Я слишком боялась снова заснуть и увидеть лицо Бэт, поэтому мы спустились вниз. Он сделал мне чай, и мы сидели бок о бок, беседуя в ранние утренние часы, пока на заднем фоне гудел телевизор.

Я стояла, рассматривая пустой холст — совершенно белый и полный надежд. Мои краски были наготове, как и образ в голове. Я расположилась на улице, на задней террасе. Я никогда не рисовала в доме, даже с приемлемым освещением. Нет. Если я хотела создать что-то стоящее, мне нужно было солнце.

Солнечный свет на моей макушке был теплым и восхитительным, слабее летнего солнца, но все же сильнее, чем зимнее. Времена года менялись, и я отметила первые пожелтевшие листья на заднем дворе. Это и было моей идеей: нарисовать листья.

Я окунула кисточку в лужицу масляных красок, которые смешала. Я никогда не рисовала акрилом. Мама как-то спросила меня, почему я не могу быть «дешевым» художником, отмечая огромную разницу в цене между акриловыми и масляными красками. Что я могла сказать? Я не могла заставить её почувствовать разницу, ведь акриловые краски засыхают почти мгновенно на холсте. Невозможно ими манипулировать. Они упрямы, и непростительно сделать ошибку. У тебя нет другого выбора, кроме как рисовать после своего промаха. А потом он остается, скрытый в картине, но ты всегда будешь знать, что он там был.

Но масляные краски другие. Они прощают тебя, если ты ошибешься, засыхая медленно, чтобы предоставить тебе достаточно времени, чтобы исправить ошибки, и сделать все правильно. Во многих случаях, я могла оставить мою картину на несколько дней, вернуться к ней и манипулировать цветами, как будто они только что были нанесены. Масляные

краски приспособлены к человеческим условиям, они понимают наши недостатки и дают нам достаточно времени, чтобы изменить себя до того, как мы все сделаем правильно. Я не могла заставить маму понять все богатство масляных красок.

— О, я знаю все об их богатстве! — сказала мама несколько лет назад, когда у меня только появилось это хобби. «Всё, что я знаю, это то, что лучше бы тебе это не наскучило».

Мне никогда не надоедало рисовать. Если уж на то пошло, я трудилась каждый год, чтобы стать лучше, изучая новые техники, открывая свои сильные стороны. Кроме того, рисование помогало мне спастись. Мне не нужно было быть популярной Брук. Забавной Брук. Сексуальной Брук. Остроумной Брук. Я могла быть настолько уязвимой и странной, насколько мне хотелось, и мои друзья прощали мне это, потому что это — творчество. И они были впечатлены.

Первое прикосновение кисти к холсту опьяняющее. Думаю, это обещание чего-то замечательного, красивого. Ты можешь видеть законченный результат в своем подсознании, но никогда не выходит в точности то, чего ожидаешь. Это всегда лучше, по крайней мере, исходя из моего опыта. И вот откуда исходит опьянение. Ты думаешь, что знаешь, чего ожидать. Ты думаешь, что у тебя всё спланировано. Но что-то внутри тебя всегда удивляет, и это скрытое что-то удерживает тебя в безмолвии до тех пор, пока картина не будет завершена.

Я начала, чувствуя прилив удовольствия в момент, когда моя кисть коснулась холста для первого мазка. Я работала все утро, выписывая каждый листок, заботливо смешивая цвета, которые, как я думала, должны отразить один из последних выдающихся всплесков жизни: жемчужные тона богатого красного, золотого, коричневого и огненно-рыжего. Но я не могла сделать цвета достаточно яркими. Они выглядели ярко на палитре, но в момент, когда я наносила их на холст, они становились блеклой, скучной тенью.

Я думала, глаза разыгрывают меня. Я посмотрела вниз на свою руку, которая держала палитру. Цвета кричали на меня. Я посмотрела на свою картину. Они стонали перед тем, как стихнуть. В мгновение ока. Но перед этим они немного посмеялись надо мной. Я слышала их смех. Я слышала её смех.

Мое сердцебиение ускорилося. Я почувствовала прилив гнева, который был далек от праведного. Это был чистый гнев, и он проносился сквозь меня как прилив адреналина. Такой вид гнева, с которым ты ничего не можешь поделать, но если ты не будешь сдерживаться, ты знаешь, что взорвешься. Я не хотела привлекать внимание соседей, играющих поблизости, поэтому негодовала молча.

Я устала на свою безжизненную картину и проговорила:

— Бэт. Ты долбанная сука.

ГЛАВА 8

Райан был особенно молчалив после нашего разговора, состоявшегося несколько недель назад. Он не замечал меня в классе, и я больше не видела его, катающимся на скейте по тротуару. Иногда я сидела в гостиной, открыв шторы, и высматривала его. Это было очевидно и отчаянно, но мне было все равно. Я знала, он видел несколько раз, как я разговаривала с Кэлом в школе, и мне было любопытно, было ли это причиной отсутствия интереса с его стороны. В любом случае, мои чувства были задеты, так же, как и моя гордость. Разве не должен он пытаться завоевать мое расположение или что-то ещё? Разве это не то, что делают мужчины?

Вместо того, чтобы ждать его, я решила нанести ему визит. Была вторая половина

зьябкого октябрьского дня, суббота, так что я захватила легкий жакет и направилась вниз по тротуару, отсчитывая шесть домов от моего. Я прошла по каменной дорожке к входной двери, чувствуя, как стремительно бьется сердце. Это было хорошее волнение, ожидание чего-то чудесного, смешанного со страхом, что все обернется не так, как надеешься. Но надежда, в любом случае, заставила меня постучать в дверь.

Ответила молодая девушка.

— Да?

Я узнала её, это была сестра Райана, которая была с ним в ресторане. Волосы у нее были того же цвета, что и у Райана, те же голубые глаза, хотя её глаза были менее прозрачными.

— Я Брук. Живу прямо на этой улице, — произнесла я. — Я подруга твоего брата.

— У моего брата нет друзей, — ответила девушка. — Но, в любом случае, я впущу тебя.

Я была поражена. Сказать такое, и то, как она это сказала. Сухой факт. Не грубо или жестоко. Просто как факт.

Я выпалила то, что не должна была.

— Как у него может не быть друзей? Он такой милый.

Тупица. Какая тупица.

— Ужас, — ответила девушка. Она приподняла голову и изучала меня. Она была такой хорошенькой, и мне стало интересно, почему я никогда не замечала ее в школе. — Он тебе нравится?

Я не знала, что ответить. Её губы скривились в усмешке, и она отошла в сторону, приглашая меня внутрь.

— Райан! — крикнула она в сторону лестницы. — Твоя девушка здесь.

— Мило, — проговорила я, и она захихикала. — Как вышло, что я не видела тебя в школе?

— Я ещё не в старшей школе, — ответила она. — Я в восьмом классе.

— Понятно.

Я посмотрела на лестницу, сердце заколотилось, когда я услышала тяжелую поступь. Появился Райан, одетый в клетчатые пижамные штаны, со спутанными волосами, он спускался по лестнице с наполовину натянутой футболкой. В голове крутились мысли о его рельефном прессе с четко очерченными мускулами до того, как он опустил футболку. Он был сексуальнее, чем когда-либо.

— Эй, — сказал он мне. Он явно был в замешательстве.

— Привет, — ответила я, будучи в таком же замешательстве. Зачем я вообще пришла?

— Райан, когда ты успел завести девушку? — спросила его сестра.

— Она не моя девушка, Кэйлин, — ответил Райан. — Уходи.

Я знала, это глупо, но мое сердце перестало биться от этих слов: «Она не моя девушка». Я почувствовала укол, но постаралась это проигнорировать.

Кэйлин пожалала плечами и вышла из комнаты. Она утратила интерес, как только узнала, что статус отношений её брата не поменялся.

— Твоя сестра милая, — заметила я.

— Моя сестра надоедливая, — ответил он, проводя рукой по своим растрепанным волосам.

— Ты только проснулся, — спросила я, отмечая его одежду.

— Нет, — ответил он.

— Таааак, почему в пижаме? Вроде как уже 4 часа дня.

Он пристально смотрел на меня с секунду.

— Почему ты здесь?

Я ненавидела, когда люди так делали: отвечали вопросом на вопрос. Это бесит.

— Просто мы не говорили неделями, — сказала я. — Я подумала, что могла бы зайти и сказать «привет».

— Правда? — он прозвучал искренне шокированным.

— Ну, да. Я подумала, может, мы могли бы пообщаться, — предложила я.

Правда была в том, что я хотела, чтобы он меня добивался. Я думаю, это по определению женская фишка — желать, чтобы тебя добивались. И я думаю, что Райан хотел быть инициатором, но я или он, или кто-то другой запероли все это дело. Поэтому я проглотила свою гордость и дала знать о своей заинтересованности, надеясь, что он продолжит там, где мы начали несколько недель назад, стоя снаружи моего дома. Я знала, что не должна была этого делать. Как я могла подумать, что могу справиться с Райаном и Кэлом? Бога ради, мы же все ходили в одну школу. Но в этот момент мне было все равно. Он стоял возле меня с волосами, которых я ужасно хотела коснуться пальцами, и прессом, который я хотела ощутить.

Я признала свою уязвимость. Я чувствовала её весь день, стараясь занять себя чем-нибудь, чтобы избежать борьбы с ней. Папе пришлось уехать в офис, и я осталась одна. Бэт пробралась на первое место в моих мыслях, спрашивая меня, почему я не продвигалась быстрее, почему я не старалась усерднее, чтобы отомстить за нее, и я не могла ее заткнуть. Я пыталась. Тем, что носила подвеску со сломанным сердцем, которую она подарила. Я думала, это успокоит её, но это только поощрило её непрерывный допрос. Мне нужно было отвлечься. Райан стал бы идеальным отвлечением.

— Ты хочешь пообщаться.

Это не было вопросом. Он произнес это с сарказмом, и меня это взбесило.

— Что ж, если ты занят, я пойду, — ответила я, разворачиваясь, чтобы уйти.

— Нет, — сказал он, и взял меня за руку. — Я просто в замешательстве.

— На счет чего? — спросила я, поворачиваясь к нему лицом. Он отпустил мою руку.

— Я не знаю, почему ты хочешь общаться.

Он смотрел на меня своими глазами цвета океана, его брови были в задумчивости нахмурены, и в этот момент я решила, что не хочу общаться. Я хотела целоваться. Ужасно сильно.

— Райан, ты обещал подкинуть меня к Линдси домой, — проскулила Кэйлин с верхней ступеньки лестницы. Сумка для ночевки была перекинута у нее через плечо.

Райан не отводил от меня глаз.

— Ты заинтересована в поездке к Линдси домой, чтобы подбросить мою сестру?

Я улыбнулась и кивнула.

— Хорошо. Подожди здесь, — и он пропал из виду, поднявшись по лестнице.

Пока он переодевался, Кэйлин засыпала меня вопросами, успешно выуживая у меня всю важную информацию, пока её брат не спустился: мой возраст, класс, семейное положение, социальный статус в школе. Я сказала ей, что самая популярная девчонка в классе. Она не поверила мне, так и сказала, но, думаю, я ей все равно понравилась.

Несколько минут спустя, Райан спустился, одетый в джинсы и темно-зеленый кардиган. Он выглядел, как парень с постера «Banana Republic», и мне нравилась каждая деталь.

— Может, Райан перестанет быть таким унылым неудачником в школе, если ты

начнешь с ним зависать, — сказала Кэйлин, когда Райан схватил ключи от машины со стола в холле.

— Может, — ответил он, и она ухмыльнулась ему.

Поездка к Линдси была наполнена болтовней Кэйлин. Мне нравилось слушать её. Она была забавной и милой, быстрой на остроумные замечания, и в ее характере не было ничего, что могло бы предположить, что с ней случилось что-то ужасное. Она была светлой и разговорчивой. Счастливой.

Я осознала, что поторопилась делать выводы в момент паники, предполагая худшее из-за того, что Кэл так настойчиво говорил, чтобы я держалась от Райана подальше. Естественно, я предположила, что Кэл сделал что-то ужасное Кэйлин и не хочет, чтобы об этом узнали. Я думала, что становлюсь параноиком.

Как только мы подбросили Кэйлин, мы вернулись к Райану домой. Он пригласил меня в свою комнату, и я, наверное, слишком быстро последовала за ним. Я продолжала убеждать себя не набрасываться на него, но это было сложно, когда он так вызывающе закрыл дверь в свою спальню. Я чувствовала себя, как парень. Полностью погружена в мысли только о сексе.

— Мне не нужно было сегодня работать, — сказал он, плюхаясь на свою кровать. — Вот почему я был всё ещё в пижаме. Я доделал домашнюю работу, и потом целый день играл в видеоигры.

— Сначала ты сделал домашнюю работу? — спросила я, хихикая.

— У меня хорошее отношение к работе, — ответил Райан, усмехаясь.

— Действительно?

Я плюхнулась на кровать рядом с ним. Нет смысла быть застенчивой. Я пообещала себе, что я лишь отвечу на поцелуй, а не стану его инициатором.

— Так, где ты работаешь?

— В магазине игр, — сказал он.

— Видеоигр?

— Ага.

— Так ты много играешь в видео игры?

— Ага.

— Ты не показался мне придурком, — сказала я, и тут же пожалела об этом.

Райан засмеялся.

— Я не считаю, что нужно быть придурком, чтобы любить игры.

Я смущенно улыбнулась.

— Оу.

— Хотя, кроме этого мне ещё нравится механика, — добавил Райан. — Так что, может, это делает меня придурком.

Я усмехнулась и придвинулась ближе.

— Так как там твоя мама в Калифорнии? — спросил Райан. Он немного отполз от меня. Я думаю, что заставила его чувствовать себя некомфортно. Мне стоило сидеть на его рабочем кресле, но если я пересяду сейчас, это будет выглядеть странно.

— У неё все хорошо, — ответила я. — Я беседую с ней раз в неделю.

— Готов поспорить, она очень по тебе скучает, — предположил Райан.

Я кивнула.

— Хотя, я рада, что осталась здесь. Я могу заново узнать папу, и это здорово. Я,

наверное, общаюсь с ним значительно больше, чем положено большинству девочек-подростков.

Райан кивнул.

— Правда в том, что мне это нравится. Я не знала, что мы сблизимся так быстро. Похоже, как будто и не было всех этих лет, когда мы жили отдельно.

Райан снова кивнул.

Мы сидели в напряженной тишине, и так как не похоже было, что Райан собирается что-нибудь сказать, заговорила я.

— Так ты собираешься рассказать мне что-нибудь о себе, кроме того, что ты любишь играть в видеоигры?

— Что ты хочешь знать? — спросил он.

— Ну, для начала, как долго ты здесь живешь? — спросила я. Я провела рукой по его одеялу.

— Всю жизнь.

— Так ты ходил в «Черити Ран» с девятого класса?

— Ага.

— У тебя есть ещё братья или сестры?

— Нет.

— Чем увлекаешься?

— Я чувствую себя, как на интервью, — сказал он.

Я улыбнулась.

— Ну, ты же не предлагаешь никакой информации. Приходится спрашивать.

— Брук, почему нам вместо этого не поговорить о тебе? Ты кажешься гораздо более интересной.

Я почувствовала разочарование.

— Уверена, это не так. Почему ты такой таинственный?

Я старалась звучать беззаботно, но это прозвучало как обвинение.

На мгновение Райан замолк.

— Слушай, тебе действительно не стоит связываться со мной в школе, ладно?

Какого черта это должно означать?

— Полагаю, я немного изгой. И я не возражаю. Я просто не хочу утянуть тебя на дно.

Я смотрела на него, потрясенная.

— Хорошо. Ты только что поднял свой уровень загадочности на триллион.

Он засмеялся. Это был искренний, мрачный и низкий смех, тот самый вид мужского смеха, который звучит чертовски сексуально.

Я придвинулась немного ближе, и в этот раз он не шевельнулся.

— Это твой выпускной год, и ты должна встречаться с людьми, заводить друзей и веселиться, — сказал он.

— Я встретила с тобой, — предложила я. Это прозвучало кокетливо и чувственно.

Райан ухмыльнулся.

— Ты собираешься стать моей проблемой в этом году, не так ли? — спросил он мягко.

Да, черт возьми.

Я посмотрела на него и позволила себе потеряться в этих прозрачных глазах. Мне все равно, даже если они хранили целую тучу тайн, которыми он не желал делиться. Я просто знала, что изголодалась по прикосновениям, особенно по прикосновениям того, кого хотела.

— Я даже не знаю тебя, — сказал он. Он поднял свою руку к тыльной стороне моей шеи, легонько пробегая по коже кончиками пальцев.

— Могу сказать то же самое о тебе, — ответила я. Я касалась его шеи кончиками пальцев в довольно похожей манере.

Это было невероятно интимным: сидеть здесь, поглаживая шеи друг другу, лбы прижаты так, что наши губы разделяли считанные сантиметры. Я подумала, что это, должно быть, более личное, чем секс, и я не знала, что делаю. Рациональная часть моего мозга кричала, что это слишком скоро. Сексуальная же часть подбадривала меня. Мстящая часть ругала меня за соблазнение не того парня.

— Я думаю, ты полна секретов, — прошептал Райан.

— Я знаю то же о тебе, — прошептала я в ответ.

— Тогда ладно. Мы могли бы поделиться одним. Но только одним, — сказал он.

— Нам придется спрашивать друг у друга?

Райан напрягся на мгновение, рука застыла на моей шее.

— Думаю, да.

— Почему ты был на похоронах Бэт? — спросила я. Мне даже не пришлось над этим думать.

— Я знал её. Она ходила в нашу старшую школу. Я слышал о том, что случилось, и просто почувствовал, что должен пойти.

Я ощутила мгновенные тревожные слезы в глазах, угрожающие выплеснуться из-под моих век и разрушить этот личный момент.

— Почему ты была на похоронах Бэт? — спросил Райан.

Я сглотнула.

— Она была моей лучшей подругой.

Райан отстранился от меня. Я знала, что он так сделает.

— Ты... ты знаешь, почему она это сделала?

Это был секрет, которым я не желала делиться. Я покачала головой, опустив глаза. Я почувствовала его руки вокруг себя и перестала думать о Бэт. Я провела весь день в мыслях о Бэт. Прямо сейчас я хотела думать о Райане и всех тех вещах, которые он планировал со мной сделать в своей кровати. Я знала, что все это слишком скоро, но мне было всё равно. Я чувствовала его руку на подбородке, пока он склонял мой рот к своему. Секунду он колебался, перед тем, как прижался губами к моим.

Многие описывают, что от поцелуя ты начинаешь таять, и я, наконец, узнала, почему. Я думала, моё тело становится жидким. Я ощущала, как кости высвобождались, угрожая раствориться и оставить меня одной большой лужицей желе. Его губы были невероятными, мягкими и упругими, они осыпали мои собственные губы легкими поцелуями до того, как я сместилась и хрюкнула — да, действительно хрюкнула — от недовольства.

— Чего ты хочешь, Брук? — спросил он у моих губ.

Я заскулила в ответ, а он поцеловал меня сильнее, наконец-то используя язык. Вот, чего я хотела. Я наши языки переплелись, я ощущала резкое томление глубоко в животе, которое почти причиняло боль. Я подумала, что это тот самый парень, которого я должна целовать всегда, что все, кто был до него, вовсе не считаются.

Райан отстранился.

— Я хотел сделать это с тех пор, как столкнулся с тобой на похоронах.

— Почему же ты остановился? — я спросила игриво.

Райан устало улыбнулся.

— Брук, я не думаю, что могу с кем-то сейчас быть, и я не могу рассказать, почему. Это никак не связано лично с тобой. Ты красивая. Просто...

— Стоп, — сказала я. — Давай будем волноваться о твоих проблемах позже. Ты можешь просто снова меня поцеловать?

Может, это прозвучало жалко. Может, я была совсем жалкой. Я не должна была физически сблизиться с парнем, которого едва знала. О, кого я обманываю? Я совсем его не знаю! Но я изучала его губы, и это уже кое-что. Верно?

Уголок его рта приподнялся, и я восприняла это, как приглашение. Я набросилась на него, прижимая к кровати, и жадно поцеловала. Да, я была агрессивной. И что? Похоже, он не возражал. Он обнял меня за талию и сжал. От этого мое дыхание моментально сбилось, и я взвизгнула.

— Прости, — пробормотал он мне в рот, теряя хватку.

Я углубила поцелуй, и до того, как осознала, оказалась на спине, прижатая к одеялу его весом. Он переместил губы на мою шею, посасывая и покусывая, вызывая стоны, вскрики и другие звуки. Меня осенило, что мы вели себя так, как будто не занимались этим годами. Для меня это было пять месяцев. И мне было интересно на счет моего таинственного мужчины.

Я оттолкнула его, и он отпустил мою шею, глядя вниз на меня.

— Я сделал что-то не так? — спросил он.

— Нет, — ответила я. — Просто, когда ты в последний раз был с девушкой?

Его лицо порозовело.

— Это так заметно?

— Нет, нет! — сказала я. — Просто мне интересно.

Райан задумался на мгновение.

— Не знаю. Год назад?

— Что?!

Он сел, откинувшись, на пятки и провел рукой по волосам.

— Я не имела в виду ничего такого, — сказала я. Я чувствовала себя такой дурой.

— Ничего страшного, — ответил он. Он встал с кровати и подошел к двери спальни. — Я собираюсь немного пройтись.

Я уставилась на него.

— Ну, например, сейчас, — сказал он.

— О. Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Ну, будет странно, если мои родители придут домой и найдут в моей спальне какую-то девушку, — ответил он.

Я чувствовала себя униженной. Я была просто «какой-то» девушкой, сказал ли он это в отместку или нет. Мне не стоило сюда приходить. Не стоило с ним целоваться. Не стоило заставлять его чувствовать себя пристыженным. Я была такой кретинкой. Я думала, только парни могут носить такое звание, но поняла, что девушки тоже могут.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я встала и последовала за ним к входной двери. Мы стояли в неловкой тишине до того, как я ушла. Он не попрощался, и я тоже.

— Почему ты сделала из него посмешище? — спросила Грэтхен.

Я согласилась провести с ней ночь, но только если она не заставит нас пойти на очередную вечеринку.

— Я не делала из него посмешище, — ответила я. — Или, по крайней мере, я не имела этого в виду.

— Он был ужасен?

— Совсем наоборот. Все было так горячо, пока я не открыла свой глупый рот, — проскулила я.

— Почему ты это сделала?

— Год, Грэтхен! Какого черта? Я имею в виду, я могла бы понять, если бы он был уродлив или ещё что, но парень убийственно великолепен! Я не смогла скрыть свое удивление. Чего ты от меня хочешь?

Грэтхен бросила пилочку в мою сторону и стала изучать свои ногти.

— Так, было похоже, что между вами двумя неконтролируемое сексуальное напряжение? — спросила Грэтхен.

— Определенно. Мы даже не знаем друг друга. Я набросилась на него, как бешеная шлюха, — сказала я.

— О, Брук. Перестань ругать себя за это. Сеанс поцелуев может быть очень приятным.

— Я хочу чего-то большего, чем просто сеанс поцелуев с ним, — сказала я, подпиливая ногти.

— Так это выходит за пределы сексуального притяжения? — подтвердила Грэтхен.

Я угрюмо кивнула. Я почувствовала себя, как влажное большое одеяло на ее вечеринке в субботу. Я не знаю, почему она пригласила меня остаться. Она слышала мой голос по телефону ранее. Удрученный. Слегка стервозный.

— Ну, ты знаешь, что должна сделать, — ответила Грэтхен. — Вернись туда и извинись.

— Я даже не знаю, за что извиняюсь! — заявила я.

— Ты извиняешься за то, что заставила его чувствовать себя неудачником из-за того, что он год не целовался с девушкой. Вот за что, — сказала Грэтхен.

— Отлично.

— Бруки, сбей спесь, ладно? Сегодня только ногти, повторы «Секса в большом городе» и «Баккарди» (*Прим. Последние полвека Bacardi — самая популярная марка рома в мире.*). Она погрузила руку в сумочку и достала несколько бутылочек из самолета.

— Где ты их достала? — спросила я. Я была не в настроении присматривать за Грэтхен сегодня.

— Почему это имеет какое-то значение? — воскликнула она, держа миниатюрную бутылочку рома.

— Я не хочу повторять ту пятничную ночь с тобой, Грэтхен, — предупредила я.

— О, расслабься. Пью не я. Ты, — сказала он.

— Ни за что.

— О, да, ты пьешь. Тебе нужно забыться и перестать волноваться насчет Райана, и немного повеселиться сегодня, — сказала Грэтхен. — Мы никуда не идем. Мы остаемся прямо здесь, в моей комнате. Это мое «спасибо» за то, что позаботилась обо мне после вечеринки Таннера.

— Я не могу пить чистый ром, — произнесла я.

— Привет, Брук. Я в курсе. Ты ведешь себя так, как будто я не имею понятия, кто ты, — разбушевалась Грэтхен, и указала на бутылку колы, стоящую на её письменном столе.

Тридцать минут спустя я была в хлам.

— И я такая, что? Что? Что? Год? Это, как бы, абсолютно невозможно, потому что он таааак безумно горяч, — сказала я, развалившись на полу спальни Грэтхен только в лифчике и трусиках. Я не имела ни малейшего понятия, что случилось с моей одеждой.

— Ты хотела закончить переодевание в свою пижаму? — спросила Грэтхен, хихикая.

Ох. Вот что случилось с моей одеждой.

Я покачала головой из стороны в сторону.

— Эй, не качай слишком сильно. Я не хочу, чтобы тебя вырвало на мой ковер, — сказала Грэтхен.

— Я просто хотела сказать, Райан, почему ты такой великолепный и странный? Что у тебя за тайны? Твои тайны, Райан. Я должна узнать их. Я перекадилась на живот. — Боже, можешь просто сказать мне! — умоляла я.

Грэтхен рассмеялась.

— Грэтхи? — спросила я.

— Не называй меня так — ответила она.

— Я была готова соблазнить его. Я сейчас совершенно не шучу, — сказала я. — Я хотела с ним такое вытворять.

Я подползла прямо к подруге, которая сидела напротив меня, прислонившись к своей кровати.

— Ты понимаешь, что я тебе говорю? Я хотела делать с ним всякие вещи. Множество вещей, — добавила я, находясь в паре дюймах от её лица.

— Например, вдуть ему? — спросила она.

— Вдуть ему до взрыва! — ответила я, и Грэтхен упала на пол, смеясь. — Что? — спросила я, тоже смеясь, потому что смех Грэтхен заразителен.

— Я люблю тебя, — сказала она между хихиканьем. — Расскажи больше.

— Я хочу плавать в его глазах, — произнесла я мечтательно.

— О, Боже.

— Выйти за него и завести детей, — закончила я.

— И вдуть ему тоже, правильно?

— До Марса, — вздохнула я, прислоняясь к кровати. Грэтхен села и присоединилась ко мне. — Весь путь до Марса.

Я посмотрела на свою подругу. Она смотрела на меня, усмехаясь.

— Можно, я ему позвоню? — спросила я.

— Нет.

— Я просто хочу пожелать ему доброй ночи, — добавила я.

— Нет.

— Но мне нужно сказать всего пару вещей.

— Нет, не нужно.

— Но я обещала, что позвоню сегодня.

— Нет, не обещала.

— Но я люблю его.

— Я знаю, Бруки.

— Я так его люблю. Я никогда никого не любила так, как его.

Грэтхен приобняла меня рукой, и я положила голову ей на плечо.

— Я знаю, Брук.

— Как думаешь, он меня любит?

— Я думаю, он по уши влюблен в тебя.

Я прохныкала.

— Можно мне ещё выпить?

— Ты выпила всё, — ответила Грэтхен.

Я хмыкнула и посмотрела на телевизор.

— Люди, Шарлотта просто хотела иметь чертового ребенка! Неужели это так много?

— Знаю, — сказала Грэтхен. — У нее сложная сюжетная линия.

— Это, черт возьми, нечестно, — ответила я и икнула.

Я сразу же заснула на плече Грэтхен, моя голова покачивалась вверх и вниз как на волнах. Перед тем, как задремала, я услышала издали голос подруги.

— Завтра у тебя будет сильнейшая головная боль.

ГЛАВА 9

Твою ж мать.

Я проснулась в кровати Грэтхен, страдая от головной боли. Она вышла из ванной, волосы завернуты в полотенце, улыбка расцвела на лице. Она выглядела бодро.

— Привет, солнышко, — сказала она, подходя к комоду.

— Я тебя ненавижу, — промямлила я.

— Эй. Я не подначивала тебя выпить всё, что было, Брук, — ответила она.

— Я всё ещё тебя ненавижу.

Грэтхен надулась.

— Ты знаешь, что повеселилась.

Мои губы сложились в болезненную улыбку.

— Насколько глупо я себя вела?

— Ну, мне пришлось побороться, чтобы отобрать твой телефон, — ответила Грэтхен.

— Не может быть! Я помню, как засыпала на твоём плече, — возразила я.

— Ага. А потом ты проснулась и захотела поговорить со своим папой, потом с мамой, Финном, а потом с Райаном, — сказала Грэтхен. — Особенно с Райаном.

Я закрыла лицо руками.

— Я такая идиотка.

— Нет, — возразила Грэтхен, распуская волосы и собирая их во влажный пучок. — Это было безобидное веселье. Ты стала дурачиться, и я уложила тебя в постель. Просто пообещай мне, что никогда не будешь пить в одиночку.

— Я больше никогда не буду пить, какое-то время точно, — пробормотала я.

Грэтхен вздохнула.

— Так все говорят.

Я перекатилась на бок и почти закричала в агонии. Пульсация в голове стремительно приблизилась к взрыву перед тем, как снова осела до степени наказывающей боли.

— Я собираюсь за завтраком. Что ты будешь?

От мысли о еде меня чуть не вывернуло. Я закрыла глаза и тяжело сглотнула.

— Тебе не стоит выходить с влажными волосами. Там холодно, — произнесла я.

— Там хорошо. И я заставлю тебя что-нибудь съесть, — ответила Грэтхен. — Оставайся здесь. Я скоро вернусь.

Я и не собиралась покидать её кровать. Никогда.

Когда я вернулась домой около трех, то упала на свою постель. День был уже испорчен,

и я не хотела ничего больше, кроме как проспать свою головную боль. Я убедилась, что у меня не будет снов в этот раз, потому что мой мозг нормально не функционирует. Как могу я вызвать в памяти события прошлого, когда я не могу вспомнить, какой сегодня день недели?

— Ладно, ты была права, — признала Бэт. — Я думаю, что влюблена в него.

— О? — я поерзала на пассажирском сидении.

— Да. И я никогда не испытывала подобного к кому-либо, — добавила Бэт. — Рискую прозвучать супер убого, но спасибо тебе.

Она бросила на меня взгляд, а потом вернула внимание к дороге.

— За что спасибо? — спросила я.

— За то, что свела меня с ним! Алло? — она снова посмотрела на меня. — Да что с тобой сегодня?

— Ничего, — соврала я.

Я не могла выбросить из головы картинку, как Финн наклоняется и целует меня. Это случилось прошлой ночью. Мы гуляли втроем с тех пор, как я потерпела неудачу на очередном свидании вслепую, и сначала мы завезли домой Бэт. Я поехала домой с ним, и он поцеловал меня до того, как я смогла найти дверную ручку и выскочить из машины.

Это не было неожиданностью. Он флиртовал со мной всю прошлую неделю, всегда скрытно и всегда в отсутствие Бэт. Когда я набралась храбрости спросить его, какого черта он делал, он поцеловал меня. И я ответила на поцелуй.

— Брук?

— А?

— Не хочешь рассказать мне, что происходит? — спросила Бэт, сворачивая на парковку перед торговым центром.

— Ничего, — ответила я. — Клянусь.

— Точно? — надавила она.

— Абсолютно.

Бэт на мгновение замолчала.

— Тогда ладно. Можем мы продолжить говорить обо мне?

Я улыбнулась.

— Конечно.

Мы поторопились в торговый центр. Ни одна из нас не взяла зонт, и легкий апрельский дождь угрожал испортить идеально уложенные волосы Бэт. Мои волосы, впрочем, выглядели дерьмово, и я была более, чем счастлива стоять под дождем, если бы он мог расплавить меня в абсолютное ничто. От вины мне хотелось испариться.

— У нас с Финном сегодня вечером свидание, — сказала Бэт.

— Я знаю.

— Думаю, он собирается что-то мне сказать.

Мое сердце сжалось.

— Да?

— Ну, он ведет меня в тот шикарный ресторан на Гленвуд Авеню. Это означает только одно.

— Он собирается сделать предложение? — спросила я, поддразнивая.

Бэт засмеялась.

— Будь реалисткой! Но теперь, когда ты это сказала, то слова «Я люблю тебя» стали и вполнину не так хороши.

— Он любит тебя, — прошептала я, это прозвучало как-то средне между вопросом и утверждением.

— Думаю, да, — ответила Бэт. — Но если я совершенно ошибаюсь, забудь об этом разговоре.

Он её любит. Это всё, о чем я могла думать, пока мы бродили от магазина к магазину, подмечая новейшие модные тренды. Обычно мне нравилось это. Я любила одежду, любила подбирать аксессуары к нарядам, искать идеальные туфли. Но сегодня все казалось таким пустым и бессмысленным.

Я собиралась рассказать все Бэт прямо там, но не могла выдержать даже мысль о том, как она отреагирует. Я действительно боялась. Боялась, что она будет разочарована во мне, хотя я не соблазняла Финна. Я никогда не давала ему повода верить, что хочу большего, чем быть просто друзьями. Он встречался с моей лучшей подругой, черт возьми! Но также я не могла отрицать физическое притяжение, которое испытывала к нему. Оно начало расти около месяца назад, но я старалась каждой частицей себя перебороть и похоронить это. Я убедила себя, что просто завидую Финну и Бэт. У них были именно такие отношения, какие хотела я. Конечно, было ещё кое-что, моя похоть.

Утро понедельника было болезненным. Я не хотела видеть Райана и тайком прокралась на первый урок, пробираясь на цыпочках к своей парте, как грабитель. Должно быть, я несла свою сумку с книгами, как мультяшные персонажи несут мешок с деньгами, забросив его наверх и прижав обе руки к груди. Мне недоставало только формы в полоску и большого знака доллара на сумке.

Он уже был на своем месте, сидел, уставившись в окно, и я надеялась, что он не повернется. Я решила не завязывать разговор с Люси. Подумала, что если он не услышит мой голос, забудет, что я вообще существую.

— Хорошо провела выходные? — спросила Люси, когда я открыла тетрадь. Райан повернулся и взглянул на меня. Что ж, увы и ах.

— Да. А ты?

— Нормально. Я была на этой ремесленной антикварной ярмарке в горах с мамой, — ответила Люси. — Думала, это будет отстойно, но, в действительности, все оказалось довольно весело.

— Ммм.

— Я откопала вещи в стиле потертого шика. Думаю, когда у меня появится собственное жилье, я буду декорировать его в этом стиле, — продолжила Люси.

«Кто эта девчонка?» — подумала я. Я с первого дня в школе только и пыталась, что разговорить её. А теперь, когда она решила стать болтушкой, я хотела, чтобы она заткнулась к чертям собачьим.

— В итоге мы остались в той милой кровати и позавтракали, когда проснулись. Это не было запланировано. Просто импровизация. Мне нравится это в моей маме.

Я кивнула и посмотрела в сторону Райана. Он снова отвернулся, глядя в окно, и я очень хотела знать, о чем он думает. Мне до смерти хотелось с ним поговорить, но я не знала, что сказать. Мы расстались на такой странной ноте, даже не попрощались друг с другом. Это было грубо и по-детски. Или, может, я не осознавала, насколько смутила его.

— Ты как-то упомянула черлидинг, — произнесла Люси, и я так быстро повернула голову, что шея хрустнула. Она это слышала. — Ты в порядке?

— Да, да. Все хорошо. Что насчет черлидинга? — спросила я, разминая шею.

— О, ты упомянула, что была черлидером. Я тоже была, — сказала она.

Мои брови подскочили вверх, и я так же быстро опустила их. Должна ли я сделать всё таким очевидным?

— Когда? — спросила я. — Где?

— Здесь, в девятом классе. Хотя я ушла. Конечно же.

— Почему? — надавила я.

Мгновение Люси теребила пуговицы на блузке.

— Просто не сложилось.

Я не могла это так оставить.

— Ты поссорилась с одной из девочек или что?

Люси покачала головой.

— Думаю, мне просто стало неинтересно.

Да, как и всё остальное в её жизни. Девчонка ничем не занималась в школе сейчас, но в девятом классе она была вовлечена во всё.

— Есть какая-то конкретная причина, почему? — спросила я.

— Думаю, мне просто не нравилось быть флайером, — ответила она.

Брехня. Те фотографии, которые я видела, говорили обратное, только если она не была действительно хороша в притворстве, а Люси совсем не была похожа на этот тип девушки-притворщицы. И поэтому она мне нравилась.

— «Либерти» — мой конек, кстати, — добавила она. — Я знаю, ты сказала, что была хороша в прыжках вверх с приземлением на руки и не очень хороша в «Либерти». — Она задумалась на мгновение, а потом прошептала, — Я была хороша в «Либерти».

Я увидела боль и злость в её глазах, боль, которую чувствуют лишь те, кто пострадал от сильного унижения. И я говорю не о том, что тебя обозвали непристойным словом или распространяли о тебе слухи. Я говорю не о задетых чувствах из-за того, что кто-то не оправдал твоих ожиданий. Я говорю об унижении, которое меняет тебя как личность, заставляет уйти, спрятаться от мира из-за того, что внезапно сталкиваешься с чем-то пугающим, полным темных углов и затаившихся монстров.

— Не хочешь позависать после школы? — спросила я. — Мне не надо сегодня работать.

Люси посмотрела на меня в замешательстве.

— Ну, знаешь. Пойти ко мне. Посмотреть телик или ещё что-нибудь? — добавила я. Хотела бы я не добавлять последнюю фразу. От этого я чувствовала себя нерешительно, а я не была нерешительной.

— Наверное, — ответила она неуверенно.

— Это будет не так уж плохо, — сказала я, и подмигнула. Она захихикала.

— Звучит весело, — сказала Люси, и боль в её глазах тут же исчезла.

Я так хотела вторгнуться в личную жизнь Люси. Мне нужно было узнать о Кэле. Мне нужно было знать, хотела ли она что-то с ним сделать или же спрятать свою боль навсегда. Но Грэтхен явилась без приглашения, поэтому всем моим хорошо запланированным вопросам пришлось подождать.

— Мне ужасно нравится твое имя, — сказала Грэтхен Люси. — Оно очаровательно.

Люси пожала плечами.

— На самом деле, я его ненавижу. Все называют меня «Девочка из Нарнии». Это так

глупо.

— Неважно, — ответила Грэтхен. — Она тоже была очаровательной.

— Откуда ты знаешь Брук? — спросила Люси.

— О, она ходила со мной в одну старшую школу, — сказала Грэтхен, и я неуютно поерзала на кровати. Я не была уверена, как много Люси стоит знать.

— Правда? — спросила Люси, переадресовывая вопрос мне.

Я кивнула.

— Так почему ты ходишь в «Черити Ран»? — спросила Люси.

— Моя мама переехала в Калифорнию. Поэтому я или могла поехать жить в Сан-Франциско, или переехать к папе, — ответила я.

— Что ж, наверное, ты сделала правильный выбор. Похоже, несколько парней в школе положили на тебя глаз, — сказала Люси. — По крайней мере, это то, что я слышала.

— Погоди-ка, — сказала Грэтхен. — Что это значит?

Люси усмехнулась.

— В школе есть парни, которым нравится Брук. И они неплохие.

— Что ты имеешь в виду? — я подпрыгнула от этого комментария.

— Лишь то, что не все парни в нашей школе хорошие. Но те, которым ты нравишься, как я слышала, хорошие, — уточнила Люси.

— Какие парни не хорошие? — спросила я. Я знала, вопрос прозвучал слишком агрессивно, и постаралась вести себя мягче. — В том смысле, чтобы я держалась от них подальше.

Люси задумалась на мгновение.

— Ну, Кэл один из них. Тебе не стоит зависать с ним. Не стоит даже говорить с ним, Брук.

Сигналы тревоги звенели в моем мозгу. «Не облажайся! Не испортить всё!» — кричали они, и я постаралась мягко вытянуть информацию из неё. Я хотела, чтобы Грэтхен здесь не было, но я не могла упустить возможность.

— Кэл кажется мне безобидным, — ответила я. Я осторожно следила за лицом Люси.

— Да, он много чем кажется. Хороший студент. Хороший парень, — сказала она. А потом она уставилась взглядом в мой шкаф.

Грэтхен посмотрела на меня с видом «Что с ней не так?», и я покачала головой.

Я попробовала деликатно.

— Люси, есть что-то, что ты хочешь мне рассказать насчет Кэла?

Люси продолжила смотреть на дверь шкафа.

— Люси?

Никакого ответа.

— Люси!

Она дернула головой и посмотрела на меня.

— А?

— Я сказала, есть ли что-то, что ты хотела бы мне рассказать насчет Кэла.

Её взгляд пронзил меня.

— Да. Держись от него подальше.

Я стояла рядом с киоском, фотографируя трибуну местной команды. Ветер развивал мои волосы, от него мои глаза слезились, тем самым усложнялась моя задача — обнаружить

его. Я даже не была уверена, что он будет на игре. Но я предположила, что популярные студенты не пропустят день встречи выпускников. Заполненные трибуны. Дикие фанаты. Лица некоторых раскрашены. Черный, красный и белый цвета повсюду. Наша команда называлась «Крестonosцы». Лучше не спрашивать, как публика старшей школы может воздержаться от того, чтобы талисман команды подразумевал полное отделение от церкви и государственной фигни. Но, кажется, ни у кого с этим не было проблем, видимо, потому что наш талисман ворвался на поле перед игрой, держа пластиковый меч в одной руке, а пластиковый щит — в другой, с большим красным крестом поперек груди, крича о праведном возмездии. Это происходило каждую игру. Каждый год. Я смотрела, как он обежал поле по кругу, с абсурдными мыслями, что я отлично вписываюсь в эту школу, впрочем, у меня не было планов перенести мое праведное возмездие на футболистов. Я была больше заинтересована в команде пловцов и разоблачении их тайного секс-клуба.

Я знала, что будет сложно обнаружить Кэла среди фанатов. На Юге футбол — довольно важное дело. Все были здесь, даже такие, как я, кто не особенно переживал за игру. Это вроде традиции, которая привлекала даже большинство неохотных наблюдателей, и я подозревала, что если кто-то не придет на игру, то будет смотреть её по местному телеканалу.

Мой взгляд методично перемещался вверх и вниз по трибунам, пока я не нашла его. Он сидел с группой друзей, Паркер среди них, и я почти взвизгнула от такой удачи. Не потому, что Паркер был там, а потому, что недалеко от них было свободное место, и если я пойду сейчас, оно может стать моим.

Я поднялась на трибуну и начала продвигаться по их ряду. Моим планом было подстроить встречу с Кэлом, приземлившись на его колени. Пришло время испачкать руки. Пришло время коснуться его и проследить за реакцией. Я решила попытать судьбу толикой неуклюжести и обаянием хорошей девочки.

Однако всё пошло не совсем по плану. Когда я проходила мимо Паркера, я почувствовала, как выскочила нога, цепляя мою лодыжку, и я отправилась напрямик к Кэлу на колени. Инстинктивно я схватила его за бедра, ударяясь головой о его промежность. Моя правая коленка ударила о металлическую трибуну с сильным хрустом, и я закричала от боли. Не так я хотела упасть. Я хотела выглядеть мило. А получилось неуклюже и постыдно.

— Ох, ты в порядке? — спросил Кэл, сдерживая смех. Он помог мне встать с его колен, держа меня за руку, пока я благополучно не заняла место рядом с ним.

Я потеряла лоб.

— Я не осознавала, насколько грубая ткань у джинсов.

— Дай я посмотрю, — сказал Кэл и убрал мою руку от лица. Он убрал мои волосы в сторону и изучил мой лоб. — Немного красный, но, думаю, ты будешь жить.

— Отлично, — промямлила я.

— Уже второй раз я наблюдал, как ты ударилась лицом, Брук, — произнес Кэл. — Лучше будь внимательной. Не хочется, чтобы повредилось твое хорошенькое личико.

Я усмехнулась.

— Твое колено в порядке? — спросил он, замечая, как я тру его.

— Думаю, да, — ответила я, и наклонилась вперед, чтобы посмотреть вдоль ряда на Паркера.

Он улыбнулся мне самодовольной улыбкой, которая только разожгла праведный гнев. Вполне уместно, подумала я, и пожелала быть крестonosцем, но с настоящими мечом и

доспехами. Что бы я делала с мечом? Это просто. Проткнула бы им Паркера. Или, если буду особенно щедрой, может, сделаю несколько рваных ран в разных местах. Я села обратно и покачала головой. Что такого было в этих парнях, что делало меня такой жестокой?

— Ты одна здесь? — спросил Кэл.

— Да, я новенькая, помнишь? — ответила я беззаботно.

— Да, но вроде как уже середина октября. Ты все ещё не завела друзей? — спросил Кэл.

Я ненавидела то, как он со мной говорил. Всегда была скрытая нотка обвинения в его словах. Как тогда, когда пару месяцев назад он спросил меня, больна ли я. Я виновата, что упала в обморок. Виновата, что у меня нет друзей.

Видимо, он забыл, что у меня есть друзья, которых я везла домой после вечеринки Таннера пару месяцев назад. Я сыграла на его забывчивости.

— Трудно завести друзей, когда ты выпускница и при этом новенькая, — сказала я.

Кэл пожал плечами.

— Не пошла со своим отцом?

Итак, он запомнил моего папу. Интересно. Возможно, я произвела большее впечатление на него при регистрации, чем думала раньше. У меня появилась идея.

— Он много работает, и из-за этого я часто одна. Мы с ним не слишком близки.

Я постаралась, чтобы это прозвучало немного жалко. Подумала, что мне не повредит создать впечатление, что я одинокая девушка без настоящей связи с кем-либо. Может, это сделает меня более привлекательной мишенью. Он мог бы осквернить меня, думая, что после всего мне будет не к кому бежать.

Он обнял меня за талию, и я подпрыгнула. Его самоуверенность нервировала меня. С чего он взял, что ему разрешено прикасаться ко мне так небрежно?

— Что ж, я буду твоим другом, Брук, — сказал он, прижимая меня к себе. — У каждого должен быть, по крайней мере, один друг.

— Ты очень великодушен, — ответила я, пытаюсь скрыть свой сарказм, но он услышал.

— Я не пытаюсь быть забавным, — сказал он. — Я, правда, хочу быть твоим другом.

Его слова, его поведение — все казалось странным. Внезапно мне захотелось быть дома с папой, смотреть старый телик и говорить о его несуществующей личной жизни.

— Ладно, — это единственное слово, до которого я додумалась. — Так кто твои друзья?

Кэл взглянул на парней, сидящих в длинную линию, они занимали большую часть ряда.

— Ну, ты знаешь Паркера, он там. Вот Майк, Тим, Хантер, а это Аарон, — сказал Кэл указывая на парня рядом с ним.

— Привет, — сказала я Аарону.

— Как жизнь?

— Вы все из команды пловцов? — спросила я.

— Да, — ответил Аарон. — Откуда знаешь?

— О, я просто предположила. Я знаю, что Кэл плавает. И Паркер тоже, — ответила я.

— Никто из них мне в пометки не годится, — сказал Аарон, а Кэл покачал головой.

— Да пофиг, мужик.

Мы начали непринужденный разговор, в основном болтал Аарон. Он не казался мне хищником, но и о Кэле можно было сказать то же самое. Я осознала, что нужно посмотреть на зло совершенно под другим углом. Большинство плохих парней не расхаживали по округе с выпученными глазами. Большинство плохих парней не казались уродливыми и пугающими, прячась в темных углах с безумными ухмылками, расползающимися на их

лицах. Большинство плохих парней были нормальными, обычными парнями, идущими по жизни, как и все остальные. Ходили в школу. Ходили на работу. Ходили даже в церковь. Их сложно вычислить, и поэтому они так хороши в роли плохих парней. Они хитрые. Им может всё сойти с рук, и они знали это.

Кэл купил мне горячий шоколад и помог прояснить правила игры, когда наша команда разгромила соперников. Я пыталась задавать ему вопросы там и тут, но большинство из них он оставлял без ответа. Он не был заинтересован в разговорах о себе. Ему был интересен футбол. К сожалению, о нем сегодня я узнала не больше, чем о Райане. Я осознала, что мне надо получить информацию другим путем, но каким именно, я не была уверена.

Вечером я убирала свою зону обслуживания, когда ко мне подошел Терри.

— Эй, не хочешь пообжиматься на заднем сиденье моей машины, когда закончишь? — спросил он, проскальзывая в кабинку.

Я усмехнулась.

— Об этом мечтает каждая девчонка, — ответила я, наполняя последнюю из моих бутылок с кетчупом. — В любом случае, сколько тебе? Пятьдесят?

— Мне тридцать шесть, — ответил Терри.

— Жесть.

Он ухмыльнулся.

— Серьезно, что ты делаешь позже?

— Уже одиннадцать. Я собираюсь домой. В кровать, — я протерла низ бутылок и поставила их на тележку.

— Ты такая скучная, Райт, — сказал Терри. — Почему бы тебе немного не повеселиться?

— О, я повеселилась. Несколько недель назад, когда мне пришлось присматривать за моими пьяными подружками, — сказала я. — Не мог бы ты, пожалуйста, убрать ногу?

Терри поднял ногу, пока я подметала под ним.

— Я не говорю о вечеринках или чем-то таком. И тебе не придется ни за кем присматривать, — ответил он.

— Забудь об этом, — сказала я.

— Что ж, ты многое упускаешь, — сказал Терри. — Я веселейший человек для общения.

— Нужно говорить — самый веселый. Ты самый веселый человек для общения, — поправила я, убирая метлу в сторону.

Он ухмыльнулся.

— Я хожу в школу не для получения степени по английскому языку, Райт.

— Ты ходишь в школу? — переспросила я. Я была в шоке. Я думала, карьерный выбор Терри — стать шеф-поваром в заведении «Обед Патриции». Ему ведь все-таки тридцать шесть.

— Ты такая соплячка. Я хожу в школу компьютерного программирования, — ответил он. — Что? Ты думала, я планирую готовить обеды до конца жизни?

Я пожала плечами.

— Не знаю. Ты делаешь адский пирог.

— Неважно. Мне не нужно это место. Как только я покончу со школой, буду кататься в деньгах, как в тесте, — он рассмеялся над собственной игрой слов.

Внезапно у меня появилась мысль.

— Так ты, видимо, неплохо соображаешь в компьютерах и все такое.

— Ясень пень.

— И, предполагаю, большинство твоих одноклассников тоже неплохо соображают?

— Большинство людей идут в школу за тем, в чем они хороши, — терпеливо ответил

Терри.

Я небрежно бросила.

— Есть знакомые хакеры?

— А?

Я подумала получше.

— Мм, забудь? — и продолжила вытирать стол.

— Нет, не забудь. Зачем тебе нужен хакер? — он навалился на стол, глаза озорно сверкали. — Так, все-таки, в тебе есть маленькая плохая девчонка.

Мое лицо вспыхнуло малиновым цветом, и он увидел.

— Ладно, Райт. Выкладывай. За кем ты хочешь шпионить?

— Ни за кем.

— Брехня. Что, если я скажу тебе, что знаю хакера?

— Ты издеваешься? Надо мной? — спросила я.

— Нет.

— Ладно, и кто это?

Терри откинулся назад в своем кресле и сложил руки за головой. Он уставился в потолок.

— Ваш покорный слуга.

— Чушь. Собачья.

— Я серьезно. Почему ты мне не веришь? Ты думаешь, я тупой или что?

— Я не думаю, что ты тупой, но все же. Каков шанс, что я спрашиваю тебя о хакере, и ты им оказываешься?

— Ну, тебе повезло. Так к чему все это?

Я не могла поверить, что собиралась доверить Терри некоторые свои секреты. Хотя у меня не было выбора. Не было, если я хотела узнать больше о том разговоре, который подслушала на лестничной площадке. Он нужен мне.

— Райт?

— Ты должен поклясться жизнью, что не скажешь ни одной живой душе, — ответила я.

— Что? Ты думаешь, я хожу по округе, выбалтывая людям о своей работе хакера?

— Просто поклянись.

— Я клянусь, — произнес он, закатывая глаза.

Я сделала глубокий вдох и присела в кресло напротив него.

— Я думаю, в моей школе происходит кое-что подозрительное.

— О Боже. Ладно, Вероника Марс (*Прим. «Вероника Марс» (англ. Veronica Mars) — американский телесериал, молодёжная детективная драма, рассказывающая о девочке-подростке Веронике, которая помогает своему отцу, частному детективу, в его расследованиях*).

— Заткнись. Я серьезно, — сказала я, но не смогла сдержать смех.

Мы сидели в одиночестве под одной из немногих ещё включенных в ресторане ламп. Это выглядело, как сцена из какого-то дурацкого детективного фильма. Всё, чего нам не хватало — это дыма от сигарет, витиевато поднимающегося к потолку, который дополнил

бы джазовый напев, звучащий на заднем плане.

— Ладно. Что, по-твоему, происходит?

— Я как-то подслушала разговор на лестнице.

Терри прикрыл рот рукой, чтобы сдержать смех.

— Знаешь что? Забудь об этом, — отрезала я.

— Нет, нет! Прости. Слушай, я просто не знал, что ты подрабатываешь Нэнси Дрю в свое свободное время (*Прим. Нэнси Дрю (англ. Nancy Drew) — литературный и киноперсонаж, девушка-детектив, известная во многих странах мира*).

— Сколько их ещё у тебя?

— Ну, только две... погоди-ка! Джессика Флетчер из «Она написала убийство».

— Я даже не знаю, кто это.

— Детки наших дней, — посетовал Терри, качая головой.

— Неважно. Ты перестанешь делать из меня посмешище и позволишь мне продолжить?

— Пожалуйста.

Я сделала глубокий вдох.

— Итак, я подслушала этот разговор...

— Можно спросить, как?

— Я пряталась у подножья лестницы? — объяснила я.

Терри расхохотался. Я встала с места и схватила подставку с приправами.

— Эй! Остановись сейчас же! — приказал Терри, хватая меня за руку. — Перестань беситься. Мне позволено немного посмеяться, потому что это чертовски забавно, ладно? Возьми себя в руки и сядь обратно.

Я бросила подставку на стол.

— В том-то и дело, ты, кретин! На самом деле, это не смешно. Я думаю, что некоторые парни в школе насилуют девушек, и это часть их большой игры!

Это привлекло его внимание. Я села обратно, наблюдая за его лицом, пока он переваривал информацию.

— Ладно. Шутки позади, расскажи мне, что ты подслушала, — сказал Терри.

— Я слышала, как эти парни говорили о секретном клубе, и что какой-то парень хочет к ним присоединиться. Кто-то упомянул, что единственная возможность присоединиться — это переспать с девственницей. Ещё было упоминание об оценочном листе или чем-то подобном.

— Это всё, что ты слышала? — спросил Терри.

— Практически.

— А как ты узнала, что они насилуют девушек? Это может происходить по согласию, — предположил Терри.

— Я знаю одного из парней, участника этого клуба. Ну, если это клуб. Я знаю, что он кое-кого изнасиловал. Я думаю, другие тоже этим занимаются. Может, не все из них, но некоторые.

— Откуда ты знаешь, что этот парень кого-то изнасиловал?

— Просто знаю, — ответила я.

— Тебе придется сказать мне больше, если ожидаешь, что я приму в этом участие, — ответил Терри.

Я посмотрела в карие глаза Терри. Это первый и последний раз, когда я сделала это. Я хотела убедиться, что могу ему доверять. Я изучала их, но они сказали мне лишь то, что он

честен, всегда скажет мне правду, даже если эта правда заденет мои чувства.

— Он изнасиловал мою лучшую подругу, — произнесла я. — После этого она покончила с собой.

Терри замолчал на несколько минут.

— Почему она не пошла в полицию? — в конце концов, поинтересовался он.

— У неё... было что-то вроде сексуальной репутации, — ответила я. — Она думала, никто ей не поверит.

— Хम्म.

Я потерла лоб.

— Никто об этом не знает, кроме тебя.

— Она не рассказала родителям?

— Ты думаешь, этот мудака всё ещё оставался бы в школе, если бы она рассказала?

— Так зачем тебе моя помощь? — спросил Терри.

— Я хочу, чтобы ты взломал один из их компьютеров. Я хочу знать о клубе. Я хочу больше разузнать об этих парнях, принуждающих девушек заняться с ними сексом, — сказала я. Кто знает? Возможно, это только Кэл, но этот кретин, Паркер, которого я встретила, действительно меня напрягал. Я думаю, он тоже хищник.

— Ты думаешь, они хранят список изнасилованных девушек на компьютере? Будь реалисткой, Райт, — ответил Терри.

— Нет, но, может, они посылают друг другу оценочные листы? По почте. Я знаю, это много. Возможно, оценочный лист что-то мне расскажет.

Терри покачал головой.

— Ты хочешь отомстить?

— Именно так, — сказала я.

Терри глубоко вздохнул.

— Что ж, мне потребуется больше информации перед тем, как мы нарушим закон.

ГЛАВА 10

Достать адрес электронной почты Паркера Дункана получилось легко. Он был прямо на его странице в «Фейсбуке». Как только я отправила его Терри, началось настоящее веселье. Терри объяснил свой план. Он напишет Паркеру, и это будет выглядеть, как сообщение от Кэла. В сообщении картинка, на которую Паркер должен будет нажать. Терри спросил меня, что должно быть на этой картинке, и я предложила, чтобы это была какая-нибудь голая цыпочка.

— Веселее для меня, — сказал Терри, и я заткнулась. Паркер даже не будет знать, что это «Троян», вид компьютерного вируса, спрятанный в картинке. Как только Паркер нажмет на картинку, он включит «Троян», что предоставит Терри неограниченный доступ к любому действию Паркера: сайты, которые он посещает, пароли, которые он вводит на всякие его онлайн-аккаунты, возможность видеть его файлы и папки. Терри был уверен, что у него будут для меня новости на следующий же день.

В тот вечер он отвел меня в сторонку на работе.

— У меня для тебя целая куча дерьма, — сказал он.

— Да?

— Приходи ко мне после работы, — сказал Терри.

— Ты спятил, — ответила я.

— Соберись, Райт, — сказал Терри. — Ты хочешь знать, что я нашел или как?

Я хмыкнула.

— Ладно. Но если ты хоть что-то предпримешь по отношению ко мне, я тебя прикончу.

— Да, пожалуйста. Я выше тебя, — сказал Терри, и я засмеялась.

Я была в шоке, когда вошла в жилище Терри. Я предполагала, оно будет выглядеть, как дом братства: нелепая мебель с пятнами от рвоты и пива, упаковки от старой еды и коробки от пиццы, наваленные на поверхность столов, запах чего-то тухлого и прокисшего. Терри не производил впечатление парня, который следит за собой. Мне стоило догадаться, когда он рассказал, что ходит в школу компьютерного программирования. Мне следовало ожидать, что у него чистый, аккуратный дом. Программисты. Абсолютные ботаники. Его мебель из коричневой кожи соответствовала друг другу. У него были столики с лампами. Красивые лампы, которые органично дополняли интерьер и вписывались в пространство. Кухня была безупречна. С ручек печи и посудомоечной машины свисали чертовы полотенца. Я рассмеялась при виде разбросанных на кофейном столике журналов, соседствующих с ароматическими свечами.

— Кто ты? — спросила я, прохаживаясь по гостиной.

— Я разносторонний, Райт, — ответил Терри.

Я закатила глаза.

— Могу я воспользоваться твоей ванной, пока мы не начали?

— Прямо по коридору.

Я не торопясь побрела по коридору. Я была больше заинтересована фотографиями на стенах. Похоже, это семья Терри, и я подозревала, что ребенок, у которого такой же нос и рот, как и у моего друга-хакера, его брат. По одной из фотографий я узнала, что Терри занимался серфингом, и решила, что пора бы попробовать что-то новое: не вешать на людей ярлыки в ту же секунду, когда их встречаешь.

Я действительно попросила воспользоваться туалетом лишь для того, чтобы провести расследование. Я хотела увидеть, такой ли он чистый, как и остальная часть дома Терри. У него был включен какой-то ароматический освежитель воздуха. Думаю, это ваниль, смешанная с лавандой. Я осторожно подняла сиденье унитаза, ожидая увидеть пятна мочи, и, Бог знает, чего еще, но было чисто. Совершенно чисто. Я не узнавала этого парня. На работе он был таким засранцем — грубым, громкоголосым и полным бранных словечек. Я узнала, что у него есть «Харлей». И он зависает в дешевых барах по выходным.

— Нет, я зависаю в лабораториях по выходным, ты, соплячка, — сказал он, когда я вернулась в гостиную и спросила. — Ты слишком молода, чтобы быть такой предвзятой.

Он лежал на диване, переключая каналы по телевизору.

— Вообще-то, подростки самые недалекие. Не позволяй всем нашим разговорам о согласии одурачить тебя, — сказала я.

— О, меня не одурачить. Я поработал достаточно с людьми вроде тебя, чтобы знать, как вы себя ведете. Это жалко, — ответил Терри, оставляя комедийный канал. — Хостес хуже всех. Я неустанно говорю Фрэнсис перестать нанимать шестнадцатилетних.

— Скольких ты довел до слез? — спросила я, усмехаясь.

— Трех.

— Тебе попало за это?

— А как ты думаешь?

Я захихикала.

— Ты такой придурок.

— Я не доводил тебя до слез, не так ли? — спросил он.

Я покачала головой.

— Хорошо, — сказал он. — Это хорошо. Не хочу видеть твои слезы, Райт.

Его глаза оставались прикованными к телевизору. Не знаю, почему он это сказал, но он выглядел так, будто именно это имел в виду. Это звучало покровительственно, а не романтично. В этот момент я подумала, что у меня может появиться старший брат. Я почти спросила его, не хочет ли он им стать.

— Ладно. Ты пришла сюда за информацией, и она у меня есть. Готова изучить? — спросил Терри, открывая ноутбук.

Я кивнула и плюхнулась в мягкое кресло.

— Двигайся ближе, чтобы видеть экран.

Я придвинулась к сидевшему на диване Терри, и он открыл документ.

— Исследуй «Экспонат А». Твой оценочный лист, — сказал Терри.

Я просмотрела его с колотящимся от адреналина сердцем, осознавая, что то, что я делаю, неправильно. Хотя, мне было все равно. Я думала о том, что это *великолепно хорошая* ситуация, что право на конфиденциальность Паркера нарушено. О Боже, думала я. Если бы мой консервативный отец услышал, как я говорю «великолепно хорошая», он бы отказался от меня.

В оценочном листе перечислялись различные сексуальные действия и указывалось, сколько баллов дает каждое действие. Поцелуи приносили наименьшее количество очков. Минет давал больше баллов. Секс оценивался по-максимуму. Но также оценка зависела от типа девушек. Минет от девственницы приносит большее количество очков, самое большое количество баллов начислялось, если она пойдет до конца. Девушки, которые считались гулящими и были легкими целями, давали меньше очков, даже если у парня был секс с ними. Сначала было сложновато, но я просекла все довольно быстро.

— Я нашел этот оценочный лист в папке с названием «ВБЛ», — сказал Терри. — Выяснить, что это означает, много времени не заняло.

— И что это означает? — спросила я, отрывая взгляд от оценочного листа.

— Дай-ка я покажу тебе сначала кое-что, и ты сможешь сама понять, — сказал Терри.

Он открыл «Экспонат Б», названный «Игра 2». Это был файл excel с таблицей, в которую вписаны имена шести парней. Под каждым именем были расположены имена четырех девушек. У некоторых девушек уже записаны цифры рядом с именами. У других — нет.

— Что за черт?

— Это команды, видишь? — сказал Терри. — У каждого из парней есть команда девчонок. Как «Воображаемый футбол».

— «Воображаемый футбол»? — переспросила я.

— Господи, Райт. Такая программа. «Воображаемый футбол», — пояснил Терри.

Я нахмурилась, ожидая объяснения.

— Боже, ты такая девчонка, — вздохнул Терри. — «Воображаемый футбол». Ты играешь против других людей в лиге. Ты выписываешь имена, чтобы решить, кто выбирает первым. Ты выбираешь любого профессионального футболиста, какого хочешь, для своей команды, а потом следишь за счетом, как они ведут себя на своих играх. Ты пытаешься победить, ясно? Набирая наибольшее число очков.

Я кивнула.

— Похоже, что у них четыре игры в год. Ну, судя по документам, которые я нашел.

— Только четыре? — спросила я.

— Ну, подумай об этом, Брук. Если они работают с командой из четырех девчонок, им нужно достаточно времени, чтобы ходить на свидания и ухаживать за каждой из них.

— Ладно. Это имеет смысл, — ответила я. — Они играют на протяжении учебного года или целый год?

— Похоже, что они играют и в летнее время, — сказал Терри. И я осмелюсь сказать, что девушки не имеют ни малейшего понятия, что происходит.

— Какая кучка мудаков, — произнесла я с максимальным женским возмущением, какое только смогла изобразить, чтобы спрятать мое полное и абсолютное восхищение.

Он открыл очередной документ.

— Здесь они оценивали каждую девушку с самого начала. Есть четыре категории, судя по оценочному листу. Есть «Девственницы», которые приносят наибольшее количество очков, что бы ни делали. «Девственницей» считается любая девушка, которая не занималась ничем, кроме поцелуев. — «Хорошая девочка» на втором месте по баллам, которые приносит.

— Что определяет «Хорошую девочку»? — спросила я.

— Позволь мне показать тебе «Экспонат Д», — сказал Терри. — Вот документ, объясняющий все четыре категории. Каждый член лиги подписывал его. Предполагаю, что это для того, чтобы потом не было споров. Я думаю, они вместе решают, к какой категории подходит каждая девушка. Очень демократично.

— Очень долбануто, — сказала я.

Терри ухмыльнулся.

— Так вот, «Хорошая девочка» — это та, кто заходила немного дальше поцелуев. Легкий петтинг. Никаких оральных ласк, хотя...

— Иисусе. Я просканировала документ в поисках объяснения последних двух категорий.

Категория «Плохая девочка» предполагала девушек, о которых известно, что они принимали участие во всех действиях, включая углубленный курс. Но у них был секс только с одним партнером. Категория «Шлюхи» была для тех девчонок, у которых было несколько парней.

Я презрительно засмеялась, качая головой.

— Это возмутительно.

— Это то, что ты хотела узнать, — ответил Терри.

Я проигнорировала его.

— Покажи мне ту таблицу с командами ещё раз.

Терри открыл файл, и я заметила буквы рядом с именами каждой из девушек.

— Как может быть, что они знают, девственницы ли эти девчонки? — спросила я.

— Шпионаж, наверное.

— Ты имеешь в виду, что думаешь, другие девушки помогают им в этом?

— Я не знаю. Возможно.

Я была в ужасе. Я читала список. Буквы рядом с каждым именем были Д, ХД, ПД и Ш. Для «Игры 2» была отобрана только одна «Ш». Её имя Криста Кэмпбэлл.

— Зачем кому-то из них выбирать «шлюху», если она приносит мало очков? —

спросила я.

— Я не думаю, что они выбирают тех девочек, каких сами хотят. Им приходится выбирать из списка. Они меняют девчонок каждую игру, — объяснял Терри. — Ни одна девушка не играет повторно.

— Ясно. Не хотят, чтобы эти девчонки чувствовали себя блядами, — сказала я.

— Нет, просто помечают их таковыми, — ответил Терри.

Я откинулась назад и посмотрела на потолок.

— Так что значит «ВБЛ»?

— Ну, это и есть твоя «Воображаемая Футбольная Лига».

— Агаа.

— Значит...

Я посмотрела на Терри.

— «Воображаемая Секс Лига»?

— Почти, — сказал он. — «Воображаемая Блядская Лига».

Я фыркнула.

— Так теперь все они бляди? Что насчет девственниц?

— Думаю, в этом весь смысл — сделать их блядами, — ответил Терри.

— Как ты понял, что это «Воображаемая Блядская Лига»?

— Я увидел это в электронной почте. Не могу похвастаться, что выяснил это сам, — сказал он. — Ты в списке для «Игры 3».

Я чуть в штаны не наложила.

— Что, прости?!

— Я нашел лист девчонок для «Игры 3». Ты одна из избранных.

Мое сердце стучало так быстро, что я испугалась, что у меня случится паническая атака. Я закрыла глаза. Поля, поля, поля. Где были чертовы поля?

— Моя категория? — выдохнула я, глаза всё ещё плотно сжаты. Мне действительно не хотелось спрашивать, но пришлось. В любом случае, как эти парни могут знать? Потом я подумала о Таннере. О Боже. Что, если Паркер спрашивал Таннера обо мне? Что, если Таннер сболтнул что-то про Финна? Он знал о Финне. Не спрашивайте, откуда, но парень знал.

— Хорошая девочка, — ответил Терри.

Я изогнула бровь и сжала губы.

— Откуда им знать?

— Шпионы, Райт. Вопрос в том, правда ли это?

— Это не твоё дело, ты грязный старый мужик, — выплюнула я.

Хотя это не было точной информацией. Предполагалось, что у «Хорошей девочки» не было секса, а это было не про меня.

— Когда начинается «Игра 3»? — спросила я.

— Не в ближайшие несколько месяцев, но не волнуйся. Я дам тебе знать, когда они сделают свой выбор, — сказал Терри.

Я уставилась на него. Я, должно быть, выглядела напуганной, потому что он потряс головой.

— С тобой ничего не случится, — сказал Терри. — Я обещаю.

Я кивнула.

— Но тебе стоит быть умнее насчет этого, Райт, — продолжил он. — Не ставь себя под

угрозу лишь для того, чтобы добыть ещё информацию об этом придурке Кэле. Я понимаю, почему ты хочешь его достать, но тебе стоит играть с безопасного расстояния.

Я кивнула.

— Я имею в виду, что знаю, что она была твоей лучшей подругой и всё такое...

— Я уяснила, Терри.

— Но это может оказаться действительно серьезным дерьмом. И я просто думаю, что будет лучше...

— Терри? Я поняла тебя.

Терри закрыл рот. Я прикусила губу, чтобы хоть что-то делать, пока думала.

— Покажи мне таблицу ещё раз, — сказала я. Я рассматривала её. — Где имя Кэла? Я вижу Паркера, Майка, Хантера, Тима и Аарона, но где же Кэл?

Терри взглянул на документ.

— Должно быть, он просто отсиживается?

— Да, но почему?

По крайней мере, я не шлюха. Это всё, о чем я могла думать, пока сидела на диване, глядя, как папа читает.

— Ты поздно пришла домой. Задержалась на работе? — спросил он, не поднимая глаз от своего Ридерз Дайджеста.

— Одна пара никак не хотела уходить, — ответила я. Я бы ни за что не рассказала папе, что ходила в дом к тридцатилетнему мужчине, чтобы узнать детали о «Воображаемой Блядской Лиге».

Он кивнул, погруженный в свое занятие.

Внезапно мне захотелось поговорить с папой. Не о чем-то конкретном. Правда, я просто хотела, чтобы он заставил меня смеяться. Мне нужно было отвлечься от всей этой информации, которую я только что узнала.

— На что это похоже, расти на северо-востоке? — спросила я.

Папа поднял глаза от журнала.

— Seriously?

Я кивнула.

— Холодновато.

Я повернула к нему голову и вскинула брови.

— Недружелюбно, — предложил он.

— Старайся лучше.

Папа вздохнул.

— Откуда такой внезапный интерес? Есть ТВ-шоу, которое ты смотришь в это время?

— Папа, сейчас полночь.

— Точно. Не должна ли ты уже быть в кровати?

— А ты не должен ли быть в кровати? Это ты здесь старичок.

— Мило.

Я подмигнула ему. Он подмигнул в ответ. Это было нашей фишкой. Я помню, как мы делали это с тех пор, как он научил меня подмигивать, когда мне было четыре. Я не осознавала, как мне не хватало этого, когда мы жили отдельно.

— Просто расскажи мне, — попросила я.

— Ладно. Я жил в доме строчечной застройки. Ты знаешь, что это?

— Те дома, которые соединены вместе, как таунхаусы?

— Ага. Землю на севере тяжело приобрести, если у тебя нет кучи денег. Большинство домов совмещены.

— Никакого заднего двора? — спросила я.

— Хм, маленький есть. Размером с эту гостиную, — ответил папа.

Я оглянулась вокруг.

— Это печально.

— Это было тем, чем было.

— Почему было недружелюбно?

— Уверен, это было дружелюбно, — сказал папа. — Просто сложно сравнивать с Рэйли.

Я хотела прокомментировать это, когда услышала легкий стук во входную дверь.

— Оставайся прямо здесь, — приказал папа, когда вскочил со своего кресла. Он схватил заряженный «Кольт 45», спрятанный в ящике углового стола. Я слышала, как он перезарядил его.

— Я уверена, это просто...

— Тихо, Бруклин.

Я послушалась. Не для того, чтобы папа был доволен, но я прислушалась к нему. Если не слушать, это может обернуться катастрофой. Знаю из прошлого опыта.

Папа взглянул в глазок и вздохнул, после чего повернулся ко мне.

— Ты знаешь парня со скейтбордом?

Я подпрыгнула и подбежала к двери.

— Да!

— Какого черта? Уже полночь, Брук.

— Сегодня пятница, — поспорила я.

Папа фыркнул и вернулся в свое кресло.

— Серьезно, пап? Ты будешь сидеть здесь, когда я открою дверь?

— Даже не сомневайся. С пушкой, лежащей прямо на моих коленях.

Я закатила глаза и открыла дверь.

Райан стоял в дверном проходе, глядя прямо на меня. Я не могла придумать, что сказать, поэтому я посмотрела на него в ответ. В конце концов, он нарушил молчание.

— Мне, правда, жаль, — сказал он. — За то, что так поздно пришел и за тот день...

— Давай поговорим снаружи, — сказала я.

— Уже полночь, Брук, — позвал отец из гостиной.

О, Боже мой.

— Может мне стоит познакомиться с твоим другом перед тем, как вы выйдете поболтать на улицу? — произнес он.

У меня было ощущение, что я знала, что может случиться, но у меня не было выбора.

— Зайдешь на минутку? — спросила я, и Райан кивнул.

— Это мой папа, мистер Райт, — представила я.

Я наблюдала, как мой отец вставал с пушкой в левой руке, направленной дулом вниз, в то время как правую протягивал в приветствии. Райан пожал её, на его лице отразилось волнение, смешанное с отчаянной попыткой выглядеть уверенно.

— Приятно познакомиться с тобой, сынок, — сказал папа. — Так какого черта ты стучишь в мою дверь в полночь? — Он посмотрел на свои наручные часы после того, как отпустил руку Райана.

— Поправка. В половину первого.

— Прошу прощения, сэр, — ответил Райан. — Совершенно неуместно, я знаю.

— Правильно. Ты думал, что я в отъезде или что? Бруклин сказала тебе, что я иногда в командировках по работе? Ты надеялся застать её одну в моем доме?

О. Боже. Мой.

— Нет, сэр! — сказал Райан. — Нет, нет, я знал, что Вы здесь! Я увидел Вас в окне.

— Так ты шпионил за нами? — папа постучал пушкой по своему бедру.

— Нет, мистер Райт! Я катался на скейтборде на улице...

— В 12:30 ночи? Ты какой-нибудь хулиган? Какой у тебя номер телефона, сынок? Кто твои родители?

— ПАП! — крикнула я.

Мой отец обернулся ко мне. Толику юмора можно было уловить в его глазах и на губах. Я сомневалась, что Райан мог это заметить, но я могла, потому что знала своего папу. И мне хотелось задушить его.

Папа снова переключил свое внимание на Райана.

— Каковы твои намерения касательно моей дочери?

Я закатила глаза.

— Поговорить с ней снаружи пару минут? — предположил Райан.

— На переднем крыльце. Если уйдете с крыльца, я выйду и найду вас. Понятно, что я имею в виду, Райан? Папа уселся обратно в свое мягкое кресло, положив пушку на колени.

— Да, сэр.

Я совершенно забыла о чувстве неловкости рядом с Райаном после тех наших поцелуев. Я схватила его за руку, как будто мы были старыми друзьями, и выдернула его наружу, почти хлопнув входной дверью от раздражения и абсолютного унижения.

— О, Боже, — произнесла я. — Я в ужасе. Прости. Мой папа просто...

На лице Райана расплзлась широкая ухмылка.

— Что? — спросила я.

— Твой папа классный, — ответил он.

Я была совершенно сбита с толку. Мой папа был чокнутым и смущающим.

Я не знала, что сказать.

— Вот как отец должен заботиться о своей дочери, — сказал он через мгновение. — Надеюсь, я о своей дочери буду заботиться именно так.

Я не понимала этого. Я не понимала Райана. Но он был все таким же сексуальным каким я запомнила его сегодня в школе, и теперь он стоял прямо на моем крыльце, видимо, желая исправить всё между нами.

— Прости, — начала я. — За всё. Я не хотела, чтобы ты чувствовал себя неловко из-за того, что ни с кем не целовался так долго. Как будто это такое чертовски большое дело — целоваться.

— Это, и правда, чертовски большое дело, — сказал он. — С правильным человеком.

Я переминалась с ноги на ногу.

— Да, знаю. Но я не хотела вести себя так шокировано из-за этого. Просто, ты же такой милый, — я вспыхнула, но снаружи было темно, поэтому я знала, что он не увидит. На самом деле, мне было просто быть с ним честной здесь, на крыльце в поздние часы, потому что было темно. Как на исповеди. Думаю, я могла выложить всё, что чувствовала, и не стыдиться.

— Ну, не знаю насчет милого, но есть причины моего воздержания, если угодно знать.

Боже, я просто обожала слушать, как он говорит. Какой парень скажет «Если угодно»? Он прозвучал так интеллигентно, и я захотела наброситься на него. И снова всё то же. Не было конца моему бесконтрольному сексуальному желанию к этому парню? Эй, Бруклин? Твой отец прямо здесь, в доме.

— Прости, что вел себя как придурок, — сказал Райан. — Мне не стоило так делать. Мне даже некуда было идти. Я просто был так смущен. Я думал, что плохо целовался, — он опустил голову.

— Ты издеваешься? — спросила я. — Я почти кончила.

Я самая большая debilка на планете. И зачем я это сказала?

— Я имею в виду, я не почти кончила. Я... Я не знаю, почему я это сказала. О, Боже. Мне так неловко. Я не такая. Я никогда в жизни не кончала. Я имею в виду, я хорошая девочка, — я понятия не имела, что вообще несла. — Я просто думаю, ты действительно особенный парень. — Брук, развернись и иди в дом. — Я просто подразумевала, что было, правда классно, — закончила я совсем отстойно.

— Ты никогда в жизни не кончала? — мягко спросил Райан. — Вот это позор.

Жар накрыл меня штормовой волной. Был и стыд, и похоть, и головокружение — всё и сразу. Я хотела утонуть в этом.

— Ну, я не знаю, — ответила я так же мягко. Я даже не знала, что это значит. Конечно, у меня были в прошлом оргазмы, но я поняла, что ни один из них не считается, потому что это было не с Райаном. А потом я вспомнила, что мой отец дома, а мы говорим об оргазмах.

— Думаю, уже поздно, — сказала я. — И думаю, что сегодня я очень устала.

Школа. Работа. Шпионство за командой пловцов.

Райан кивнул.

— Можно увидеть тебя завтра?

— В смысле, позже сегодня? — спросила я.

Райан спокойно кивнул.

— Мне надо работать с начала ланча до конца ужина, — ответила я.

— Могу я прийти на ланч?

Я усмехнулась.

— Да.

— Тогда ладно, Бруклин, — произнес Райан, и мне это понравилось. Мне не нравилось, когда Кэл называл меня Бруклин, потому что он делал это, чтобы поддерживать некоторую дистанцию. И просто для того, чтобы быть говнюком. Но Райан совсем не пытался держать дистанцию. Он назвал меня моим полным именем, и это тут же приблизило меня к нему.

— Увидимся, — ответила я, наблюдая, как он уходит в черноту ночи.

ГЛАВА 11

Мне не стоило наряжаться для Райана. Предполагалось, что я буду сконцентрирована на Кэле, но каким-то образом он стал просто парнем на заднем плане, вне поля зрения и не имеющим никакого значения в моей жизни. Мне показалось, что я слышу крик Бэт откуда-то издалека, вопрошающую меня, какого черта я делаю, но я проигнорировала её. Она не может контролировать мою жизнь. Я доберусь до Кэла, когда доберусь. Ей придется это понять.

Я изучала себя в зеркале в полный рост. Я никогда не выглядела привлекательнее, собираясь на работу. Я подумала, что выгляжу, как кукла Барби, мои волосы собраны в высокий конский хвост, пряди накручены и спадают кокетливыми волнами на спину. Я

нанесла на ресницы толстый слой туши. Я хотела выглядеть в стиле Эди Сэджвик (Прим. Эдит Минтерн «Эди» Седжвик (англ. Edith Minturn «Edie» Sedgwick; 20 апреля 1943 — 1 ноября 1971) — американская актриса, светская львица и наследница, принявшая участие в нескольких фильмах Энди Уорхола в 1960-х, будучи его музой) — во мне весь гламур 60-х. Я даже отгладила свою униформу, типичный прикид официантки: голубое платье-рубашка, длиной чуть выше колена. Я обула кеды и нацепила фартук.

Я планировала сразить его наповал.

Райан появился в час. Я предполагала, что он пропустит обеденный час, но он пришел прямо посередине. Хостес пыталась посадить его в баре. Ведь он был один, и она не хотела тратить на него отдельный стол. Обычно мы, официантки, не спорим с этим. Большое количество народу предполагало большой счет, который, как мы надеялись, означал хорошие чаевые. Правда, не всегда так выходило. Были типичные дешевые занозы в заднице, которые всегда искали, к чему придраться в обслуживании или еде, оправдывая этим свои крошечные чаевые или их полное отсутствие.

Особенно я любила тех, кто гонял меня до смерти, а потом кидал. Обычно они заставляли меня бегать на кухню, по крайней мере, десять раз под предлогом, что им нужна добавка, когда их напитки полны на три четверти. Или нужен соус, если их блюдо идет без него. Нужен свежий салат, потому что они нашли один завядший салатный лист. И если я не верчусь вокруг них, они жаловались, что о них забыли, и потому так же, несомненно, «забудут» оставить чаевые.

— У меня есть свободный стол, — сказала я Кимберли, наблюдая, как Райан подходил к барной зоне. — Просто посади его ко мне.

— Но твой стол один из четырех лучших, — начала спорить она.

— Это не важно, — сказала я.

— Это важно. Мне нужно посадить к тебе семью. Они не могут сидеть за барной стойкой.

— Кимберли, — терпеливо сказала я. — Посади его ко мне. Сейчас же.

— Да пофиг. Это твои чаевые, — ответила она, и указала Райану на мой стол.

Я подошла к нему, досчитав до двадцати. Я не хотела показаться излишне нетерпеливой.

— Привет, — сказала я. Я чувствовала себя яркой, воздушной, как будто я на вершине мира.

— Здравствуй.

Я положила руку на бедро, и тут же выпалила:

— Часто сюда приходишь?

Я не могла удержаться.

— Был однажды. Официантка была милой, но не идет ни в какое сравнение с тобой, — ответил Райан.

«Ты чертовски прав. Я примерила стиль Эди Сэджвик для тебя, приятель».

— Боже, ты выглядишь ошеломляюще, — произнес он.

Ох, этот трепет в сердце. Я хотела чувствовать этот трепет вечно.

— Я в уродливой униформе, — сказала я, глядя вниз на свою одежду. Я разгладила фартук на животе.

— Совсем не в уродливой. Скорее, в сексуальной.

Я вспыхнула, и в этот раз он заметил это. Я не могла скрыть это в свете ресторанного

освещения.

— Голоден? — спросила я и достала свой блокнот для заказов.

— Что посоветуешь?

— Честно? Я ела здесь только сэндвич с индейкой. Он неплох, — призналась я.

— Разве ты не должна есть здесь бесплатно? — спросил Райан.

— Шутишь? Небольшая скидка, конечно, есть, но нет ничего бесплатного, — ответила я. — В любом случае, к концу рабочего дня я слишком устаю и совсем не хочу торчать здесь, чтобы поесть. Я просто хочу домой.

— Это можно понять, — произнес он и заглянул в меню. — Что ж, наверное, я попробую этот сэндвич со стейком.

— Мужчина, который ест мужественное мясо, — сказала я. — Это мне нравится.

— Мужественное мясо, а? — спросил он, усмехаясь.

— Конечно. Ты не знал, что стейк — самое мужественное мясное блюдо?

— Возьму на заметку, — ответил Райан.

Я кивнула.

— А пить?

— Вишневую колу, — сказал он.

— Ну а это немного по-девчачьи, но я закрою на это глаза.

— Вообще-то я заказал её для тебя, — сказал Райан. — Видишь ли, я подумал, что ты могла бы принести её сюда с двумя трубочками. Ты бы села напротив, и мы могли бы пить вместе.

Решено. Я собиралась позволить Райану Фостеру переспать со мной. Я не имела понятия, когда это случится, но это было неизбежно. Если он продолжит быть таким милым, это неизбежно.

— Я не могу сделать перерыв на вишневую колу в середине своей смены, — сказала я.

— Очень жаль, — ответил Райан. — Тогда принеси мне обычную колу.

Я кивнула и пошла на кухню, бросая взгляд на четырех входящих в ресторан парней. Кэл. Паркер. Ещё кто-то. И ещё кто-то.

Я глубоко вздохнула. Иногда жизнь так несправедлива. Почему я не могла флиртовать с Райаном на публике так, чтобы меня не прерывали? А затем я поняла, что в моей секции как раз освободился стол. Один из лучших четырех. Нет, нет, нет. Я беспомощно наблюдала, как Кимберли подводит четырех парней в мою секцию, усаживая их за стол в двух шагах от Райана.

Я почувствовала, как у меня тут же взмокли ладони. Но уже не только Кэл заставлял меня нервничать, хотя должен был. Паркер был тем, кто беспокоил меня. Я ему не нравилась, это было очевидно. И я не знала, что он собирался с этим делать. Часть меня думала, что у него вовсе нет планов, но не похоже, что он был таким парнем. Он казался мне все просчитывающим, мстительным парнем, который всегда отвечал своим врагам. Я случайно стала его врагом, когда врезалась в него в коридоре. Он знал, что я подслушала его разговор на лестничной площадке. Я была убеждена в этом. А потом я поднялась прямо на вершину его черного списка, когда выдернула Грэтхен из его жадных когтей на вечеринке Таннера.

Как только я налила Райану колу, стала тайно наблюдать за четырьмя парнями, чувствуя, как мой гнев растет, тот самый праведный гнев, который я не чувствовала уже несколько недель. Думаю, я услышала, как Бэт облегченно вздохнула. Перед тем, как

отнести Райану колу, я сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить нервы.

Поведение Райана полностью поменялось. Больше он открыто не флиртовал, избегал моего взгляда, проговорил лишь «спасибо», когда я поставила колу перед ним. Это было нормально. В любом случае, я не хотела, чтобы Кэл видел, как мы флиртуем. Это было глупо с моей стороны: поощрять парня, который был под запретом. Я допустила идею быть с Райаном тайными друзьями, но потом отругала себя за то, что я такая поверхностная и эгоистичная. Я не хотела быть тайными друзьями. Я хотела открыто быть друзьями, но это бы всё разрушило. Сможет ли Бэт простить меня, если я предпочту двигаться дальше, вместо того, чтобы мстить?

Я неохотно подошла к этой четверке.

— Привет, парни, — произнесла я.

— Эй, Брук, — сказал Кэл. Он выглядел счастливым. Думаю, из-за того, что мне приходилось обслуживать его.

Другие парни промямлили «привет».

— Определелись? — спросила я, щелкнув ручкой.

— Тебе нужно записывать заказы? — спросил Паркер. — Ты не можешь просто запомнить их? Это не сложно. Нас всего четверо.

Я размышляла, как лучше ответить, но ничего не пришло в голову. Поэтому я просто повторила вопрос.

— Определелись?

Паркер фыркнул и попросил воду «Эвиан».

— У нас нет воды «Эвиан», — сказала я. — У нас есть вода из-под крана.

— Тогда «Пепси», — сказал он.

— Неа. Только «Кока», — ответила я.

— Мы в Северной Каролине. В стране «Пепси Кола», — поспорил он.

— Вниз по дороге есть «Bojangles».

Паркер взглядом обозвал меня сукой, но я стойко держалась, отказываясь реагировать так, как он того хотел. Мне было интересно, почему Кэл ничего не сказал. Открытая враждебность между мной и Паркером была очевидна. Я чувствовала, что этот ланч был одним большим тестом. Я не была уверена, как прохожу его, и, что более тревожило, я не знала, зачем мне вообще об этом переживать.

— Пофиг. Дай мне спрайт, — сказал Паркер. — И этот сэндвич с индейкой.

— Ты его получишь. *Козёл*.

— А для вас, мальчишки?

— То же, что и Паркеру, — произнес один из них. Прихвостень. Как это жалко.

— Колу и бургер, — сказал другой.

— Как его приготовить? — спросила я.

— Ээ, да пофиг, — ответил он.

Нет ничего более раздражающего и непривлекательного, чем парень без собственного мнения. Кто не знает, как ему нравится, чтобы был приготовлен бургер? Обзаведись чертовым характером.

— Средней прожарки подойдет? Слегка розовый в центре? — спросила я.

— Фу.

— Ладно. Тогда хорошо прожаренный? — спросила я. Я сделала мысленную заметку, сказать Терри, чтобы приготовил его до резинового состояния.

— Ага.

— А для тебя? — спросила я, поворачиваясь к Кэлу.

— Оставь лучшее на десерт, — сказал он, дернув за подол моего платья.

Меня чуть не вырвало, но вместо этого я усмехнулась. *Помни, Брук. Игривая. Милая. Хорошая девочка.*

— Именно так, — ответила я, не отводя глаз от Кэла.

— Я буду бургер средней прожарки, — сказал он, бросая на своего друга взгляд презрения. — И колу.

— Звучит отлично, — сказала я, перекладывая мою неиспользованную ручку за ухо.

Я вошла на кухню, чтобы воспользоваться компьютером. Мне не хотелось использовать тот, что в зале. Мне нужно было убраться подальше от этих парней, отделить себя дверью, той, в которую им не разрешено входить.

Я стояла перед компьютером, набирая текст и стуча, бормоча между вдохами.

— Райт! Полегче с этим экраном! Ты хочешь сломать его? — проорал Терри позади гриля.

— Оставь меня в покое, — отрезала я.

— Не зли меня, или твоим клиентам придется ооочень долго ждать свою еду, — сказал Терри.

Боже, я ненавижу работать в ресторане. Официантки были полностью зависимы от всех: от хостес, которые решают, кого сажать в их секции. От самих клиентов, которые во всем винят официанток, даже если что-то из происходящего не зависит от них. От работников кухни, которые решают, как быстро и насколько хорошо будет приготовлено блюдо.

Я подошла к Терри.

— Убедись, что пережарил мой хорошо прожаренный бургер, — сказала я.

— Проблемы? — спросил Терри.

— Он просто немного подхалим, — ответила я.

Терри засмеялся.

— Подхалим?

— Ага. Ну, ты знаешь. Часть банды. Не лидер. Никогда не сможет быть лидером, потому что он маленькая сучка, — объяснила я. — То есть подхалим.

— Ясно.

— И плюнь в еду всем остальным, — сказала я.

— Сделаю все, что в моих силах, — ответил Терри. — Твой стейк-сэндвич готов.

Я схватила ланч Райана вместе с напитками парней, и вышла через кухонную дверь.

Сначала я отнесла напитки. Я ничего не сказала, так как парни болтали, игнорируя меня. Воспоминание об «Игре 3» всплыло в моей голове. Я была в списке. Кто выберет меня, если вообще кто-то станет делать это?

Терри и я нашли другой документ с выборами «Игры 2». В нем было больше девушек, чем обычно. Думаю, парням нравится держать свои возможности открытыми. Я подумала, как повезло тем девушкам, которых не выбрали. А те, кого выбрали? Что ж, я решила, что мне нужно поговорить с некоторыми из них.

— Как он выглядит? — спросила я Райана, ставя сэндвич напротив него.

— Отлично, — ответил он. — Спасибо.

Потом он посмотрел на меня и улыбнулся.

Это совершенно отличалось от того, каким он был пару минут назад. Пару минут назад

он вел себя, как будто я была какой-то незнакомкой. Что изменилось?

Я не могла удержаться и обернулась. Я увидела, как Кэл уставился на Райана. Откуда вся эта враждебность? Почему Кэлу так хотелось достать этого парня? Райан никогда ни с кем не разговаривал в школе. Он был тих. Он не стоял у него на пути. В чем было дело?

Я повернулась обратно к Райану. Он смотрел на Кэла. А потом его губы сложились в хитрую ухмылку, как будто он передавал тайное сообщение смертельному врагу, говоря, «Давай, продолжай пытаться удержать меня подальше от неё, ублюдок. Я никуда не собираюсь». И тут я подумала, что Кэл держал Райана на коротком поводке. Возможно, в прошлом, но выглядело все так, будто Райан решил дать отпор. Я почувствовала, как тепло разливается по моим рукам и ногам от осознания того, что он решил бороться за меня.

Я наклонилась и прошептала Райану на ухо.

— Тебе нужен кетчуп для картошки?

Я услышала рокот где-то глубоко в его горле.

— Нет.

— Может, ты хочешь чего-то еще? — спросила я, губы прижаты к его уху.

— Да, — сказал он, и я его прекрасно поняла.

Я встала, а Райан поймал меня за руку.

— Брук?

— Хм?

— Сделаешь мне одолжение?

— Конечно.

— Не крутись рядом с ним, — сказал Райан.

Я тут же напряглась.

— Рядом с кем?

— С Кэлом. И теми парнями. Не околачивайся рядом с ними. Они — реальная проблема, — объяснил Райан.

— Откуда ты знаешь? — я почувствовала, как ускоряется биение моего сердца. Что Райан знал о Кэле?

— Я хожу с ним в школу с девятого класса, Брук, — сказал Райан. — Я знаю, что он козел. Отморозок.

Я кивнула.

— Пожалуйста, просто послушай меня, когда я говорю, что тебе стоит держаться от него подальше. Я имею в виду, я знаю, что вы двое работаете над школьным альбомом вместе. Я знаю, что ты не можешь его полностью избегать. Но, пожалуйста, держись от него настолько далеко, насколько можешь, — сказал он.

— Ты знаешь о нем что-то, чего не рассказываешь мне? — спросила я.

Райан замолчал на мгновение, затем покачал головой. — Я просто тебя ревную.

Мое сердце пропустило удар, а потом стало биться в неровном ритме. Я молча умоляла его произнести эти слова снова, и он прочитал мои мысли.

— Я ревную тебя, а он козел.

— Ладно, — ответила я, усмехаясь.

Когда я принесла парням их ланч, то убедилась, что обслуживаю их в своей лучшей «я-люблю-быть-официанткой» манере. Все выглядели довольными, кроме Кэла, который буквально закипел от брошенного Райаном вызова. Я решила остудить пламя. Насколько Кэл действительно хотел меня?

— Кэл, всё в порядке? — спросила я. Это было супер мило и отвратительно в одно и то же время.

Кэл кивнул.

— Что делаешь сегодня вечером?

Это выбило меня из колеи.

— Ну, я... мм...

— Хочешь пойти в кино? — спросил Кэл.

Ладно. Да, я думала, что немного нравлюсь Кэлу. Полагаю, он решил, что меня будет сложнее завоевать, чем других его девушек, и ему нравился такой вызов. Я не виляла перед ним хвостом, как большинство из них. Думаю, он считал это частью моего шарма. С моей же стороны это не было стратегией. Честно говоря, я просто продолжала отвлекаться. И большей частью, это вина Райана. Я подумала, что мне стоит попросить папу провести тест на определение расстройств, хотя знала, он не поверит, что такие тесты вообще существуют. Хотя, этот парень был смешон. В ту секунду, когда он испугался конкуренции, он выказал готовность встречаться со мной.

— Вообще-то, у меня есть планы, — ответила я. Нет, я не упускала блестящую возможность. Просто выбрала другую вместо этой. Я не упущу возможность провести вечер с Райаном. И я знала, если Кэл заподозрит, что у нас с Райаном планы, он лопнет от злости. Использовала ли я Райана? Абсолютно нет. Но я не могла отрицать то преимущество над Кэлом, которое мне давало свидание с Райаном. В тот самый момент я подумала, что могу получить сразу двух парней: Райана, того, кто, как я видела, на самом деле влюблялся, и Кэла, который использует меня, а затем пожалеет об этом.

— Что за планы? — спросил Кэл, бросая взгляд на Райана.

— Просто планы, — ответила я. — Но, возможно, в следующие выходные.

Кэл ухмыльнулся.

Паркер подал голос.

— Что ж, похоже, все в порядке.

В его тоне была нотка замешательства, смешанная с удивлением, ведь он ожидал, что я перепутаю заказы. Я мило улыбнулась.

— И мне даже не пришлось их записывать, — произнесла я, а затем отвернулась от них и ушла.

— Чувствую себя поверхностной, — заметила я, не глядя на него. Я сидела на кровати Райана тем же днем после работы.

— Почему?

— Потому что меня настолько влечет к тебе, а я даже ничего о тебе не знаю. Это только из-за твоей внешности? — спросила я.

— Действительно, это так?

Я покачала головой.

— Нет, я так не думаю. Я думаю, есть что-то большее, но ты мне не рассказываешь.

Райан потер свой подбородок.

— Я Большой Брат, — произнес он через мгновение.

— Я в курсе. Я видела Кэйлин.

— Нет, — засмеялся он. — Для клуба мальчиков и девочек.

— Оох. Они берут таких юных? — спросила я.

— Ну, обычно нет, но я был довольно настойчив. А ещё я использовал кое-какие связи.

— Зачем? — спросила я.

Он покачал головой и усмехнулся.

— Потому что я стараюсь стать лучше, Брук.

Как и я. Я почти сказала это вслух, но не хотела, чтобы он спрашивал, как или почему я стараюсь стать лучше.

— Что? У тебя есть грехи, которые нужно искупить? — легко спросила я.

— Разве они есть не у каждого?

— Большинство людей просто молятся, — ответила я. — Не прилагая таких усилий, типа как работа добровольцем.

Райан усмехнулся над моей пренебрежительностью.

— Думаю, молитвам до этого далеко.

Я усмехнулась над этим.

— Так расскажи мне о своем Маленьком Брате, — произнесла я и похлопала по кровати, приглашая его присоединиться ко мне.

— Его зовут Честер, — ответил Райан, присаживаясь.

— Ладно. Это не имя, — сказала я.

Райан засмеялся.

— Ну, для этого ребенка это — имя.

Я кивнула, желая, чтобы он продолжил.

— Он типичный белый мальчик-отброс. Десять лет. Жизнь у него так себе. Я много репетиторствую с ним и вожу поесть пиццу. Он любит пиццу. Он хочет присоединиться к морской пехоте, когда вырастет, и я спросил его, почему именно к морской пехоте, а не к другому виду войск.

— И?

— Его отец был морпехом, — ответил он. — Он умер несколько лет назад.

— Ох.

— Он довольно милый ребенок. Хотя я наехал на него, когда узнал, что он подрался в школе.

— Похоже, ты действительно наслаждаешься всем этим, — сказала я.

— Да. В смысле, это изматывает, и иногда мне не хочется торчать с ним, но я так рад, когда делаю это, потому что он кажется действительно счастливым, когда видит меня. Больше всего он любит пинать футбольный мяч. Он хочет играть за школу, — сказал Райан.

— Ты играешь в футбол?

— Играл. Я довольно сильно повредил ногу в прошлом году, поэтому пришлось прекратить. Врачи сказали, что мне можно играть, но мне не хотелось рисковать повредить её ещё больше.

— Не доверяешь врачам?

— Вообще-то, не доверяю никому, — сказал он.

— А мне ты доверяешь? — спросила я.

— Я не знаю, — ответил он.

— Понимаю, — я опустила лицо и подумала, что это довольно глупая реакция. Конечно, он не знал меня. Я ожидала, что он будет доверять человеку, которого не знает? Да.

— Ну да. Доверяю. Не знаю, почему, но я доверяю тебе, — сказал Райан.

Мое лицо засветилось. Я могла это ощутить, и внезапно я уже не хотела разговаривать. Думаю, что и Райану не хотелось. Я хотела почувствовать его рот на своем, и я хотела позволить ему целовать себя так долго, как ему хотелось.

Я обняла его за плечи и уткнулась лицом в его шею. Это было неожиданно. Я собиралась коснуться его губ, но внезапный порыв обнять его пересилил мое желание поцелуя.

Я вдыхала его запах, глубокий мужской аромат мыла, смешанный с... чем-то ещё. Его собственным запахом, наверное. Я вдыхала его, как кислород, легкая сладость, из-за которой мне захотелось облизнуть его. Это шокировало меня. Мне хотелось лизнуть его шею. Я не могла себя остановить. Я слегка высунула язык, только кончик, и попробовала его.

Я отпрянула назад и посмотрела на него, смущенная.

— Я не знаю, почему сделала это.

— Сделала что? — спросил он. — Обняла меня?

— Нет, другое.

— Что, другое?

Я была в замешательстве.

— Ты не почувствовал?

— Почувствовал что?

— Ничего, — быстро сказала я.

— О, ну уж нет, — сказал Райан. — О чем ты говоришь?

Я покраснела и посмотрела вниз на свои колени.

— Я, как бы, лизнула твою шею.

— Ты, как бы, лизнула мою шею? — спросил Райан, усмехаясь.

— Это делает меня странной? — сказала я.

— Совсем нет, — и он прильнул ко мне, прижавшись лицом к моей шее, и медленно пробежал языком от впадинки ключицы до мочки моего уха.

Я взвизгнула.

— Хороший визг? Или плохой? — спросил он, рот прижат к моему уху.

— Хороший.

Я даже не знаю, как смогла что-то сказать. Я дышать не могла от шока.

Райан отстранился и посмотрел на меня.

— Я думаю, нам нужно...

«Что угодно!» — кричала я внутри. — «Я сделаю, всё, что ты хочешь!»

— ...поиграть в видео игры, — произнес он.

Что, прости?

Это, видимо, было написано на моем лице, потому что Райан рассмеялся.

— Ты не геймер? — спросил он.

— Я даже не знаю, как держать контроллер, — ответила я. *Просто давай целоваться!*

— Давай, я научу тебя, — предложил он и спрыгнул с кровати, чтобы включить телевизор и «Плэйстэйшн».

Я не знала, что у него на уме. Я чувствовала сексуальную энергию, проходящую через него, когда его язык касался моей шеи. Я не совсем понимала, почему он пытался перебороть это, если это именно то, что он делал. В любом случае, что может быть неправильного в поцелуях? Мы уже делали это.

— Иди сюда, — сказал Райан, и я сползла с кровати, пытаюсь сесть рядом с ним на

полу. — Нет, не там. Здесь, — сказал он, указывая на место между своих ног.

Ох, так вот что он задумал.

Я расположилась между его ног, прислонившись к его груди, а он прислонился к изножью кровати. Он дал мне контроллер, а затем расположил свои руки поверх моих, так что я была как бы в ловушке, что позже я назвала Гретхэн «Игровой хваткой». Он показал мне каждую кнопку, объяснил, как и когда их использовать. Потом спросил, заинтересована ли я в убийстве плохих парней.

— У меня такое чувство, что у меня действительно плохо получится, — сказала я, чувствуя ускорение сердцебиения. Это было просто смешно, но я нервничала, и не потому, что сидела в такой интимной позе с Райаном. Я была напугана дурацкой игрой.

— У тебя всё получится, — произнес он, и нажал «X» на контроллере.

Игра началась, и я взвизгнула.

— Тебе нравится визжать, — заключил Райан, глядя, как я умираю в первые же несколько секунд игры.

— Что это за игра?

— Ох, Брук. Ты такая девчонка, — сказал Райан, и я сразу подумала о том, когда Терри сказал мне те же слова, когда описывал «Воображаемый Футбол». Я замялась. — Это «Call of Duty». Чертовски классная игра.

— Она страшная, — сказала я. — Я не думаю...

— У тебя всё получается, — переубедил меня Райан.

Я совсем не считала, что у меня получалось. Я думала, что у меня отстойно выходит. Большой успех. Как у художника могла напрочь отсутствовать зрительно-моторная координация? В какой-то момент, кажется, мой игрок ходил по потолку.

Я засмеялась, когда снова умерла. Но, должна признать, я подседа. Это даже не заняло много времени. Да, я всё ещё боялась плохих парней. Мне не нравилось поворачиваться. Но каждый раз, когда я умирала, мне хотелось попробовать снова. И с контроллером я управлялась уже лучше. Внезапно он стал просто продолжением моих рук, как и моя кисть.

— Вот так-то, сучка! — крикнула я, когда убила своего первого врага.

Райан засмеялся. Я не замечала его рук на верхней части моих бедер, когда мы только начали. Но я определенно заметила, как они легонько перемещаются по моим ногам. Я говорила, что всё ещё была в рабочей униформе?

Я тут же отложила контроллер и умерла в две секунды.

— Зачем ты это сделала? — спросил Райан у моей шеи. Он оставлял маленькие сладкие поцелуи по всей моей, покрытой мурашками, плоти.

— Я не могу сконцентрироваться, — выдохнула я, закрывая глаза.

Он тут же убрал свои губы, и мне захотелось закричать на него, чтобы он снова меня целовал.

— Возьми контроллер, Брук, — сказал он. — И играй в свою игру.

Тем временем, я буду играть в свою, — это то, что я, уверена, услышала в его словах.

Я сделала так, как мне было сказано, но сердцем уже была не там. Я не волновалась об убийстве плохих парней, когда почувствовала, как руки Райана скользят вверх и вниз по моим бедрам, приподнимая платье. Я знала, что он может видеть мои трусики, но, по каким-то причинам, не считала, что стоит об этом говорить. Я думала, что он дал мне только одно задание — продолжать играть в игру.

Я резко вдохнула, когда почувствовала его пальцы на правом бедре и между ног. Он

легко пробежал ими по моим трусикам, смотря при этом в телевизор. Я знала, что он смотрел, потому что он давал мне советы и предупреждения о врагах, прячущихся в темных местах.

Когда он скользнул своими пальцами под ткань моих трусиков, я умерла. Меня расстреляли. У моего игрока не было и шанса.

— Попробуй ещё раз, — мурлыкал Райан мне в ухо. Он осторожно меня погладил, отказываясь скользнуть пальцем внутрь меня.

— Я не хочу, — мягко вздохнула я.

— Бруклин, попробуй ещё раз, — приказал он, и я нажала «X» на контроллере.

Я пыталась сконцентрироваться. Я думала, это именно то, чего он от меня хотел, чтобы увидеть, как долго я продержусь перед тем, как полностью потеряю себя от его прикосновений. Мы играли в две игры, соревнуясь друг с другом, и я знала, что проиграю.

Я вскрикнула, когда он скользнул пальцем внутрь меня, продержавшись лишь пять секунд до того, как меня разнесло в клочья.

— У меня, правда, совсем не выходит, — сказала я. Я не узнавала собственный голос. Он был глубоким и страстным.

— Это не так, — прошептал Райан, двигаясь глубоко во мне, пока я не застонала, уронив голову на его плечо. — Нет, Бруклин. Бери контроллер и пробуй ещё.

— Райан! — я была ужасно расстроена и закричала от разочарования, когда он убрал свою руку.

— Играй в игру, Бруклин, — настаивал он, ерзая позади меня. Только тогда я заметила его эрекцию. Я дрожала в ожидании.

Я неохотно начала новую игру, и почти сразу же рука Райана снова оказалась между моих ног, трогая, изучая, исследуя. Я умирала от желания освобождения, и он это знал. Чем дольше он играл с моим телом, тем хуже я играла в эту дурацкую видеоигру. Я чувствовала, как удовольствие закручивается между моих бедер и внизу моего живота. Я знала, что приближается. Но также я знала, что зависну на грани оргазма на неопределенный срок, если не сконцентрируюсь на прикосновениях Райана. Мой мозг не мог разорваться между его рукой и игрой.

Взрыв почти наступил, поэтому я сфокусировалась на том, что происходит между моих ног вместо того, что происходило на экране телевизора. Когда он наконец-то освободил меня, я выкрикнула что-то среднее между удовольствием и агонией, мой палец зажал кнопку, что заставило моего игрока стрелять до тех пор, пока у него не закончились патроны, и он сдался врагу.

Я лежала на груди Райана, моя голова покоилась на его плече. Я вспотела и дрожала от последствий оргазма. Я никогда так не кончала. Я не знала, что сказать. Не уверена, что выкрикивала, когда он довел меня до грани, и внезапно я почувствовала себя застенчивой.

— Ты — самое прекрасное, что я когда-либо видел, — произнес Райан. Он поднес пальцы к своему рту и, пока я не могла этого видеть, я знала, он пробует мой вкус. Моя застенчивость возросла в десять раз. Ему понравилось?

— Я смущена, — заметила я.

— Почему?

— Потому что, кажется, я звучала безумно, — сказала я.

— Нет. Не безумно. Идеально, — он оставил осторожный поцелуй на моей щеке. — И ты очень вкусная, кстати. Правда, вкусная.

И тут же моя застенчивость испарилась. Я села и обернулась, поджав ноги под себя.

— Вкусная, говоришь?

Райан кивнул, его голубые глаза нежные и блестящие. Довольные.

— Думаю, мне понравилось играть в видеоигры, — сказала я.

— О, понравилось? — спросил он.

Я кивнула, глядя на его колени, а потом снова на его лицо.

— Думаю, следующий раунд стоит поиграть тебе, — предложила я. Мои руки двинулись к пряжке его ремня.

Он покачал головой. Я сдвинула брови, в замешательстве.

— Ты новичок в видеоиграх, Брук, — сказал Райан. — Давай двигаться маленькими шажками.

Я задумалась на мгновение.

— Да, но разве практика не путь к успеху? — спросила я.

— В маленьких дозах.

ГЛАВА 12

— Охренеть! — крикнула Грэтхен в трубку.

Я усмехнулась, лежа на кровати в мечтательном состоянии и глядя в потолок с рисунком попкорна, с мыслями о том, что это самый красивый потолок в мире.

— Брук, какого черта у вас не было секса? — спросила она.

— Он сказал, что мы ещё не готовы, — ответила я, слабая улыбка не сходила с моего лица.

— Что? Он думает, что ты девственница или ещё что-то подобное?

— Я не знаю. Это не важно, — ответила я. Со вчерашнего дня я была в состоянии непроходящей эйфории. Мой папа заметил это вчера за ужином. И спросил, встречаюсь ли я с Райном.

— Откуда ты знаешь, что он мне нравится? — спросила я.

— Это до боли очевидно, Брук, — ответил папа. — Ты считаешь меня идиотом?

Я усмехнулась.

— Ты не против, если я буду встречаться с ним? Я имею в виду, мы ещё ничего не оговаривали.

— Не против, — ответил папа, и этот ответ усилил мой экстаз.

Я слушала, как Грэтхен засыпает меня вопросами.

— Вы встречаетесь? — спросила она.

— Нет.

— А будете?

— Надеюсь.

— Когда я смогу увидеть его?

— Скоро.

— Он лучше Финна?

Тишина.

— О Боже, Брук. Прости, — сказала Грэтхен. — Я сказала ужасную глупость.

Моя эйфория начала улетучиваться, и я была рассержена.

— Бруки? — спросила Грэтхен неуверенно.

— Он совершенно не похож на Финна, — ответила я.

— Знаю. Мне не стоило спрашивать об этом. Просто вырвалось. Ты же знаешь, иногда я

совсем не думаю.

Я фыркнула и села на кровати.

— Ты ужасно рассердилась? — спросила Грэтхен.

— Нет.

Грэтхен не поверила мне. Это можно было понять по её следующим словам.

— Хочешь, поговорим позже? — спросила она. Ей не терпелось положить трубку.

— Да, — ответила я и повесила трубку до того, как мы обменялись прощаниями.

Я отбросила телефон в сторону и почесала голову.

Ещё минуту назад я была в порядке. Я была в экстазе от перспективы отношений с кем-то. С кем-то, кто мог сделать меня безумно счастливой. Всего на секунду я убедила себя, что заслуживаю быть счастливой. Не знаю, почему. Не уверена, что сделала хоть что-то, чтобы заслужить счастье, и Грэтхен напомнила мне об этом, произнеся имя Финна. Теперь воспоминания нахлынули вновь. Наши тайные свидания. Растерянность Бэт. Её изнасилование. Я не могла от этого сбежать. Почему я просто не пошла на ту вечеринку с ней?

Мой величайший страх — возможность, что я никогда не смогу отпустить свою вину, что она скрутит и превратит меня в нечто жалкое. Мама всегда учила меня никогда не искать собственное счастье или самоуважение в других людях, и я старалась следовать её совету, но не могла отрицать, что чувствовала, когда была с Райаном. Он был для меня спасителем. Когда я была с ним, боль и вина исчезали. Я думала, что он может собрать меня по осколкам. Возможно, это не современно. Возможно, это не делало меня «независимой женщиной», но мне было плевать. Мне хотелось проводить с ним каждую секунду своего существования, потому что рядом с ним, я чувствовала себя в безопасности.

Но воительница внутри меня, которая была полна решимости выполнить обязательства перед Бэт, продолжала бороться с маленькой девочкой во мне, которая хотела спрятаться за Райаном. Я поняла, что, в конце концов, обе стороны не смогут победить. Но до тех пор, пока я не знала, как с этим разобраться, мне придется остаться с обеими. Быть обеими. Я была жадной и эгоистичной, и в своем раздраженном состоянии я подумала, что Бэт просто должна была пережить этот ад.

— Ты вылетела, — сказал Терри после работы. Я околачивалась рядом, пока он мыл гриль, потому что он сказал, что у него есть новости.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я.

— Вылетела. Из списка. Вырезана.

Я знала, что с психикой у меня ужасная проблема, потому что эта новость, в самом деле, меня *разозлила*.

— Почему? — спросила я.

— Не знаю. Но я бы не стал воспринимать это на свой счет, — ответил Терри. — Уверен, это никак не связано с тем, как ты выглядишь.

Я зыркнула на него, и он состроил гримасу.

— Ужас. Продолжай делать такое лицо и, возможно, это будет *связано* с тем, как ты выглядишь.

Я стукнула его по руке.

— Оу!

— Кэл всё ещё не планирует играть?

— Нет.

— Что ж, возможно, в этом причина, — произнесла я, скорее для себя.

— О чем ты говоришь? — спросил Терри.

— Думаю, я ему нравлюсь, — ответила я. — Может, в конце концов, он не хочет, чтобы кто-то другой выбрал меня для своей команды. Может, вначале ему не было дела до этого. А теперь? Что ж, очевидно, есть.

Терри встретился со мной решительным взглядом.

— Тебе лучше быть осторожной.

— Я осторожна, — сказала я, доставая чаевые из фартука и разбирая счета.

— Выяснила, что будешь делать со всей информацией, которую я тебе даю? — спросил Терри.

— Да. Я планирую поговорить с некоторыми из этих девушек, — ответила я.

— И что заставляет тебя думать, что они станут тебе всё рассказывать? — спросил Терри.

— Ну, я не уверена в этом. Но я должна попытаться, — сказала я.

Правда была в том, что я не знала, какого черта делать. Я думала, часть моего вмешательства — полностью стереть очарование всей «Воображаемой Блядской Лиги». Как все это может продолжаться, и никто при этом ничего не знает? Никакого смысла. И откуда парни знали, как классифицировать девушек? Кто-то скармливал им информацию, и этот кто-то, должно быть, девушка. Не то, чтобы девушки стали бы рассказывать парню об уровне своей сексуальной активности. Но они стали бы говорить об этом с другой девушкой. Кто эта девушка? И почему она принимает участие в чем-то настолько безнравственном?

— Ты дашь мне часть этих чаевых в оплату? — спросил Терри.

Я посмотрела на него в шоке. А потом шок перешел в смущение. Я почувствовала, что мои щеки горят красным, как огоньки на рождественской ёлке.

— Я просто шучу. Райт! Господи, успокойся, — сказал он.

— Ты хочешь, чтобы я платила тебе? — спросила я. Я и не думала об этом раньше. Я не знала, делал ли Терри подобную работу для других людей, но уверена, если делал, то ему за это платили.

— Ты официантка, Райт, — сказал Терри. — Так что нет.

Я закатила глаза.

— И, в любом случае, было бы неправильно брать деньги у тебя, — добавил он. — Не за это.

Я кивнула.

— Эй, ты принес мне распечатку «Игры 1»?

Терри полез в свой задний карман и достал сложенный лист бумаги.

— Что ты планируешь с этим делать?

— Я скажу тебе, когда выясню.

В ту ночь я сидела на своей кровати, сопоставляя имена девушек с их фотографиями в прошлогоднем школьном альбоме. Я нашла двух девушек, с которыми тут же захотела поговорить. Обе они получили очки за то, что пошли до конца, и были в категории «Хорошие девочки». Мне всего лишь надо узнать, был ли этот секс по взаимному согласию. Это не исключит Хантера и Тима из списка предположительных насильников, но, думаю, это станет началом. Придется попросить Терри покопаться и найти более старые игры, чтобы быть уверенной.

Мелисса и Тара. Обе из младших классов. Будет сложно найти причину поговорить с ними, и даже после этого я не могу просто взять и спросить, был ли у них секс по согласию с Хантером и Тимом. Мне нужно придумать, как осторожно выудить информацию, а я не слишком хороша в том, чтобы быть осторожной. Я думала, что с треском провалилась с Люси, и мне просто повезло, что она дала мне информацию, хоть и расплывчатую, о черлидинге и Кэле.

Должно быть, Бог мне улыбнулся, потому что на следующий день в школе я заметила Мелиссу, идущую по коридору прямо мне навстречу. У меня не было четкого плана. Я пыталась его разработать всю прошлую ночь, но так ничего и не придумала. Чем ближе она подходила, тем в больший ужас я приходила, пока не приняла решение в долю секунды и побежала, налетев на неё в лобовом столкновении. То, что она была на каблуках, совсем не помогло, и она опрокинулась назад, приземляясь на пол с громким *стуком* до того, как я смогла схватить её. Её голова коснулась твердой плитки, и она застонала. Боже, я действительно травмировала её. Сильно. Я бросилась ей на помощь.

— О, Боже! Прости меня! — и это не было притворным извинением. Я действительно это имела в виду. — Позволь помочь тебе.

— У меня голова кружится, — пробормотала она, безуспешно пытаясь нащупать сумку, которая находилась от неё в двух шагах.

— Я соберу твои вещи. Просто позволь поднять тебя. Я думаю, нужно отвести тебя к медсестре, — сказала я.

Она тупо кивнула и разрешила мне помочь ей принять сидячее положение. Она потеряла затылок и странно на меня посмотрела.

— У меня кружится голова, — повторила она, как будто говорила это в первый раз.

О, Боже. Если из-за меня у этой девушки сотрясение, я никогда себя не прощу. Я поставила её на ноги и позволила опереться на меня, пока мы шли к медсестре.

Медсестра сказала мне подождать Мелиссу снаружи, что действительно меня разозлило. Я собиралась сидеть с ней и держать за руку, потому что так ужасно чувствовала себя.

Понятия не имею, сколько просидела в коридоре перед тем, как появилась Мелисса, выглядя лучше, но все равно заметно пострадавшей. Я не видела ушиб на её голове, но это было видно по её движениям. Она всё ещё не была в порядке. Она казалась спокойной, слегка рассеянной, и когда я снова перед ней извинилась, она посмотрела на меня, как будто спрашивая «Кто ты?».

— Мелисса, я перед тобой в огромном долгу. Позволь сделать хоть что-нибудь для тебя. Я ужасно себя чувствую из-за того, что налетела на тебя, — сказала я.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — спросила она, идя со мной по коридору.

— Эм... разве не все это знают? — спросила я. — Я имею в виду, разве ты не черлидер?

— Нет.

Дерьмо. Должно быть, это Тара.

— Что ж, видимо я его где-то услышала, — сказала я.

Не похоже, что ей это понравилось.

— Кто ты? — спросила она.

— Я Брук, — ответила я. — Слушай, я просто немного не в себе. Мой мозг в последнее время готов взорваться, и я даже не обращала внимания, куда шла.

— Всё в порядке, — ответила Мелисса.

— Ну, я чувствую себя отвратительно, — продолжала я. — Просто я в такой дурацкой ситуации, понимаешь? Есть парень, который мне действительно нравится, но он давит на меня, чтобы мы сделали это, понимаешь? В смысле, не то, чтобы тебе есть до этого дело, но у меня нет подружек, чтобы поговорить об этом. Между прочим, я здесь новенькая, поэтому у меня и нет подруг.

Я слышала себя со стороны, как будто я вышла из собственного тела и наблюдала за этой сценой в качестве третьей заинтересованной стороны.

— Тебе не нужен прямо сейчас совет от меня, — сказала Мелисса. — Не думаю, что я сейчас в состоянии что-то сказать.

Я фыркнула

— Еще раз прости. Не знаю, почему я всё это выболтала тебе. Ты совершенно мне незнакома. Думаю, мне просто до смерти нужен женский совет. Я имею в виду, я действительно в ужасе.

Это был полный отстой, но я молилась, что это сработает.

— Что ж, не стоит заниматься сексом, пока не будешь готова. Если чувствуешь, что это неправильно, не делай этого, — сказала Мелисса, потирая затылок.

Я осторожно взглянула на неё.

— На тебя никогда так не давили или как-то ещё?

— Честно? У меня секс был только один раз. И я сделала это, потому что хотела разобраться и покончить с этим, а парень казался более чем жаждущим. Может, это и не лучший способ потерять свою девственность, но он не давил на меня или ещё что. Это было моим решением. — Она засмеялась, потом сгримасничала. — Вообще-то, думаю, он был в шоке, когда я сказала ему, что хочу этого.

«Ага, он не ожидал такого убийственного счета».

Я изучала лицо Мелиссы. Не было и следа каких-то потаенных секретов. Она не казалась напуганной или раненой. Я поверила ей, и как только я приняла это решение, я знала всем своим существом, что это правильно.

Мы приятно проболтали всю дорогу к её машине.

— Ты уверена, что сможешь доехать до дома? — спросила я.

— Медсестра разрешила мне, так что если что-то случится, то это её вина, а не твоя, — сказала она, усмехаясь.

«Слава Богу».

Я помахала, когда она отъезжала, думая, что Хантер может быть оправдан.

Я знала, рискованно разговаривать в школе с Райаном. Я знала, что могу потерять Кэла навсегда и никогда так и не увидеть, как осуществится мой план, но этот риск я хотела принять. Я просто не могла держаться подальше от Райана. Моё тело не могло. Мои мысли не могли. Он хотел меня, это было настолько очевидно, но притормаживал, принуждал перевести дыхание. И это делало меня зависимой. Он не хотел торопиться с чем-либо, что было мне совершенно незнакомо. У меня никогда не было такого с Финном. Мы занялись сексом практически сразу же, как только начали встречаться. На самом деле, в этом и был весь смысл наших встреч. Я осознала, что не хочу торопиться с сексом с Райаном. Я думала поначалу, что хотела его из-за сверхсильного физического притяжения, но поняла, что подождать гораздо сексуальнее. И сгореть от этого.

В пятницу я присела рядом с партой Райана.

— Почему ты не здоровался всю неделю? — спросила я, надувшись.

Он усмехнулся.

— Думал поиграть в недотрогу.

— Так все эти тайные улыбки и кокетливые подмигивания были просто игрой? — спросила я.

— Я кокетливо подмигивал тебе?

— Уйму раз, — ответила я.

Он облизнул губы.

— Это не было игрой. И в любом случае, сегодня я собирался уступить. Хотя, ты меня опередила.

— Что ж, твоё счастье, что я не потеряла интерес, — поддразнила я.

— Хмм. Я не слишком за это переживаю. У меня есть «Плэйстейшн», а у тебя нет. Ранс или поздно, ты бы начала ползать у моего дома, умоляя поиграть.

Я рассмеялась.

— Ты такооой нахал.

Он покачал головой.

— Нет. Я не нахал. Я просто знаю тебя, Брук. И ты тоже знаешь меня. Это неизбежно.

— Что неизбежно? — спросила я, краснея.

Он ответил улыбкой.

— И это всё. Что я получу? — спросила я.

Райан вздохнул.

— Хотел бы я, чтобы мы сидели не так далеко.

— Ты невозможен, — фыркнула я и пошла к своей парте.

Я взглянула на Кэла, который уставился на меня. Догадываюсь, что он наблюдал весь наш словесный обмен. Он смотрел, сбитый толку и отверженный. Это было почти комично, как будто он просто не мог понять, как девушка может предпочесть ему другого парня. Я играла в опасную игру и молилась, что смогу выйти из неё победителем.

Я улыбнулась Кэлу, а затем села на свое место. Услышала шорох позади себя, и до того, как заметила, Кэл уже был за моим столом.

— Занята сегодня вечером? — спросил он.

— Я работаю, — ответила я.

— А как насчет завтра?

— Эм...

— Я подумал, что мог бы сводить тебя в боулинг, — сказал Кэл.

— Боулинг?

— Что? Не весело? Мы могли бы заняться чем-нибудь ещё, — предложил он.

Я взглянула на Райана. Он был занят, доставал книги из сумки.

— Почему ты говоришь с ним? — прошептал Кэл. — Я думал, что сказал тебе держаться от него подальше.

Ого. Тревожный звонок. Учащенное сердцебиение. Слабая паника.

— Я не то хотел сказать, — быстро пробормотал Кэл. — Просто, этот парень плохой, Брук. Я знаю, ты дружелюбна и всё такое. Ты милая девушка. Но это также делает тебя наивной.

Да пошёл ты.

— Я не это имел в виду, — сказал Кэл, качая головой. Он был раздражен, зная, что

говорит всё неправильно. — Я имел в виду, что буду чувствовать себя ужасно, если с тобой что-то случится.

Да что ты?

— Я не пытаюсь говорить тебе, как жить. Ты можешь дружить с кем захочешь, но я просто говорю. Некоторые люди только утянут тебя на дно.

Люси села за парту рядом со мной, прислушиваясь к словам Кэла, и мне было интересно, о чем она думала. Я вспомнила об её словах: «*Держись от него подальше*». Что она обо мне подумает, если я соглашусь пойти с ним на свидание? Станет ли это последней каплей? Или она совсем перестанет быть дружелюбной, или расскажет о том, что он с ней сделал в качестве предупреждения. Я решила попытать удачу.

— Думаю, мы могли бы пойти в боулинг, — ответила я.

Кэл выглядел удивленным.

— Правда?

Я кивнула. Я боялась, что Райан может услышать, но в классе было довольно шумно, так что я сомневалась.

— Заберу тебя завтра в семь? — спросил он.

Я снова кивнула. Он пошел к своему столу, и я схватила его за руку.

— Я не сказала тебе, где живу, — пробормотала я.

— О, я знаю, где ты живешь, — ответил он.

Мне это не очень понравилось, но я воздержалась от вопроса, откуда.

После того, как Кэл ушел, Люси повернулась ко мне, выглядя преданной.

— Что ты делаешь? — прошипела она.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, прикидываясь дурочкой.

— Я говорила тебе держаться от него подальше.

— Почему?

Люси поерзала на сидении. Она была в бешенстве.

— Почему, Люси?

Она проигнорировала меня, когда учитель вошел в класс.

— Почему? — давила я.

Она закрыла уши руками. *Серьёзно?*

Я собиралась заставить её рассказать мне. Даже если мне придется идти в боулинг, перекусить или в кино, или целоваться с сукиным сыном прямо рядом с ней, я собиралась заставить её рассказать мне.

Найти Тару оказалось гораздо сложнее, чем Мелиссу. Целую неделю я нигде ее не видела и боялась, что она больше не ходит в «Чэрити Ран». Вообще-то я посетила ещё одну футбольную игру, думая, что замечу её, идущую по полю в форме черлидера. В конце концов, она была черлидером в прошлом году, судя по фотографии, которую я видела в школьном альбоме. Но неудачно. Я не увидела её на поле и сразу же ушла ещё до конца первого тайма.

Я заметила её в пятницу днём, прогуливающуюся по школьному залу, одетую во все черное, до смешного черные волосы, черные губы и черные ботинки «Доктор Мартенс». Внезапно наступил 1994-й год, а меня не известили. Какого черта? В прошлом году эта девчонка была клубничной блондинкой, носила черлидерскую форму и красила губы розовым блеском. Внезапно я стала бояться самого худшего. Никто не меняется как

личность так радикально, если только с ними не происходит что-то ужасное. У меня ушла минута на то, чтобы вспомнить, что она была в команде Тима.

Как, ради всего святого, я могла заговорить с ней? Я совсем не походила на девушку, которая могла бы подружиться с ней, и тем более поговорить с глазу на глаз. Нужно было что-то вроде того, как я столкнулась с Мелиссой, но знала, что не смогу болтать о парне, который давит на меня сексом. С ней это просто не пройдет. Возможно, мне стоит последить за ней, но как? Я не детектив. Я не знаю, с чего начать, и я даже не была уверена, что именно мне нужно увидеть.

Я тайком наблюдала за ней у её шкафчика. Она была одна, меняла книги, и внезапно у меня появилась идея.

Я подошла к ней и представилась.

— Привет, я Брук, — произнесла я, протягивая руку.

Она посмотрела на моё лицо, потом на мою руку. И снова на лицо.

— Я из школьной газеты, и я хотела узнать, могу ли задать тебе несколько вопросов о еде в столовой.

Такой неопиcуемый отстой.

— Ты издеваешься надо мной? — спросила она.

— Знаю. Это совершенно глупо, но я здесь новенькая, поэтому мне поручили глупые истории, — сказала я, хихикая.

— Просто не делай, — предложила она.

— Ох, — ответила я. — Думаю, я как-то и не думала об этом. Но тогда мне снизят оценку.

— Кого это волнует?

Ладно. Это будет совсем не просто.

— Ну, меня, — сказала я. — Я хочу получать хорошие оценки.

Она осмотрела меня сверху донизу.

— Да, ты выглядишь, как одна из них.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты девочка-паинька, — она двинулась дальше по залу, и я последовала за ней.

— Я? — спросила я.

На секунду я забыла о своей миссии. Я была заинтригована. Была ли я девочкой-паинькой? Тара так считала, и она не отличила меня от домашней кошки Адама. Я не могла ничего поделать с тем, что почувствовала легкую гордость. В конце концов, я приложила немало усилий, чтобы соответствовать этому образу. Возможно поэтому мне дали титул «Хорошей девочки» в «Воображаемой Блядской Лиге». Им не пришлось шпионить за мной. Мой статус сексуальной активности казался довольно очевидным. Девственная. Милая. Наивная.

Я выпятила грудь, как чертов павлин.

— Ага, — фыркнула она. — Просто не дай неправильным людям узнать, насколько ты хорошая.

Загадочно. Ехидно. Эта девчонка была стервой.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, но уже знала ответ.

Она остановилась, с холодным видом повернувшись, чтобы встретиться со мной взглядом. Я почти врезалась в неё.

— Люди используют хороших людей. Вот что я имею в виду. Так что не будь такой

лохушкой.

— Кто-то использовал тебя? — выпалила я.

— Да пошла ты — выплюнула она, и снова двинулась по залу.

Что ж, ясно. Кто-то издевался над ней. Но я ещё не могла переместить Тима в группу «насильников». Мне нужно копнуть глубже.

ГЛАВА 13

Мне нужно было решить вопрос с Райаном перед свиданием с Кэлом. Я чувствовала себя виноватой из-за того, что иду, и ужасно нервничала, думая, что Райан не узнает, ведь Кэл не тот парень, который станет распространяться о своих свиданиях. По крайней мере, не в громкой, неприятной манере. Возможно, он расскажет близким друзьям, но, думаю, это только в том случае, если у него на этих девушек планы сексуального характера. К тому же, мы с Райаном ещё ничего не оговаривали. Фактически, мы не встречаемся, так что я в любом случае могу сказать, что была не уверена в том, что происходит между нами.

В пятницу вечером папа задерживался на работе. Он позвонил, чтобы предупредить, и как только он положил трубку, я сразу же позвонила Райану, чтобы пригласить к себе. Через пятнадцать минут он был у моей двери.

— Я бы пришел раньше, но ты поймала меня, когда я делал домашнее задание, — сказал он.

Я схватила его за воротник куртки и затащила в дом.

— Ты и твоя домашка, — произнесла я, прижимаясь губами к его губам. — Такой ботан, — сказала я напротив его рта.

Он обнял меня, и поцелуй стал глубже. А потом он прижал меня к двери, которую мы только что закрыли, губами прокладывая себе путь к моей шее. Я вскрикнула, когда почувствовала его зубы на своей коже.

— Слишком сильно? — спросил он.

Я покачала головой.

— Хочешь посмотреть мою спальню?

— Да, — ответил Райан мне в шею, и когда он отодвинулся, я сделала глубокий, удовлетворенный вдох. Рядом с ним я забывала, как дышать.

Я взяла его за руку и потянула вверх по лестнице. Я и не думала заниматься сексом. Я была уверена, он скажет, что мы ещё не готовы, и, что удивительно, была согласна с этим. Я и забыла, сколько удовольствия могут приносить поцелуи, хотя, должна признать, когда он в прошлый раз прикасался ко мне, во мне проснулось опасное желание секса. Жесткого секса. Интересно, что бы об этом сказала Грэтхен и психологи.

Я открыла дверь в свою комнату.

— О, Господи, — пробормотал Райан, в потрясении рассматривая ее. Он осмотрел всё пространство от пола и до потолка, а затем повернулся ко мне.

Я подмигнула.

— Нравится?

— Тебе восемнадцать? — спросил он. — Пожалуйста, не говори, что ты одна из этих гениальных детей, которые набирают кучу баллов, и выглядят старше, чем на самом деле.

Я подошла к нему и обняла его за талию.

— Мне двенадцать, — ответила я, покрывая его шею поцелуями. — Это ничего?

— Не смешно, Брук. Скорее тревожно. Что это вообще за комната?

Я засмеялась и подошла к кровати.

— Мой папа, ясно? Он подготовил комнату для меня до переезда. Мне не хватило смелости переделать её. К тому же, теперь она всё больше мне нравится.

Райан спокойно вздохнул, а затем нахмурил брови.

— Он не знает, что тебе восемнадцать?

Я покачала головой и улыбнулась.

— Он мой папа. Он не знает, что нравится восемнадцатилетним девочкам. Последний раз, когда мы жили вместе, моя комната примерно так и выглядела. Полагаю, он застрял в прошлом.

Райан сел рядом со мной на кровать.

— Это фиолетовое одеяло с леопардовым принтом прямо таки заявляет о себе, — сказал он, проводя рукой по кровати.

— Мои любимицы — соответствующие ему разбросанные подушки, — ответила я.

— О, да. Соответствующие разбросанные подушки, — заметил он.

Мгновение мы смотрели друг на друга.

— О, просто брось уже меня на эти разбросанные подушки! — крикнула я, и Райан засмеялся, толкая меня на кровать и грубо целуя.

— Я так хочу целоваться, — проговорила я ему в губы. Как обычно, я не думала перед тем, как что-то сказать. Так происходило всегда рядом с Райаном, и я считала это нормальным. Он, казалось бы, наслаждался этим, и, в любом случае, я не могла сдерживать себя. Он уткнулся лицом мне в шею, смеясь.

— Что? — спросила я. — Поцелуй меня ещё.

— О, Брук, — ответил Райан. — Я собираюсь целовать тебя весь день.

Мне понравилось, как это прозвучало. И я не стала протестовать, когда почувствовала его руку, скользнувшую под мою рубашку, чтобы обхватить грудь. Вскоре моя рубашка, а заодно и лифчик, были сняты. Мы такого ещё не делали, и мне это нравилось. Райан пристально смотрел на мою наготу, как будто изучая меня. Я подумала, что он старается запечатлеть то, что видит, в своей памяти.

— Я собираюсь целовать тебя здесь, — сказал он, и легко поцеловал меня в губы. — И здесь, — он оставил легкий поцелуй на моей щеке. — И здесь, — он прикусил мочку моего уха. — И здесь, — он поцеловал мою шею. — И здесь, — его губы оказались между грудей. — И здесь, — его губы коснулись изгиба моей груди. — И здесь, — его рот сомкнулся на соске, и я застонала.

Вообще-то, я стонала всё это время, но в этот раз вышло более глубоко и насыщенно, когда он втянул сосок в рот. Я изогнула свое тело навстречу его губам, приглашая его целовать и посасывать сильнее. Однако он не стал. Он продолжал свое нежное нападение, пока я не начала умолять его заняться со мной любовью.

— Нет, Бруклин, — ответил он. — Мы ещё не готовы.

— Чёрта с два мы не готовы! — вскрикнула я, и оттолкнула его, опрокидывая на спину. Поднявшись, я села ему на бедра. Он вздохнул, его глаза были прикованы к моей груди.

— Что ты пытаешься сделать со мной? — спросил он.

— Я пытаюсь заставить тебя заняться со мной сексом, — ответила я. — И очевидно, что ты этого хочешь, — добавила я, двигая своими бедрами.

Он ухмыльнулся.

— До этого ты была более чем счастлива подождать.

— Ага. Это было до того, как ты снял мой топ и играл с моей грудью!

Райан засмеялся.

— Я хочу...

Но я не смогла произнести это вслух. Я почувствовала, как моё лицо вспыхнуло багровым цветом.

— Чего ты хочешь?

— Просто, ты делал со мной всякое, — ответила я. — И я подумала, может, мне стоит...

— Что? Ты думаешь, что всё должно быть обоюдно? — спросил Райан.

Я покачала головой.

— Нет, я просто имею в виду, что хочу сделать что-то и для тебя. Не потому, что думаю, что должна, а потому, что хочу.

Он изучал моё порозовевшее лицо, как будто принимал какое-то решение. А затем покачал головой.

— Ты не готова, Бруклин, — сказал он.

— Что?

— Я сказал, ты не готова.

Я фыркнула.

— Я не девственница, знаешь ли. Я имею в виду, я не эксперт в этой области, но занималась этим раньше.

Райан устало улыбнулся.

— Я не говорил, что это связано с опытом.

— Ладно, тогда в чем проблема?

— Нет никакой проблемы. Просто ты ещё не готова.

До того, как я смогла возразить, он опрокинул меня на спину, прижимая к кровати.

— Теперь, есть кое-что, к чему ты готова, — добавил он, скользя рукой вверх от живота к груди. Он обвел большим пальцем сосок, вызывая хриплые вскрики. — Например, к этому.

Он наблюдал, как я извиваюсь, выгибаю спину, подталкивая грудь к его пальцам.

Его рука скользнула вниз по моему телу, под резинку штанов для йоги, до тех пор, пока его пальцы не оказались между моих ног. Я резко вдохнула.

— И к этому.

Он нежно потер меня, наблюдая за моим лицом, пока его пальцы изучали мою чувствительную плоть. Я извивалась, приподнимала бедра, молча упрашивая его скользнуть пальцем внутрь. Казалось, он знал об этом и воздерживался, играя со мной в игру, которая мне не очень-то нравилась. Я отвернулась от него, полная решимости не умолять его.

— Посмотри на меня, Бруклин, — сказал Райан. Его пальцы продолжали безжалостно меня дразнить. Я горела, и из-за этого мне хотелось кричать.

— Нет.

— Почему нет?

Я ерзала, борясь то ли за его руку, то ли против. Не уверена, но, кажется, сексуальное напряжение делало меня стержневой. Мне было нужно, чтобы он прекратил играть со мной и придерживался нашей программы!

— Пожалуйста? — мягко попросил Райан.

— Нет.

Он усмехнулся над моей раздражительностью, скользя пальцем внутрь, пока я стонала в облегчении от того, что наконец-то получила то, чего хотела. Я снова повернула свое лицо к нему, и он заклеил мои губы глубоким поцелуем, поглощая мои крики, сплетая свой язык

с моим, пока его палец делал нечто подобное внизу. Я оживилась.

— Лежи неподвижно, — приказал он.

Он хотел от меня невозможного. Я покачала головой.

— Я не могу, — поспорила я.

— Я хочу, чтобы ты лежала неподвижно, Бруклин, — сказал он, прекращая всякие действия рукой, пока я не сдалась. — И когда я заставлю тебя кончить, я хочу, чтобы ты оставалась неподвижной.

— Я не могу!

— Постарайся, — потребовал он. И снова поцеловал мои губы, трогая меня, ласково потирая мою плоть, пока я не почувствовала приближение неизбежного электрического разряда, зарождавшегося в обеих лодыжках, периодически выстреливающий искрами вверх по ногам.

— Я не могу, я не могу, я не могу, — кричала я, отчаянно стараясь оставаться неподвижной, пока искры продолжались. Больше и быстрее.

— Ты можешь, — сказал Райан, неотрывно наблюдая за мной, пока продолжал ласкать меня.

Я взорвалась. Меня парализовало. Я не могла пошевелиться, когда попыталась. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но даже мои голосовые связки были парализованы. По крайней мере, во время первого взрыва. Второй заставил меня кричать, пока горло не заболело. Третий заставил меня умолять его остановиться. Вскоре взрывы прекратились, я лежала онемевшая, лишь на половину в сознании, пораженная и отупевшая.

— Что это было? — спросила я. Мое горло болело, и слова царапали его, как наждачная бумага.

— Это была ты, испытывающая оргазм, — ответил Райан. Из его уст все звучало так просто, как факт, от этого я рассмеялась.

— Как ты сделал это со мной? Что? Ты какой-то эксперт? — спросила я. Мне нужна была вода.

— Едва ли.

— Ну, конечно. Думаю, все соседи слышали меня.

— Думаю, дело в тебе, — сказал он и наклонился, чтобы поцеловать меня в щеку. — Это банально?

Нет. Не банально. Слишком горячо.

Я улыбнулась и покачала головой.

— Тебе нужно попить или ещё что? — спросил Райан. — Ты кричала, как банши.

Я шлепнула его по руке. А затем кивнула.

Райан начал вставать, но я схватила его за руку.

— Райан, почему ты делаешь со мной все эти необыкновенные вещи, но не позволяешь мне сделать что-то для тебя? И не говори, что я ещё не готова.

На мгновение Райан задумался.

— Ты считаешь, что то, что я делаю с тобой, исключительно для твоего удовольствия? — спросил он.

Я была ошеломлена.

— Я хочу не того, чтобы между нами всё было взаимно, Брук, — ответил Райан через мгновение. — Я хочу, чтобы всё было правильно.

Не думаю, что понимала значение слова «бескорытность» до этого момента. Это было

слишком божественно. Никто не может быть настолько хорош. И впервые мне стало интересно, какие тайные грехи скрывает Райан.

Я не хотела, чтобы Кэл забирал меня из дома. Не хотела, чтобы отец это увидел. Не хотела, чтобы увидел Райан, катаясь по тротуару на скейте. Я даже не была уверена, зачем иду на это свидание. После вчерашнего дня с Райаном весь мой мир изменился. Всё моё предназначение. Я больше не беспокоилась о мести, вине и жертвах. Я беспокоилась о том, как мне быть с парнем, который был мил со мной, который относился ко мне, как будто я самый важный человек в его жизни. Парнем, который смешил меня, забалтывал меня, говорил глупые и смущающие вещи, доводя до невероятного оргазма.

Я даже задумалась о том, смогу ли снова рисовать. Я не брала в руки кисть с тех пор, как пыталась нарисовать опавшие листья. Но подумала, что теперь смогу. И решила, что будет неплохо зависнуть в галерее и заработать тысячи долларов. На этих выходных я решила провести время с Райаном, наполниться его добротой и порисовать.

Я хотела встретиться с Кэлом в боулинге. Я решила известить его об изменении планов в школе, и ждала самого конца дня, чтобы сделать это. Эта новость его не осчастливила. Он сказал мне, что парни должны заходить за девушкой перед свиданием.

— Правда? — спросила я. — Где ты это слышал?

— Это все знают, Брук, — ответил Кэл, пропуская мой сарказм мимо ушей. — Я даже не смогу принимать это свидание всерьез, если ты не позволишь мне зайти за тобой.

— Я бы предпочла, чтобы в первый раз все было обыденно, — ответила я, чувствуя себя загнанной в угол. Он был настойчив.

— Нет, — ответил Кэл. — Слушай, я не парень по переписке и не парень, который косит под голландца. Я не *просто встретимся там* парень. Я старой закалки, Брук. Я захожу за девушкой. Я веду её куда-нибудь. Я плачу за это. А потом, на следующий день, я звоню ей, а не пишу. Я звоню ей, чтобы узнать, хорошо ли она провела время.

Внезапно он стал Очаровательным Принцем.

Я неловко увиливала.

— Прекрати увиливать, Брук, — произнес Кэл. — Ты взрослая женщина. Так начни вести себя соответствующе и позволь заехать за тобой.

— Я веду себя соответствующе! — вскрикнула я.

— Отлично. Тогда я буду у твоей двери в семь.

Я стояла в гостиной, выглядывая в окно каждые три секунды. Как только я увижу, что он останавливается, выбегу за дверь до того, как он успеет подойти. Мне стоило объяснить папе, что я собиралась на несколько свиданий с разными парнями, чтобы посмотреть, который из них подойдет. Так, чтобы он не интересовался, что там с Райаном. Но это то, что стала бы делать девушка в колледже. Старшеклассники так себя не ведут. Мы состоим в серьёзных отношениях, даже если они длятся всего по две недели.

— Брук! Подойди сюда! — позвал папа с кухни.

— Я жду, когда за мной заедут, пап, — крикнула я в ответ.

— Сейчас же подойди сюда!

В последний раз папа использовал такой тон, когда я выпустила нашу собаку сходить в туалет на улице без поводка. Мне было десять. Я думала, Поппи справится. Она всегда была такой хорошей. Послушной. К тому же, я была поглощена окрашиванием ногтей. Я не могла рисковать испортить ногти, надевая на неё поводок. Что ж, она убежала и так и не

вернулась. Папа накричал на меня и сказал, чтобы я и не думала о новой собаке, потому что я слишком эгоистична. Я проплакала всю неделю.

Мне не хотелось отходить от окна, но я знала, что лучше сделать это, чем заставлять папу ждать. Я вбежала на кухню.

— Да, папочка? — спросила я.

— Не «папочкай» мне, — оборвал он меня. — Что это ещё такое? — спросил он, держа счет.

— Не знаю, — ответила я.

— Это наш счет за телефон, — сказал он. — Так ты не хочешь сказать мне, откуда все эти расходы?

— Какие расходы?

— Боже, Бруклин! Это счет на пять сотен долларов! С кем, черт возьми, ты говорила? Сколько данных ты можешь использовать за месяц? Твой GPS постоянно включен? Ты пишешь сообщения за рулем? Сидишь в интернете на уроках?

— Пап, успокойся, — ответила я. — Я почти не использую телефон.

Это тупейшая ложь, которую я когда-либо говорила, и счет это доказывал.

Папа посмотрел на меня, как будто я сумасшедшая.

— Отдай его мне.

— Ммм?

— Твой телефон, Брук. Отдай его мне.

— Папа!

— Я серьезно. Хватит с тебя. Никакого телефона на... месяц!

— Какого х...

— Давай, скажи это, — предупредил папа. — И месяц станет годом.

— Папа! Ты ведешь себя необоснованно! И в любом случае, сегодня у меня свидание. Мне необходимо быть с тобой на связи!

— Свидание? С Райаном? Я так не думаю. Ты достаточно наговорила с ним по телефону, — ответил он, и помахал счетом перед моим лицом.

— Не с Райаном, — сказала я. — Это совсем другой парень.

— Что случилось с Райаном? Я думал, ты влюблена в него, — сказал папа.

— Я совсем не собираюсь обсуждать это с тобой!

— Что ж, знаешь что, дорогуша? Я здесь родитель. Я должен знать, что ты делаешь, куда ты идешь и с кем ты идёшь. Так что, думаю, ты ещё как собираешься обсудить это со мной. Теперь отдай.

— Нет!

— Бруклин, отдай этот чертов телефон.

— Пап, я не смогу выжить без своего телефона. Пожалуйста. Ты не понимаешь. Он нужен мне.

— Что за чертовщина происходит с детьми в наше время? — пожаловался папа.

— Пап, пожалуйста. Я оплачу счет за телефон. У меня достаточно денег, чтобы заплатить за него. Больше, чем достаточно, — умоляла я.

Папа посмотрел на меня и вздохнул.

— Я не хочу, чтобы ты использовала все свои деньги, чтобы заплатить за этот счет, Брук. Я хочу, чтобы ты была ответственной. Слышала об этом когда-нибудь? Ответственность?

Я энергично закивала головой.

— Я хочу, чтобы ты поберегла свои деньги, — продолжил папа. — И перестала писать так чертовски много сообщений.

— Я, правда, пишу так много сообщений? — спросила я, хватая счет и просматривая расходы.

— Да!

— Мне, правда, жаль, пап. Это так. Может, мне стоит сменить тарифный план.

— Может тебе стоит перестать использовать эту штуку, как спасательный круг. Займись рисованием или ещё чем. Прочитай книгу, Брук. Сходи в парк. Отключи его, во имя Господа!

— Ты прав, пап. Абсолютно. Я услышала тебя на все сто процентов.

— О, хватит тут мне юморить. Это бесит больше, чем счет, — папа почесал затылок. — Теперь расскажи мне. Что это за парень?

— Фуф. Ты, правда, хочешь знать? — спросила я.

— Если ты проводишь с ним вечер, и он возит тебя, можешь не сомневаться, что хочу, — ответил папа.

Я сделала глубокий вдох.

— Ладно, но мне придется рассказать тебе действительно быстро, потому что он будет здесь в любую минуту.

Папа кивнул.

— Он просто парень со школы, который знает, что я нравлюсь Райану, и пытается понравиться мне, так что он позвал меня на свидание, а я согласилась лишь для того, чтобы покончить с этим. Думаю, что после сегодняшнего вечера он уже не будет так заинтересован во мне.

— Что, твой план в том, чтобы испортить свидание? — спросил папа.

— Типа того, — ответила я. Это была очередная ложь. У меня не было планов портить это свидание. Я собиралась показать себя очаровательной, милой и хорошей девочкой. Я хотела заставить Кэла гореть от ревности после сегодняшнего вечера.

— А Райан знает, что ты идёшь на свидание с этим парнем? — спросил папа.

— Нет, и я не хочу, чтобы он вообще узнал. Я делаю это лишь для того, чтобы этот парень от меня отстал. Понимаешь?

— Ты считаешь, это хорошая идея? Я могу просто сказать этому, кем бы он ни был, что ты не заинтересована. Я могу это сказать с пушкой в руке, — предложил папа.

— Нет! Нет, пап. Я сама справлюсь. Просто, пожалуйста, не говори об этом Райану.

— Мне кажется, такой обман уже завел тебя в неприятности в прошлом, Брук.

Пуля в сердце, а папа даже не держал в руках свою пушку.

— Я не осуждаю. Я просто говорю, что, кажется, ты держишь в себе много вины. В смысле, это единственный способ показать парню, что ты в нем не заинтересована? Он не знает, что «нет» означает «нет»?

Как вообще я могла объяснить своему папе, что я делаю это именно для Бэт? Что я делаю это, чтобы искупить грехи, очистить вину? Я поняла, что причина свидания показалась папе запутанной, но я бы и через миллион лет не могла бы раскрыть ему настоящую причину. Если бы я это сделала, Кэл бы лежал мертвым в луже крови прямо на нашем крыльце.

— Поверь мне, пап. Знаешь, разные люди понимают по-разному? Некоторые визуально? Некоторые на слух? Некоторые на практике?

Папа кивнул, и уголок его губ изогнулся в ухмылке.

— Так вот, этот чувак, Кэл, точно не из тех, кто понимает на слух. Поэтому «нет» не сработает. Поэтому я позволю ему сводить меня в боулинг, и тогда он увидит, почему я последний человек в мире, с которым ему хотелось бы встречаться.

Теперь на лице папы была широкая улыбка. Думаю, я заставила его гордиться собой в этот момент.

— Ты не собираешься позволить ему лапать тебя, не так ли?

— Фу, пап.

— Что ж, ты говоришь мне, что он из тех, кто понимает на практике. Он коснется тебя — и он труп.

— Пап, расслабься. Я не имела в виду ничего такого, говоря о «практике», — ответила я.

Он усмехнулся и бросил счет за телефон на кухонный стол. Тут же позвонили в дверь, и я поцеловала его в щеку на прощание.

— Мне нельзя с ним встретиться? — спросил папа.

— Нет, — сказала я. — Я беру телефон с собой. И позвоню тебе перед возвращением домой.

— У тебя есть комендантский час, знаешь ли, — сказал папа.

— Правда? Это что-то новенькое.

В дверь снова позвонили.

— Ага, правда. Так каков обычный комендантский час для девочки твоего возраста? — спросил папа.

— Ты серьезно? Знаешь, я и на секунду не подумала, что ты действительно отберешь у меня телефон, — сказала я, идя к входной двери.

— Назови мне время, Брук! — крикнул папа, всё ещё стоя на кухне.

— Час! — крикнула я в ответ.

— Неа! Попробуй ещё раз!

— О, вот дерьмо, — пробормотала я, берясь за дверную ручку. — С той вечеринки с Грэтхен я пришла не раньше часа!

— Ага, и это было в последний раз!

Я закатила глаза.

— Полночь!

— Я всё ещё не доволен!

— Папа, Господи! — крикнула я, открывая дверь. — Одиннадцать!

— Так-то лучше! Люблю тебя! Будь аккуратнее!

— Я тоже тебя люблю! — ответила я, отталкивая Кэла со своего пути.

— Разве я не должен познакомиться с твоим отцом или как, — спросил он, следуя за мной по дорожке.

— В другой раз, — ответила я.

О. Мой. Бог.

Никто не говорил мне о двойном свидании, и Грэтхен, очевидно, тоже. Мы уставились друг на друга в шоке, а потом, отпросившись, вышли в уборную.

— Что ты делаешь здесь с Паркером? — прошипела я.

— Что ты делаешь здесь с тем парнем? — выстрелила она в ответ. — Что случилось с Райаном?

Я ненавидела врать Грэтхен. Она всегда видела ложь насквозь, но никогда не подлавливала. Она просто выжидала, пока, в конце концов, я не окажусь в тупике и сама не выложу правду. Думаю, она даже наслаждалась, глядя, как я корчусь минутами, днями или ещё черт знает как долго это займет времени, пока я не признаюсь.

— Я не могу тебе рассказать, Грэтхен, но мне не нравится Кэл, и я думаю, что по уши влюблена в Райана, и если ты всё мне испортишь, я...

— Расслабься, — произнесла Грэтхен. — Но тебе придется придумать что-то получше. Мы не выйдем из уборной, пока ты не расскажешь, почему ты с ним на свидании.

— Я? А что насчет тебя? Ты пошла на свидание с Паркером? Я же сказала тебе, он мудака.

— Да что ты? А я решила узнать это сама. Он был действительно милым на вечеринке, и я хочу узнать его поближе.

Как? Ну как я могла рассказать Грэтхен, что я считала Паркера насильником? Как я могла сказать ей, что знаю, что Кэл насильник? Я была в ловушке. Хотя всё было просто. Мне нужно признаться. Мне нужно рассказать ей, что я делаю.

— Ладно, Грэтхен! Я расскажу тебе, что происходит. Клянусь Богом, что расскажу. Но для начала мы должны выдержать это свидание.

Грэтхен кивнула.

— Это означает, что мы должны выйти из этой уборной и вести себя нормально, — объяснила я.

— Ясно.

— Теперь ты увидишь, как я флиртую с Кэлом и веду себя как хорошая маленькая девочка, ладно? — сказала я. — Не обращай внимания. Не упоминай ничего о том, что в прошлом году я ходила в «Хэнверскую Старшую школу». Не упоминай никого из моего прошлого. А особенно не упоминай Бэт.

— Хм? — Грэтхен тут же посмотрела на меня обеспокоенно.

— Пожалуйста, Грэтхен. Я умоляю тебя. Просто не обращай внимания на мой кокетливый и милый образ и не упоминай ничего из моего прошлого.

— А если они спросят?

— Просто скажи, что мы знаем друг друга с балета. Мы вместе ходили на балет и остались друзьями.

Грэтхен кивнула.

— Я чувствую себя сейчас очень уж странно.

— Нет, не чувствуешь, — ответила я. Я не могла спрятать панику в голосе. — Ты совсем не чувствуешь себя странно. Мы поиграем в боулинг. Будет здорово. И мы знаем друг друга с балета.

— Поняла. Балет.

Мы вышли из уборной, хихикая, потому что я сказала, что так нужно, и подошли к ожидающим парням.

— У нас есть ботинки и шары, — сказал Кэл, и Грэтхен рассмеялась. Я не могла не усмехнуться.

— Ну, мы надеемся, — сказала Грэтхен, и лицо Паркера тоже дернулось в усмешке.

Кэл самодовольно улыбнулся и протянул мне ботинки 6-го размера и десятипудовый шар, который я попросила.

— И как будем играть? — спросил он всех, пока мы шли к дорожке под номером семь.

— Ты имеешь в виду команды? — спросила я. — Я думала, что буду с тобой. — Я села рядом с Грэтхен, пока мы надевали наши ботинки для боулинга.

Кэл пожал плечами.

— Не знаю. Я подумал, будет забавно поменяться партнерами.

О, нет. Нет, нет, нет. Ни за что на свете я не стану партнером парня, который намеренно поставил мне подножку на трибуне. Зачем Кэл это делает?

Я была в бешенстве. Это не то свидание, на которое я рассчитывала. Я хотела, чтобы Кэл был полностью в моем распоряжении. Я хотела кокетничать, быть милой и кормить его с руки к одиннадцати часам вечера. И думала, что он также хочет чего-то более уединенного. После всего, к чему была вся эта болтовня о том, чтобы забрать меня, чтобы это было «настоящим» свиданием? Он настоял на том, чтобы заехать, когда я хотела встретиться с ним здесь. Я хотела чего-то более обыденного и дружеского, и ему не очень-то это понравилось. А теперь он устроил мне «дружеский» режим?

— Вы двое договорились? — спросила я. Я хотела знать.

— Вроде того, — ответил Кэл. — В последнюю минуту. Паркер сказал, что он ведет Грэтхен куда-то, так что я просто решил, что мы могли бы заняться чем-нибудь все вместе. Ты же сама хотела сделать наше свидание более обыденным, — он подмигнул мне. Мне хотелось вырвать его глаз.

Я посмотрела на Паркера, который мне и двух слов не сказал с тех пор, как мы приехали. Тот самый парень, который считал, что я слишком тупа, чтобы запомнить заказ. Я не могла представить, что после этого он мог думать, чтобы мы будем играть в боулинг. Я довольно паршиво играю, а он, я уверена, звезда, что означает, что он всё время будет скулить, что ему достался плохой партнер. Но он будет делать это в язвительной, едва уловимой манере, потому что такой уж он парень.

— Дамы вперед, — сказал Кэл, и нежно подтолкнул меня прямо к дорожке.

Я повернулась и адресовала свои слова Паркеру.

— Я не очень хороша.

Это прозвучало как извинение, и я тут же пожалела, что вообще что-то сказала.

Он пожал плечами.

— Я так и думал.

Я отвернулась и закрыла глаза. Подумай о чем-нибудь хорошем, Брук, и просто дыши. Дыши, Брук. Не говори этого. Не говори то, что ты действительно хочешь сказать. Просто дыши. Брук? Не делай этого. Пожалуйста, не делай... О, просто давай уже, скажи это!

— Долбоёб, — я не прошептала это. Просто сказала. Прямо-таки вслух.

— Извини? — я услышала вопрос Паркера сзади.

Я обернулась.

— Я назвала тебя долбоёбом. Потому что так оно и есть.

Глаза Грэтхен широко распахнулись. На её лице я смогла разглядеть борьбу: засмеяться или остаться немой. Она выбрала остаться немой, что было мудрее.

— У тебя ко мне какие-то претензии с тех пор, как я случайно налетела на тебя в школьном коридоре. Мне тааааак жаль, что я налетела на тебя. Это была долбанная случайность. Но знаешь, что не было случайностью? Твоя подножка на трибуне, — я посмотрела на Кэла.

— Правильно. Твой мелкий дружок поставил мне подножку. Вот почему я упала на тебя.

— Держи себя в руках, — сказал Паркер. — Никто не ставил тебе подножку. И у меня нет к тебе претензий.

Я фыркнула.

— Ладно. Пофиг.

Кэл посмотрел на Грэтхен, которая пожала плечами. Подошла официантка, и Кэл попросил кувшин пива.

— Мне нужно посмотреть ваше удостоверение и у других тоже, — сказала она.

— О, они не пьют. Это для меня, — сказал он, и протянул женщине фальшивые документы. Она изучила их, а затем и Кэла. Она выглядела неуверенной в том, верить ему или нет, но решила не заморачиваться.

— «Бад Лайт»? — спросила она. — Сегодня оно в специальном предложении.

— Звучит отлично.

Я отвернулась к кеглям. Какая свинья. Думал ли он о том, что позже ему нужно отвезти меня домой? Этот вечер становился худшим свиданием в истории. Слава Богу, я захватила деньги на такси.

Я покатила мяч вниз по дорожке, пока он не переместился в желоб. Я смачно выругалась про себя, раздумывая, не стащить ли мне кувшин пива и сбежать. Я могла бы пить его по пути домой.

Моя вторая попытка была немного лучше. Я умудрилась опрокинуть одну кеглю. Какое-то время она балансировала, на это было больно смотреть.

Я услышала, как Грэтхен позади меня сказала:

— Ты можешь сделать это, кегля! Я знаю, что можешь! — а Кэл сказал ей, что она не должна болеть за противника.

Я пошла обратно к группе и плюхнулась рядом со своим напарником.

— Что ж, посмотрим, сможешь ли ты это побить, — сказала я. Паркер заметно ухмыльнулся.

Потом кидала Грэтхен, и Кэл подбадривал её так громко, как только возможно. Я заметила, что мои чувства, кажется, задеты. Мой партнер не подбадривал меня. Кэл должен был быть моим партнером. Это было нашим свиданием. Почему он был партнером Грэтхен? Я чувствовала, будто он наказывает меня, и этого я стала беспричинно чувствительной.

Первым же броском Паркер выбил страйк. Большое дело. Вторым броском он тоже выбил страйк. Немного большее дело. Он подбежал ко мне и поднял руку в воздух. Он ожидал, что я дам ему пять? Будь реалистом.

— Давай же, брюзга, — сказал Паркер. — Я обещаю перестать быть с тобой козлом, если ты дашь мне пять.

Я уставилась на него в недоумении.

— Так просто? Да, верно. Знаешь, я не понимаю, в чем была твоя претензия ко мне и в прошлый раз.

— Слушай, у меня просто был плохой день, ясно? — сказал он.

— Серьёзно? Так у тебя был плохой день, когда я налетела на тебя в школе? И тогда, когда я увела от тебя Грэтхен на вечеринке? И тогда, когда ты поставил мне долбанную подножку на трибуне? Знаешь ли, я могла сломать зуб или ещё что!

— Расслабься, — сказал Паркер.

— Ты расслабься, — сорвалась я. — Ах, да. Я почти забыла об обеде! У тебя был плохой день, когда ты оскорблял меня?

Паркер почесал затылок.

— Ага, чеши свой затылок. Это так невыносимо, когда тебя обзывают за то, что ты ведешь себя как придурок.

— Кому-нибудь интересно, как я брошу шар? — спросил Кэл, вытаскивая вернувшийся шар.

— Конечно! — сказала Грэтхен. Она улыбнулась мне. Это была улыбка, говорящая: «Понятия не имею, что сейчас происходит, и да поможет мне Бог, ты всё мне расскажешь, когда закончится это ужасное групповое свидание».

Я вернула собственную улыбку. Она говорила: «Интересно, сколько лет мне дадут, если я проломлю голову Паркера своим шаром для боулинга?»

Кэл бросал шар, Грэтхен и я вели себя так, как будто мы впечатлены, потому что поняли, что это именно то, чего он хотел. Я чувствовала сердцем, что уничтожила какой-либо шанс поймать его на обвинении в изнасиловании. Самое абсурдное чувство — разочарование из-за упущения шанса фальшивого сексуального нападения. Я подумала, что до сих пор я просто балансировала на грани безумия. Теперь же я знала, что потеряла равновесие, и не была уверена, куда теперь идти. Я не знала, чего бы Бэт от меня хотела, и пока я сидела рядом с одним заклятым врагом, наблюдая, как другой бросает шар, мне хотелось плакать из-за своего провала.

ГЛАВА 14

Пора было приступать к работе. В понедельник утром я проснулась с новым решением. Ладно, с несколькими решениями. Первое: сделать Бэт приоритетом, вспомнить о моей миссии. Второе: узнать, кто еще из «Воображаемой Блядской Лиги» ответственен за изнасилования девушек. Третье: предупредить девушек, попавших в список на следующую игру, о замысле парней (я пока не знала, как это сделать, но это было одним из моих решений). Четвертое: заставить Райана влюбиться в меня. Я смирилась с моей судьбой с Кэлом. Я предполагала, что после нашего ужасного свидания он потеряет ко мне интерес. Я показала ему, какая я на самом деле: не милая, скромная и застенчивая девушка, которую я усиленно изображала на регистрации много месяцев назад. Нет. У меня острый язык и горячий темперамент, что делает меня плохой кандидаткой на растление. Естественно, Кэл оборвет со мной все связи, особенно после того, как я словесно разнесла его друга в пух и прах. Моим единственным шансом на торжество правосудия оставалось разоблачить лигу и воодушевить всех жертв дать показания. Мне казалось, это был единственный способ помириться с Бэт. В воскресенье я проплакала всю ночь, пытаясь объяснить это Бэт. Я лежала в постели, рассказывая ей обо всем, объясняя ей, что не планировала подводить ее, но из меня вышел паршивый детектив под прикрытием. Паршивая овца. Паршивый крестоносец. Я плакала и дома у Грэтхен тоже. После свидания я позвонила отцу, чтобы предупредить его о том, что останусь на ночь у нее. Мы вызвали такси до ее дома, потому что ни одна из нас не хотела ехать с Кэлом, который был пьян, или с Паркером, который был мудаком.

— Позови Грэтхен к телефону, — приказал папа.

Я была смущена, но сделала то, что он просил, нажав кнопку громкой связи, чтобы все слышать.

— Здравсьте, мистер Райт, — сказала Грэтхен.

— Грэтхен, Брук проведет ночь у тебя?

— Да, сэр.

— Какие-нибудь мальчики тоже проведут ночь у тебя?

— Мистер Райт! У меня есть родители, вы же знаете об этом!

— Почему я должен поверить, что вы, девочки, не собираетесь куда-то с этим Кэлом?

Знаешь, о ком я говорю? Пара Брук этим вечером? — спросил папа.

— Мистер Райт, я тоже была на этом свидании, и позвольте мне сказать вам, что здесь нет никакого Кэла. И не будет.

— Ты была на свидании?

— Долгая история, но это было неожиданное двойное свидание, которое плохо закончилось. Мой парень оказался придурком. Парень Брук — болваном.

— Хмм.

— Клянусь, мистер Райт, Брук проведет ночь у меня, мы здесь только вдвоем, и мои родители дома, — произнесла Грэтхен.

Последовала недолгая пауза.

— Я верю тебе, Грэтхен, — ответил папа.

Грэтхен посмотрела на меня.

— Вы должны. А еще вы должны доверять своей дочери.

— Я доверяю.

Теперь мы с Грэтхен обе были смущены, но она попрощалась с моим отцом и отдала телефон мне.

— Я знаю, что был на громкой связи. Я не идиот, — сказал папа.

— Что все это значит в таком случае? — спросила я.

— Это называется быть твоим отцом, Брук, — ответил папа. — А что, твое свидание и правда было настолько плохим?

Я вздохнула.

— Худшим. Но могу я рассказать тебе об этом позже?

— Да, Брук. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, — сказала я и отключилась.

Мы с Грэтхен сидели на ее кровати, и я рассказывала ей о самоубийстве Бэт, Кэле, о своих планах разоблачить «Воображаемую Блядскую Лигу».

— Ее изнасиловали? — выдохнула Грэтхен. Она выглядела ошеломленной.

Я кивнула.

— Я знаю, именно из-за этого она так поступила. Последние месяцы перед смертью она была в такой депрессии. Конечно, я вообще не помогала. Меня даже не было рядом, а потом она узнала о нас с Финном. Теперь ты понимаешь, почему я чувствую себя такой виноватой? Я знала, что это случилось с ней, потому что она рассказала мне. Она доверяла мне, а я во многом предала ее.

Я плакала, не в силах скрыть свою боль. Грэтхен взяла меня за руку и сжала ее.

— Я пытаюсь сделать все правильно ради нее. Я... Я думаю, что смогу. Я знаю об этой лиге. Я знаю, что Кэл — насильник. Я только не уверена насчет остальных. Я пытаюсь это выяснить.

— Как?

— Боже, Грэтхен. Ты должна поклясться своей жизнью, что не скажешь ни одной живой душе, если я поделюсь с тобой. Иначе мой друг может попасть в большие неприятности, — ответила я, взяла платок, который протянула мне Грэтхен, и высморкалась.

— Брук, я знаю, что иногда бываю безбашенной и говорю глупости, но клянусь тебе, что буду хранить твои тайны. Ты можешь мне доверять, — произнесла Грэтхен. Она впервые была такой серьезной. Я увидела свою подругу, которую знаю с девятого класса, с другой стороны. Я поверила ей, поэтому рассказала.

Я рассказала ей обо всем, за исключением плана по обольщению Кэла.

Я изучила каждую игру. Паркер хранил записи годами, и в среду вечером после работы я получила от Терри их все в черной папке. Он посоветовал мне хорошо все продумать. Он всегда говорил мне это, когда мы обсуждали что-то, касающееся «Воображаемой Блядской Лиги». Хорошо все продумать. Я считала, что так и делаю, но, когда я призналась ему, что рассказала Грэтхен о лиге, он взорвался. Мы стояли у моей машины.

— Какого хрена, Райт?! — прокричал он.

— У меня не было выбора! — ответила я. — Она поймала меня, Терри! У меня не было выбора!

— Господи, ты упоминала мое имя?

— Нет! Боже, нет! Я же не дура. Я знала, что могу рассказать, а что нет, — ответила я.

— Да? Например? — спросил он.

— Ну, я естественно не называла ей твое имя. И я не говорила ей, что планировала быть изнасилованной.

Терри казался шокированным.

— Что, черт возьми, ты только что сказала?

— Я сказала, что не называла ей твое имя. Все в порядке.

— Нет, после этого, — пояснил Терри.

— Я сказала, что не говорила ей, что планировала... — у меня пропал голос. Боже мой. Дура, дура, дура. Что я наделала?

Терри подошел ближе ко мне и схватил меня за плечо.

— Что ты делаешь, Райт? — зашипел он в сантиметрах от моего лица.

Я попыталась отодвинуться.

— Ничего. Ничего я не делаю.

— Тогда о чем ты только что говорила?

— Я не знаю, зачем я это сказала.

— Дерьмо. Я даю тебе одну минуту, чтобы объясниться, — сказал Терри. Его пальцы крепко сжимали мою руку.

— Я не могу, — прошептала я. — Пожалуйста, Терри. Ты просто не понимаешь.

— Ты права. Не понимаю. И ты мне объяснишь, — ответил он.

Я вырвала свою руку из его и стала рыться в сумочке в поисках ключей от машины.

— Ты никуда не поедешь, Райт, — Терри встал перед дверью машины, препятствуя моему побегу.

— Он продолжит делать это, — пробормотала я, по большей части самой себе.

— Кто? Кэл?

Я закричала:

— Он продолжит делать это! И ему будет сходить это с рук! Он — монстр!

Я посмотрела на Терри диким, рассеянным взглядом. Я подумала, что он не услышал меня или не уловил, что я сказала, поэтому закричала снова:

— Он продолжит делать это! И ему будет сходить все с рук! Он — монстр!

Я почувствовала, как в груди вспыхнула паника. Обычно она нарастала постепенно. Обычно я знала, что она приближается. Я была предупреждена. Но не в этот раз. Я не могла дышать. Я слышала, как кричу, повторяю фразы снова и снова, не делая ни одного вдоха между ними. У меня заканчивался воздух. У меня заканчивалось время. Я должна была продолжать говорить это. Кто-то должен был понять это и поверить мне.

— Он — монстр! — я начала хватать ртом воздух, чувствуя, как задрожали колени, глаза закатились. Белое небытие — и я камнем рухнула на тротуар.

Я очнулась на незнакомом диване. Он пах дорогой кожей, а боковым зрением я видела мерцающее пламя свечи, теплое и успокаивающее. Где бы я ни была, мне здесь нравилось.

Кто-то подошел ко мне и снял тряпку с моей головы. Я прищурилась и узнала лицо, но я пока не могла назвать его имя.

— Ты напугала меня до чертиков, — произнес он.

— Что?

— Ты упала в обморок, Райт.

Райт. Кто-то меня так называет. Кто зовет меня по фамилии? Имя вертелось у меня на языке.

— Я упала?

Он вздохнул, а затем я почувствовала, как рядом с моим животом прогнулся диван. Должно быть, он сел.

— С тобой такое уже случалось? — спросил он.

— Бывало, — ответила я.

Терри! Вот кто это!

— Терри, почему я упала в обморок? — спросила я.

Последовало недолгое молчание.

— Ну, думаю, потому, что я узнал кое-что, что ты не хотела, чтобы я знал, — ответил он, затем посмотрел на меня и нахмурился. — Ты сказала кое-что, чего не собиралась.

И тут я вспомнила свою оплошность. Как я могла быть такой неосторожной?

— Брук, пожалуйста, скажи мне, что я ослышался. Пожалуйста, скажи мне, что я сошел с ума или еще что-то. Неважно что, потому что я чертовски напуган, — сказал Терри.

Я глубоко вдохнула и подумала о том, чтобы выдумать замысловатую ложь. А потом я вспомнила, что не умею врать.

— Я думала, что это единственный способ, — ответила я. — Он делал это с другими девушками, Терри. Я знаю, что он делал это. Я знаю одну из них. То есть, она, конечно, не признается в этом вслух, но все признаки на лицо. Он продолжает делать это. И я знаю, что продолжит, и никто его не остановит. Ни одна из этих девушек не даст показаний. Они все напуганы, не уверены или еще что-то. Она боится его, Терри. Та девушка, которую я знаю.

— Ты себя слышишь? — спросил Терри.

— Я не сумасшедшая, — огрызнулась я.

— Я не это хотел сказать. Но Брук, что ты еще можешь сделать, кроме того, что разоблачить этих парней? Ты не можешь заставить девушек дать показания. Ты не можешь заставить их выдвинуть обвинения...

— Точно! — согласилась я. — Я не могу заставить их выдвинуть обвинения. Но я-то могу. Или, по крайней мере, думала, что могу.

— Господи, Брук. Ты сама слышишь, что говоришь? Ты позволишь этому парню трахнуть тебя ради чего? Чтобы добиться справедливости для кучки девушек, которых ты

даже не знаешь?

— Я знаю их! — отбила я подачу. — Они — Бэт! Все они!

Терри ничего не ответил. Он положил свою руку мне на предплечье, и я его не оттолкнула.

— В любом случае, я упустила свой шанс, так что можешь не волноваться.

Я медленно села, стук в голове сначала усилился, а потом ослаб, пока я сидела неподвижно, полностью выпрямившись.

— О чем ты? — спросил Терри.

— Я пыталась понравиться Кэлу. Я думала, что смогу сделать так, чтобы он сначала захотел, а затем использовал меня. Но я все испортила. Я уверена, он больше никогда не захочет со мной разговаривать. Все равно. По крайней мере, я могу попытаться обезопасить этих девушек во время следующей игры.

— Как ты все испортила?

— Я не хочу об этом говорить, — ответила я.

— Зачем ты все это делаешь? — спросил Терри.

Я вышла из себя:

— Я же тебе говорила. Ради моей подруги Бэт.

Терри уставился на меня, и я заерзала.

— Ты считаешь себя виноватой, — сказал он.

— Не считаю. Я знаю, что так и есть. Она рассказала мне об изнасиловании. Я должна была что-то сделать. Я должна была заставить ее рассказать родителям. Я должна была быть лучшей подругой. Я должна была пойти на ту вечеринку с ней.

Я беззастенчиво разрыдалась. Мне было все равно, что я выгляжу непривлекательно, напуганной или уставшей; я плакала, пока не осталось слез, пока все они не иссякли. Терри сел рядом со мной, обняв меня за плечи. Он обнимал меня, как старший брат, ничего не говоря, просто позволив мне выплакать свою злость и вину, пока я не успокоилась и боль в груди не ослабла.

— Я помогу тебе добраться до них, Брук, — сказал Терри. — Но ты должна пообещать мне, что откажешься от этой безумной идеи стать жертвой изнасилования.

— Я же тебе сказала, что уже сделала это, — зашпорила я.

— Нет, не говорила. Ты сказала, что думаешь, что упустила шанс, — парировал Терри. — Ты должна пообещать мне, Брук. Мы доберемся до него и до всех остальных, но ты должна пообещать мне, что останешься в безопасности.

Я кивнула.

— Произнеси это.

— Да ладно, Терри.

— Скажи это, Райт.

Я фыркнула и вытерла лицо.

— Я обещаю.

Этим вечером Терри впервые встретился с моим отцом. Он довез меня до дома, представился шеф-поваром и сказал папе, что провожал меня до машины, когда я упала в обморок. Папа побледнел от беспокойства и чересчур сильно прижал меня к груди, но я была рада быть дома и в его руках. В этот момент я поняла, что, несмотря на все плохое, что я узнала о Кэле, Паркере и их друзьях, в мире ещё остались хорошие мужчины. Двое из них — Терри и мой папа.

— Это пугает, — произнес Райан, в руках он держал мою кисть и смотрел на пустой холст.

— Нет, — ответила я. — Это весело. Когда все начнётся.

В воскресенье после обеда мы стояли на моем заднем дворе. Я подумала, что будет весело нарисовать вместе картину. Когда я объясняла свою задумку Райану по телефону, он был не уверен, но согласился попробовать. Я стояла, смешивая краски на палитре, пока он с явным испугом смотрел на ожидающий холст.

— Ну, не нервничай, — сказала я. — Здесь не может быть правильного или неправильного. Потому что это и называется искусством.

— Хмм, — Райан, казалось, сомневался.

— Я серьезно. Создавай все, что тебе захочется.

— Ага. Знаешь, я скорее конкретный человек, — ответил Райан. — Нам нужна какая-то идея.

— Ладно. Как насчет зимнего пейзажа? — предложила я.

Для середины ноября на улице было удивительно тепло. Но потрясающие осенние листья уже давно исчезли с деревьев. Все вокруг было похоже на зиму, даже если по ощущениям было не так. Голые деревья. Приглушенное небо. Серость.

— Сузь тему, Брук, — сказал Райан.

— Ладно, — ответила я и подошла к нему сзади. Я встала на носочки и произнесла у его шеи: — Снег.

Я передала ему палитру, показала, как держать ее, потом положила свою правую руку поверх его, чтобы помочь ему справиться с кистью.

— Пологий холм, — предложила я и направила кисть к краске, обмакнув кончик в светло-зеленый и перенесла его на канву.

— Я думал, это будет снег, — сказал Райан, переставая контролировать кисть, и я опустила ее на нити холста.

— Скоро, — ответила я. — Теперь ты должен почувствовать, что происходит с краской. Заметил, как она без усилий скользит по холсту? Что кисть не надо тащить?

Райан кивнул.

— Потому что это грунтованный холст. Если бы он не был таким, ты бы увидел, как краска сразу же при контакте впитывается глубоко в нити. Но такой холст вынуждает краску ложиться на поверхности, ожидая, пока ты позволишь ей высохнуть или переделаешь, как тебе захочется.

Я еще раз погрузила кисть и продолжила рисовать изогнутую линию, создавая покаты́й холм, который станет фоном нашего заснеженного пейзажа.

— Хочешь попробовать сам? — спросила я, выпуская его руку и отступая назад.

— Я не знаю, Брук, — ответил Райан. Он потоптался на месте.

Я взяла еще одну кисточку и встала за ним.

— Ты не сможешь ничего испортить, — сказала я.

— Уверен, что смогу, — возразил Райан, и я хихикнула.

— Нет, не сможешь, — сказала я и показала ему пример, обмакнув свою кисть в серую краску и размазав ее по всей верхней половине холста.

— Подожди! Разве это не должен быть голубой? — спросил Райан. — Ну, знаешь, небо?

— Конечно, — ответила я и подождала его.

Он очистил свою кисточку и погрузил ее в голубую краску, засомневавшись, прежде чем

нанести его поверх моих серых завитков.

— Не бойся, — подбодрила я.

Он глубоко вдохнул и нанес голубой поверх моего серого, смешивая цвета, и я подумала, что наш снежный пейзаж только что приобрел эффект ветра.

— Снежная буря, — произнесла я, продолжая рисовать серым точки и завитки, то плавно скользя кисточкой, то ударяя, пока небо не наполнилось будущими снежинками. Райан примешивал голубой, случайно придав картине после неудачного инцидента с кисточкой 3D-эффект.

— Это так классно, — сказал он, глядя на свою работу.

Мы рисовали весь вечер, создавая зимнее небо, остановившись только раз, чтобы поцеловаться. Ни один из нас не хотел близости. Мы хотели создать вместе произведение искусства, которое Райан мог бы повесить в своей спальне.

— А почему это она достанется тебе? — спросила я.

— Я подумал, что мы могли бы делиться, — предложил он. — Сначала я возьму ее на пару месяцев, а потом ты. Будем чередоваться.

Мне понравилась эта идея. Это означало, что Райан планировал быть со мной какое-то время, и я вдруг подумала, что мы могли бы создать вместе еще не одну картину, чтобы я стала постоянным элементом его жизни.

Паркер — дурак. Зачем ему хранить протоколы всех предыдущих игр лиги? Определенно, не для того, чтобы напоминать себе о прошлых победах. Все-таки у него их было немного. Вот у Кэла было много. Я предполагала, что большей части выигрышей он добился применением силы. Я уже знала, что он за фрукт, и думала, что Тим такой же. Моя краткая встреча с Тарой в холле пару недель назад дала основания предполагать насилие с его стороны, но я должна была убедиться.

Я очистила имя Хантера. С Мелиссой, казалось, все было в порядке, а еще я в течение недели выслеживала другую девушку из школы, которая, предположительно, попалась Хантеру два года назад. Она выглядела счастливой. Она активно участвовала в спортивной жизни школы, и у нее была компания близких друзей, с которыми она проводила время. Она много улыбалась, и я сердцем чувствовала, что она в порядке. Я вычеркнула Хантера из списка.

Паркер вел себя как мудака по отношению ко мне, но мне было сложно выяснить, был ли он таким же чудовищем, как Кэл. В соответствии с оценками в протоколах, за все четыре года он спал только с одной девушкой. И она больше не ходила в «Черити Ран». Я погуглила Джессику Кантерли, но ничего не нашла. Стало понятно, что Паркер, по-видимому, станет моей самой сложной целью.

Майк в настоящий момент не был проблемой. Он вступил в лигу год назад и получал баллы максимум за минет. Я выследила нескольких девушек, которые одарили его этим прелестным подарком, и решила, что они в порядке. Ни одна из них не выглядела подавленной или разбитой. Парочка были полнейшими суками, так что мне было сложно жалеть их из-за их неведения. Аарон был новичком, игра № 1 этого года была его первой. Я не имела понятия, вступил ли он исключительно ради невинного веселья — если это можно так назвать — или у него была другая мотивация. Все, что я могла сделать, это подождать, чтобы все выяснить.

Я проводила дополнительные исследования, используя старые ежегодники Бэт, когда

наткнулась на снимок. У меня перехватило дыхание. Это была девушка из туалета — та, что безудержно рыдала. Я была уверена, что она кивнула, когда я спросила у нее, случилось ли с ней что-то плохое. Она была участницей игры № 4 прошлого года. Той игры, что была как раз перед нынешней. Она была в команде Тима и классифицировалась как девственница, он получил максимальное количество баллов за то, что занялся с ней сексом. Я не искала ее специально, но по божественному провидению мы снова встретились. И снова в туалете, хотя на этот раз не в холле старшеклассников. Во вторник, прежде чем уйти из школы, я забежала в уборную в холле младшеклассников, и она была там, стояла над раковиной, поправляя блеск для губ. Она застыла, увидев меня.

— О, привет, — сказала я.

— Привет, — неуверенно ответила она.

— Как дела?

— Думаю, хорошо, — она включила воду, чтобы помыть руки.

Я предполагала, что она попытается сбежать как можно быстрее, но она задержалась. Выглядело это так, словно она безмолвно приглашала меня задавать ей вопросы. Я попыталась.

— Тот день пару месяцев назад...

Она вытерла руки и выбросила бумажное полотенце.

— Ты в порядке? — спросила я.

— Да.

Я кивнула и улыбнулась.

— У меня просто был плохой день, — сказала она.

— Я тебя прекрасно понимаю. Просто быть в старшей школе — уже достаточно плохо, правда? Плюс к этому тебе приходится беспокоиться о том, чтобы вписаться, чтобы получить хорошие оценки, — я на секунду замолчала, прежде чем продолжить. — О парнях.

Она напряглась, и я это заметила.

— Парнях, — ухмыльнулась она.

— Ну, правда, — сказала я, пытаюсь воодушевить ее, — почему они такие отстойные?

— Не спрашивай меня. Я их вообще не понимаю, — ответила она. Она повесила свою сумку на плечо. — Они отвратительны.

— Хуже всего, когда они злые, — сказала я. — В начале года, вообще-то, в мой первый день в школе, я ударила головой об парту, и они смеялись. Как будто мы во втором классе. Какого черта?

Она пожала плечами:

— В начальной школе, по крайней мере, если они к тебе злы, это обычно означает, что ты им нравишься.

— Точно.

— Теперь же это означает только то, что они мудаки.

Я засмеялась. Она тоже.

— Кстати, я Брук, — представилась я.

— О, я знаю, — ответила она. — Я Амелия.

— Подожди, откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Ты — та девушка, которая упала в обморок в холле.

Супер. Люди знают меня как слабачку.

— А еще у тебя репутация не очень дружелюбной девушки, — призналась Амелия.

— Что?

— Ну, я просто слышала, что у тебя здесь нет друзей. А точнее, подруг. Что тебе вообще не нравятся девушки.

Я разозлилась. Я каждый день рвала задницу, чтобы казаться дружелюбной по отношению к этим сучкам, которые прогуливаются по холлу старшеклассников с таким видом, словно являются собственниками этого места. А они обо мне вот так. Какого хрена?

— Мне не следовало это говорить, — сказала Амелия.

Видимо, на моем лице отразилась злость.

— Нет, все нормально. Мне действительно нравится держаться в одиночку, — сказала я.

Я становилась рассеянной. Я хотела вернуть разговор назад к Амелии и к тому, почему она считает парней мудаками.

— Может, они просто завидуют, — предположила Амелия. — Возможно, они думают, что ты хочешь увести у них парней, потому что ты очень хорошенькая, — она застенчиво улыбнулась.

Я засмеялась.

— Вряд ли. Но спасибо за комплимент. Я не собираюсь встречаться с кем-либо из неудачников из этой школы, хотя, должна признать, тот парень Тим из моего класса довольно милый.

Я мысленно себе поаплодировала. Последняя фраза появилась из ниоткуда, и она была идеальна.

Поведение Амелии мгновенно изменилось. Она не выглядела испуганной. Она выглядела взбешенной.

— Я что-то не то сказала? — спросила я.

Она покачала головой:

— Ты говоришь о Тиме Шелтоне?

— Ага.

— Просто совет. Держись от него подальше.

Она двинулась к двери из туалета.

— Подожди! Почему? — спросила я.

— Он один из мудаков, — сказала она и открыла дверь.

Я догнала ее и прижала дверь рукой, снова закрывая ее.

— Скажи мне почему, — попросила я.

— А? — Амелия нервно перекидывала сумку с плеча на плечо, пытаясь удобно ее пристроить. — Мне нужно идти, — сказала она.

— Амелия, я... Мне на самом деле надо, чтобы ты мне сказала, почему Тим — мудака, — сказала я мягко.

— Мне нужно идти, — повторила она.

— Пожалуйста, — умоляла я. — Я не скажу ни одной живой душе.

— Убирайся с дороги.

— Он заставил тебя сделать что-то, чего ты не хотела?

Амелия попятилась к двери, как испуганный кролик.

— Что ты слышала? — прошептала она. — Они снова пустили этот слух?

— Какой слух?

— Не прикидывайся душой! — закричала она. — Тот слух обо мне. Это неправда! Я не хотела делать это! Я сказала ему «нет».

Она уронила сумку и обхватила себя руками.

— Я не знаю ни о каких слухах, Амелия, — сказала я.

— Да, конечно! В конце лета, перед самым началом учебного года об этом все говорили.

— Я здесь новенькая. Я не слышала никакого слуха, — сказала я.

Я подошла к ней, и она отступила.

— Все нормально. Я хороший человек.

Я видела, как в ее глазах заблестели слезы, потом они полились, падая на ее белую кружевную блузку. Это был инстинкт. Не успев подумать, я обхватила ее руками. Обнимать кого-то, кого я едва знаю, вообще не казалось странным, потому что в каком-то смысле я ее знала. Она была Бэт. Как я и говорила Терри. Они все были Бэт.

— Думаю, он накачал меня наркотиками, — рыдала она мне в плечо. — Говорят, что я появилась на вечеринке топлес. Перед всеми, а он подстрекал меня. Я вообще-то не помню. То есть помню, но я не уверена. Я помню кровать. Я помню, что на завтра у меня текла кровь, хотя месячные еще не должны были начаться. По ощущениям, это были не месячные, и длилось это только один день.

Мне стало плохо. Я тяжело сглотнула, стараясь, чтобы меня не стошнило.

— Ты... ты рассказала родителям? — спросила я.

Амелия отстранилась. Она утерла лицо и покачала головой.

— Я не была уверена, что случилось. Я должна была сказать им, но я не была уверена, — сказала она, а затем добавила тише: — Мне было стыдно.

— Ты не сделала ничего плохого, — сказала я.

Она кивнула, словно хотела мне верить, но не могла.

— Амелия, ты действительно не сделала ничего плохого. Он тобой воспользовался. Как ты и сказала, он мудака.

Внезапно она посмотрела на меня очень обеспокоенно.

— Ты не должна никому говорить, — сказала она. — Пообещай мне.

Я вздохнула:

— Это не мое дело.

— Хорошо.

— Но я бы хотела, чтобы ты рассказала своим родителям, Амелия.

— Что теперь с этим сделаешь, Брук? Прошли месяцы. Я не обращалась в больницу после этого. Все равно невозможно доказать, что он что-то сделал, — сказала она.

— Есть твои слова, — сказала я.

— Ага, — усмехнулась она. — Они ничего не стоят.

ГЛАВА 15

— Бэт? Я подумала, мы могли бы сходить сегодня в торговый центр, — сказала я, задерживаясь в дверях ее спальни. Она лежала на кровати лицом к окну.

— Зачем? — равнодушно спросила она.

— Ну, в «The Limited» распродажа, — ответила я. Я подошла к ее кровати и осторожно села.

— Нет, спасибо, — сказала Бэт.

— Сегодня пятница, — произнесла я. — Чем ты хочешь заняться?

— Лежать здесь.

— О.

Мы молчали в течение нескольких минут.

— Ты не должна оставаться, Брук. Иди, погуляй с Грэтхен или кем-то еще.

Я сняла обувь и легла рядом с ней.

— Я не хочу тусоваться с Грэтхен. Я хочу остаться здесь с тобой.

Бэт повернулась и посмотрела на меня.

— Я думаю, Финн разочарован во мне, — произнесла она. — Я не хочу, чтобы он физически был со мной, а он все беспокоится об этом.

Я напряглась, не зная, что сказать. Странно слышать, как Бэт говорит о Финне и их физической близости. Я знала, у них был секс. Знала, что они, вероятно, все еще занимались сексом даже при том, что он был со мной. У меня совсем нет самоуважения?

— Я чувствую себя потерянной, Брук. Не знаю, что делать, — сказала Бэт.

Я взяла ее за руку.

— Ты не должна ничего делать, Бэт. Ты можешь просто лежать здесь. Это нормально.

— Ты останешься со мной?

— Конечно.

— Но разве ты не хочешь повеселиться сегодня? Пойти на вечеринку или еще куда? — спросила Бэт.

— Неа. Я хочу побыть с тобой.

— Я не очень веселая сейчас, — призналась она.

— Все в порядке, — ответила я.

Некоторое время мы лежали в тишине. Я начала считать точки на потолке.

— Что мне сделать, Брук?

Я хотела посоветовать ей, поговорить с родителями, поговорить с врачом. Хотела предложить ей, выдвинуть обвинения. Хотела посоветовать ей быть храброй. Но не стала.

— Тебе просто нужно время.

— Сколько времени?

— Я не знаю, Бэт.

Еще минута молчания. Я уставилась в потолок Бэт, думая о том, что сделать, чтобы моя подруга вернулась ко мне, гадая, где найти силы, чтобы перестать спать с Финном.

— Смотри, что я надела, — сказала Бэт, доставая из-под футболки потускневшую половинку сердца.

Я повернулась к ней лицом.

— Я подумала, медальон хорошо будет смотреться с моим сегодняшним нарядом, — произнесла она.

Я хихикнула.

— Как ты считаешь, может, мы должны снова начать их носить? — спросила Бэт.

Я кивнула:

— Определенно.

Бэт улыбнулась:

— Думаешь, мы всегда будем лучшими подругами?

Я улыбнулась, вспомнив, как Бэт ответила на этот вопрос, когда нам было по восемь лет.

— Конечно. Почему бы и нет?

Она засмеялась, тоже вспомнив это.

— Точно. Почему бы и нет?

— Ты убиваешь меня, Бэт, — выдохнула я в черноту своей спальни.

Я ходила по комнате, одетая в чистую пижаму, потому что предыдущая пропиталась потом. Я так устала просыпаться каждую ночь, покрытая потом. Мое лицо ощущалось стянутым из-за высохших слез. Я сильно потерла щеки, пытаюсь стереть эту стянутость, но все, чего я добилась, лицо заболело сильнее.

— Я стараюсь изо всех сил, — произнесла я.

Старайся лучше.

Я развернулась и уставилась в противоположный угол комнаты.

— Кто там? — прошептала я, чувствуя толчки в груди и боль в пальцах.

Ничего.

— Бэт?

Он изнасиловал меня.

Я хотела бежать к двери спальни, но была уверена, она заблокирует выход. Должна ли я позвать папу? Я сходила с ума от страха.

Он изнасиловал меня, Брук. Что ты с этим сделаешь?

— Я... Я работаю над этим. Я знаю о лиге, Бэт. Я знаю о других.

Меня не интересуют другие. Почему ты еще не добралась до Кэла?

— Ты слышишь себя? — плакала я. — Слышишь, что просишь меня сделать?

Это был твой план, Брук. Не я его придумала. Но у меня было время подумать, и мне он понравился.

Я стояла ошарашенная, уставившись на призрак.

Разве ты этого не заслуживаешь? Ты спала с моим парнем. Ты лгала мне. Ты презренный человечиска. Разве ты не заслуживаешь, чтобы с тобой обращались, как с дерьмом?

— Нет! Я не заслуживаю этого! Нет! — кричала я в угол комнаты.

Заслуживаешь. Заслуживаешь. Заслуживаешь. Заслуживаешь...

— Заткнись!

Заслуживаешь. Заслуживаешь. Заслуживаешь...

— ПАПОЧКА! — закричала я. — ПАПОЧКА!

Я услышала, как распахнулась дверь в мою комнату и почувствовала, как папины руки обняли меня. Я открыла глаза, ошеломленная и смущенная.

— Это был просто сон, — сказал папа. — Ты в порядке, дорогая, — и он качал меня из стороны в сторону, пока я плакала у него на груди.

— Мне страшно! — простонала я.

— Не бойся. Я рядом, — успокаивал меня папа. Он продолжал укачивать меня, поглаживая волосы и успокаивая, и мои всхлипы становились все тише и реже.

— Пожалуйста, не уходи, — попросила я, прижимаясь к нему.

— Я никуда не собираюсь, Брук, — ответил папа.

Я ослабила свою отчаянную хватку, и он посмотрел мне в лицо.

— Тебе снова снилась Бэт? — спросил он.

Я неохотно кивнула.

Папа ничего не сказал. Он просто держал меня, пока я не сказала, что не хочу спать в своей комнате. Он вывел меня наружу, и я почувствовала, как злая и недовольная Бэт парит в углу моей спальни.

Утром за завтраком папа внимательно наблюдал за мной. Я была бледной и чувствовала себя не очень хорошо. Думаю, мой сон во сне вытянул из меня часть жизни. Я была в ужасе. Пыталась успокоить руку с ложкой хлопьев, которую подносила ко рту, но бесполезно. Меня сильно трясло, и папа, не выдержав зрелища моей попытки поесть, выдернул столовый прибор из моей ослабевшей руки.

— Папа, я не ребенок, — сказала я. Но чувствовала себя в этот момент именно так и хотела снова разрыдаться.

— А кто сказал, что ты ребенок? — спросил папа.

Он набрал в ложку хлопьев и поднес ее к моему рту. Я позволила кормить себя, потому что была голодна, а папа справлялся намного лучше меня.

После того как я с криком проснулась прошлой ночью, папа привел меня вниз. Он сделал мне чай и включил рождественский фильм. На дворе середина ноября, но он выбрал «Чудо на 34-й улице», думаю, потому, что это безобидный и милый фильм. И полон надежды. Думаю, он решил, что этот фильм убаюкает меня, и я мирно усну, слушая приятный голос молодой Натали Вуд, рассматривающей бороду Криса Крингла. Я прижалась к папе и уснула на его груди, слыша, как в подсознании, раз за разом, повторяется известная фраза из конца фильма: «Ты не должна терять веру!».

— Брук? — обратился ко мне папа, когда я съела последнюю ложку хлопьев.

— А?

— Мне кажется, ты должна с кем-нибудь поговорить, — сказал он. — Я подумал о твоём старом психоаналитике. Я могу записать тебя. Что думаешь?

Я откинулась на стуле и скрестила руки на груди.

— Это потакание желаниям, пап, — произнесла я через мгновение. — У меня до сих пор случаются приступы панической атаки. Чем мне поможет эта болтовня?

— Ну, пока ты туда ходила, тебе было лучше, — сказал папа. — Помнишь? Атаки пошли на спад.

Я вздохнула.

— Ты подумаешь об этом? — спросил он.

Я кивнула.

— И это не потакание своим желаниям — совершать поступки, которые делают тебя счастливой и здоровой, — добавил он.

Я улыбнулась, просто чтобы успокоить его. Он меня не убедил.

К среде я почувствовала себя самой собой. Все еще винила себя, но уже не тряслась. Больше не боялась спать в своей спальне. Больше не считала Бэт злым призраком, ненавидящим меня всей душой. Что-то происходило в моей голове, и на следующей неделе я планировала разобраться, что именно, с помощью старого психоаналитика, доктора Мерривезер. Боже, я ненавидела ее имя. Из-за него мне казалось, что я не могу говорить с ней о своих проблемах, словно в ее офисе я должна быть солнечной и улыбчивой, потому что она была счастлива. Или, по крайней мере, ее фамилия это предполагала.

— Я хочу, чтобы ты кое-что сделала для меня, — сказал папа за ужином.

— Правда? Что именно? — ответила я.

— В четверг в спортклубе семейный вечер, — сказал папа. — Я хочу, чтобы мы пошли. Я засмеялась.

— Ты издеваешься надо мной?

— Нет. Я думаю, побегав и потягав гантели, ты сможешь разобраться с тем, что происходит с тобой, — ответил папа.

— Пап, ты же не серьезно? Семейный вечер? Это же отстой.

— Полный отстой. И мы идем, — заявил папа.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я прищурилась. Только тогда я поняла, что за последнюю неделю папа был в тренажерном зале целых три раза. Он купил членство в клубе для нас в начале учебного года, но не ходил. Я как-то зашла, но я не из тех, кто ходит в спортзал. Я предпочитала уединенные прогулки или занятия под видео в комфорте и уединении своей гостиной. С задернутыми занавесками, конечно.

— Кто она? — спросила я.

— А? — папа собрал тарелки и отнес их в раковину.

— Кто эта женщина, ради которой ты тренируешься? Она будет там, в четверг вечером? Поэтому ты так настаиваешь на нашем походе туда?

— Брук, не представляю, о чем ты говоришь, — ответил папа, но он не обернулся и не посмотрел мне в лицо, когда говорил это.

Я вскочила из-за стола.

— Боже мой, папа! Я хочу знать! — завизжала я, и Бэт, мои ночные кошмары, мое чувство вины — все тут же исчезло.

Папа, наконец, обернулся, глупая улыбка озарила его лицо.

— Ты совсем забыла об осеннем собрании, Брук? — спросил папа.

— Что?

— С твоими учителями, — пояснил он.

— Нет, не забыла. Ты встречался с миссис Хэйс, — сказала я. — Она старше, чем мир. И замужем.

Папа хохотнул:

— Да, я встречался с миссис Хэйс. А потом я заскочил в класс английского.

Мой рот широко открылся.

— Это вышло как-то спонтанно, — он, казалось, гордился этим.

— Где я была? Почему мисс Мэннинг ничего не сказала мне?

— Потому что это не твое дело, — осторожно ответил папа. — По крайней мере, пока.

— Боже мой! Ты пригласил ее на свидание?

— Нет. Я представился, и она, казалось, знала обо мне больше, чем я. Полагаю, ты имеешь к этому какое-то отношение к этому, — ухмыльнулся папа.

Я усмехнулась.

— Я не знал, что она живет здесь. Она тоже ходит в «Игрек», — сказал он.

— Так сейчас ты ходишь в «Игрек», — произнесла я.

— У меня было членство в течение нескольких месяцев, Брук.

— Ха! Только ты никогда им не пользовался! — я подняла руки, кончиками пальцев делая жест, напоминающий шпиль. Я чувствовал себя мистером Бернсом, разрабатывая план

(Прим. Мистер Бернс — Чарльз Монтгомери Плантагенет Шикльгрубер Бёрнс, иногда Монти Бёрнс — один из главных персонажей мультсериала «Симпсоны»).

— Сейчас же прекрати, — сказал папа.

Я опустила руки.

— Ох, папа. Это самая милая и самая отвратительная вещь на свете!

Папа рассмеялся.

— Так ты пойдешь в четверг? Она должна быть там. Мы будем заниматься вместе.

— О, я ни за что такое не пропущу, — ответила я.

Должна признать, семейный вечер в «Игрек» был очень веселым. Я пробежала мимо с папой по закрытому треку, прежде чем мы перешли к тренажерам. Мисс Мэннинг появилась в том момент, когда папа качал бицепс на тренажере, и он попросил увеличить вес.

— Нет, пап, я не сделаю это, — ответила я.

— Брук, давай, — умолял он, но я покачала головой. Я не буду ответственной за его травму.

— Привет, Брук, — произнесла мисс Мэннинг, подходя к нам.

— Здравствуй, — ответила я и хихикнула.

Она проигнорировала это, а папа стрельнул в меня взглядом. Я пожала плечами.

— У тебя еще один подход.

Папа завершил подъемы, разговаривая с Джоанной. Теперь она была Джоанной, и мне стало интересно, что она скажет или сделает, если я назову ее по имени. Было очевидно, что папа пытается впечатлить ее, качаясь и напрягая бицепсы изо всех сил. Я захихикала.

Несомненно, их влекло друг к другу, и хотя внешнее проявление их симпатии меня смущало, я не могла не гордиться. Я постоянно нахваливала папу мисс Мэннинг, но не думала, что она слышала хоть слово. Однако, в этом не только моя заслуга. Каким-то образом, будь то любопытство или сумасшествие, папа набрался мужества и зашел в ее класс поговорить с ней.

Я заметила Кейлен, которая бродила рядом с тренажерным залом, и, извинившись, направилась к ней. Я не знала, что у семьи Райана тоже здесь членство.

— Привет, — сказала я, и она ухмыльнулась.

— Не могу поверить, что ты встречаешься с моим братом! — завизжала она. Никаких «привет», она просто сразу выдала эту фразу.

— Почему это? — спросила я.

— Потому что он мой брат! Абсолютно стремный, — Кейлен сморщила нос при мысли об этом.

Я закатила глаза:

— Вы, ребята, члены этого клуба?

— Да.

— Вы приехали на семейный вечер?

— Ага.

Я выдохнула.

— Так твой брат здесь?

— Грубо. Но да, он здесь. Он в бассейне.

— Бассейн? — я должна была отдышаться.

— Да, Брук. Бассейн.

— Спасибо, Кейлен, — мило ответила я и пошла в противоположный конец здания.

Райан был на дальней дорожке, и, мой Бог, на нем не было рубашки. Очевидно. Ни на одной из наших встреч я не видела его без рубашки. Да, я трогала его руки и грудь время от времени, но существует большая разница между тем, чтобы видеть и чувствовать.

Он был в середине взмаха. Я не знала названия данного стиля. Он нырял и выныривал из воды, кружа руками над головой. Он остановился в конце дорожки на противоположной стороне бассейна и поднялся по лестнице.

Милостивый Боженька на небесах.

Он был красив. Я подумала, что нечестно, что он так красив. Почему Бог делает это? Создает некоторых настолько красивыми, что на них почти больно смотреть? В то же время остальные из нас, по сравнению с ними, выглядят, как кучка уродов. Я осмотрела свою одежду для тренировки. Вообще-то на мне был милый наряд, и я думала, что нормально выгляжу, но, когда я посмотрела на Райана, как вода струится, обтекает со всех сторон его упругие мускулы, я мгновенно почувствовала себя уродкой. Я хотела уйти, но не могла отвести глаз от его груди. Я хотела оказаться под ней. И не хотела, чтобы он обсох, прежде чем окажется на мне.

Ноги сами понесли меня, и прежде чем я осознала, что делаю, я уже стояла рядом с ним.

— Если бы я знала, что ты придешь, я бы взяла с собой бикини, — произнесла я.

Он резко поднял голову, уставившись на меня, как будто бы его поймали. А затем его лицо расслабилось.

— Привет, Брук, — сказал он.

— Ого. Защитные очки, шапочка и прочее, — ответила я. — Ты основательно подготовился.

— Полагаю, — ответил он, держа в руках вещи для плавания.

— Так как называется последний стиль, которым ты плавал?

Он встал и подошел к скамейке, чтобы взять полотенце.

— Стиль батерфляй, — ответил он.

— Выглядит сложно, — заметила я, наблюдая за тем, как он вытирает руки. Теперь я понимала, почему у него такие руки. Не рубка дров. Плавание.

— Не самый любимый.

Он обернул полотенце вокруг талии.

— Ты много плаваешь?

Он кивнул.

— Почему ты не плаваешь за школу? — спросила я. Не то, чтобы я хотела, чтобы он стал частью нашей команды.

Он ухмыльнулся.

— Ты полна вопросов, не так ли?

— Просто любопытно, вот и все.

— Ну, ты знаешь, что случилось с любопытной Варварой, — поддразнил он.

— Отстой, — ответила я, закатывая глаза, и он рассмеялся.

— Я плаваю ради удовольствия. Я не умею плавать для соревнований. Делаю это только для себя, — сказал Райан.

— Но, кажется, ты в этом хорош, — ответила я. — То есть, я немного смыслю в плавании, но у тебя хорошо получалось. Достаточно хорошо, чтобы съесть. В смысле, соревноваться! Достаточно хорошо, чтобы участвовать в соревнованиях.

Я уставилась на его грудь.

— О, Бруклин, — произнес Райан, улыбаясь и качая головой. Он знал, чего я хотела, и решил быть великодушным. Он обнял меня и прижал к своей обнаженной груди. Это неуместно в «Игрек», но мне все равно. Однако я удержалась от того, чтобы поцеловать его грудные мышцы. У меня осталось немного достоинства.

Я позволила себе потеряться в его мускулах. Если бы я сконцентрировалась, то смогла бы почувствовать каждый, они были прижаты к моим плечам, лицу, спине. Они проглотили меня, и малейшее движение заставляло их сокращаться, а меня пьянеть от сексуального желания. Его кожа была гладкой, пахла его особым ароматом, смешанным с запахом хлора из бассейна. Хлор? Не солевая система? Это спортзал старой школы.

Райан отпустил меня, когда подошла сестра.

— Меня сейчас стошнит, — сказала она.

Такая королева драмы. Но милая, так что я не возражала.

— Что ты хочешь, Кейлен? — спросил Райан.

То, как он сказал это, было забавно. Он будто бы уже был раздражен из-за нее, а она ведь только подошла. Но без злобы. Напротив, он, казалось, втайне наслаждался вмешательством своей сестры, и в этот момент я подумала, что он ее очень любит и не будет возражать, если она будет мешать ему всю оставшуюся жизнь.

— Ты обещал показать мне, как пользоваться тренажерами, — ответила Кейлен.

— Я знаю.

Райан не двигался. Он дразнил ее.

— Ну?

Она прижала ладони к бедрам.

— Что, ну? — спросил Райан.

— Ты идешь?

— Иду куда?

— Райан! — она со злости топнула ногой.

Он ухмыльнулся.

— Оооо, ты хочешь, чтобы я показал тебе сейчас?

Кейлен решительно посмотрела на него.

— Смешно, Райан.

Он хмыкнул.

— Я должен сначала переодеться. Почему бы вам не пойти вперед, а я подойду через минутку?

Мне хотелось пойти с Райаном в раздевалку, но я подумала, что у меня из-за этого будут проблемы. Вместо этого я послушалась его и пошла с Кейлен в тренажерный зал.

— Ты действительно нравишься Райану, — сказала Кейлен, пока мы бродили у двери, ожидая ее брата.

— Нравлюсь? — я почувствовала трепет своего сердца.

— Мммм. Вы, ребята, вместе рисуете картину? — спросила она.

— Да. А что?

— Просто любопытно. Райан сказал мне, но я не поверила, потому что он не умеет

рисовать, или писать, или делать такие вещи, — добавила Кейлен. — А картина красивая, поэтому я не думаю, что он помогал тебе.

Я засмеялась:

— Ну, он помогал. Возможно, он займется со мной рисованием, — предположила я.

— Если он сможет найти время в своем графике видеоигр, — ответила Кейлен.

Я улыбнулась и помахала приближающемуся Райану, подумав, что я бы не возражала, если бы в его игровом расписании осталось мало времени для рисования, если бы я участвовала в этих играх.

ГЛАВА 16

— Здравствуйте, мисс Мэннинг, — произнесла я, садясь на свое обычное место. До урока оставалось пятнадцать минут. Я особо не хотела есть, поэтому не пошла в кафетерий. Я знала, сейчас урок у мисс Мэннинг, и подумала, что вместо этого хотела бы поболтать с ней.

— Могу я помочь тебе, Брук? — спросила она.

— Да, вообще-то, можете, — ответила я.

Она задержала дыхание и уставилась на меня.

— Я хотела бы знать, что вы сделали с моим отцом, — спросила я. — Потому что внезапно он бежит и наполняет холодильник отвратительной здоровой едой и поет в душе.

Да, на днях, я слышала, как он пел в душе. И это было ужасно.

Мисс Мэннинг хихикнула. Взрослая женщина хихикнула. Я подняла брови в недоумении.

— Брук, я не буду с тобой это обсуждать, — ответила она.

— Мисс Мэннинг, давайте! Он приглашал вас на свидание?

— Не твое дело.

— Он вам нравится?

— Брук, пожалуйста.

— Я теперь получу «отлично» за все свои работы в вашем классе?

— Брук! — она выглядела возмущенной, если конечно можно выглядеть возмущенной, улыбаясь.

Я решила продолжить провоцировать ее.

— Я просто подумала, если вы с моим папой однажды решите пожениться, я должна получать только «отлично» на ваших уроках. По-моему, честно. Это же я вас свела.

— Кто говорит о женитьбе?! — вскрикнула она.

— Мисс Мэннинг, сейчас прогрессивные времена, но я — старой школы. Я не могу позволить вам жить с моим отцом в грехе. Вы сначала должны пожениться, прежде чем жить вместе.

— Бруклин Райт! Это совершенно неуместно!

Я хмыкнула, но промолчала.

Теперь, если ты решишь остаться здесь, пока не начнутся занятия, то ты должна молчать. Я проверяю работы. У меня нет времени, чтобы говорить о твоём отце, который, как оказалось, пригласил меня в пятницу вечером.

Она не отводила глаз от работы, но я заметила, как на ее губах заиграла небольшая улыбка.

— Понятно, — ответила я и подумала обо всех советах, которые мне нужно дать моему отцу перед свиданием.

Я рассмотрела все варианты. На самом деле у меня их не было, но я притворилась. Это абсолютно нечестно, но я должна перестать быть эгоистичной хотя бы на одну ночь в своей жизни. Дом был полностью в моем распоряжении, и Райан тоже, и от этой мысли я ощущала отчаяние и пустоту. А потом я вспомнила о Мелани и Тейлор, девушках, которые, определено, будут на вечеринке — я не могла бросить их на растерзание волкам. Я владела информацией и должна была действовать соответственно. Самое неудачное время, но я подумала, что так формируется характер. Я не принесу этих девушек в жертву сексу, которого они не хотят, просто чтобы заняться сексом, которого хочу я.

— У Кэла вечеринка, и мы идем, — сказала я Грэтхен по телефону в пятницу днем.

— Мы? — спросила она. — Почему?

— Потому что я знаю, что девушки, которые там будут, участвуют в текущей игре, — ответила я. — Я хочу присмотреть за ними.

— Оооо, — протянула Грэтхен. Возникла пауза, прежде чем она продолжила. — Ты знаешь, Брук, ты не сможешь обеспечивать им безопасность все время.

— Я знаю, Грэтхен. Но в этом конкретном случае, могу. Я знаю, кто там будет, и у меня есть довольно четкое представление о том, что произойдет, если меня не будет, чтобы остановить это.

— А что потом? Ты продолжишь ходить на вечеринки? Срывать планы этих парней? В конце концов, они получают то, чего хотят. Ты не сможешь быть везде в одно и то же время. Ты не сможешь ходить с ними на свидания. Ты должна преподнести это дерьмо прессе.

Я вздохнула с разочарованием.

— Грэтхен, я работаю над этим. Но я не готова подвергать кого-либо опасности. У меня мало информации. Пожалуйста, ты можешь быть терпеливой?

Грэтхен фыркнула.

— Откуда ты знаешь, что Кэл хочет видеть нас там? Я имею в виду, после того то свидания?

— Он пригласил меня, — ответила я.

— Он пригласил?

— Да. Сегодня после школы, — ответила я. — Ему кажется, что свидание прошло довольно хорошо.

Грэтхен расхохоталась.

— Он идиот? — спросила она.

— А ты как думаешь? — ответила я.

Грэтхен хмыкнула.

— От него у меня мурашки по коже. Не знаю, как я буду смотреть ему в глаза после того, что ты рассказала мне.

— Знаю, но ты должна не подавать вида. Не испортить мне все, Грэтхен, — предупредила я.

— Не испорчу! Успокойся. Просто невыносимо знать что-то настолько ужасное о человеке и чувствовать себя бессильной что-либо сделать, — произнесла Грэтхен.

Я задумалась на мгновение.

— Да. Как ты думаешь, эти девушки все чувствуют?

— Думаешь, другие тоже накачивают девушек наркотиками? — спросила Грэтхен.

— Да.

— Как ты думаешь, сколько их?

— Ну, я пока не могу найти конкретные доказательства насчет Паркера. Он трусливый сукин сын. Но думаю, что он один из них. А еще я думаю, что тот парень — Тим — тоже. Вообще-то, я знаю, что он из них.

— Откуда? — спросила Грэтхен.

— Девушка из школы сказала мне, — ответила я.

— Она сказала? — Грэтхен была шокирована.

— Я чувствовала отвращение к тому, что она рассказала мне. У меня сердце колотилось. Я рассказала ей о разговоре с Амелией, опуская ее имя. Грэтхен и я сидели в тишине некоторое время.

— Бедная девочка, — прошептала она. — Она даст показания?

— Думаю, возможно, она бы дала, если бы дали и другие. Сила в количестве, как-то так, — ответила я.

Грэтхен вздохнула.

— Я никогда не ходила на вечеринки с другой целью, кроме как напиться и повеселиться. Это странно.

— Что странно?

— Идти на вечеринку с конкретной миссией, — ответила она. — Я хочу помочь этим девушкам, Брук. Я хочу защитить их.

Я улыбнулась.

— Я рада. Но Грэтхен, пожалуйста, не бей никого из этих парней. Это испортит всю секретность операции.

— Поняла. Не бить, — сказала она.

Когда мы разъединились, я отправилась донимать папу его свиданием. Перечислила ему все приемлемые виды поведения на первом свидании и все неприемлемые.

— Брук, знаешь, я уже ходил на свидания в прошлом, — произнес он терпеливо.

Это было для меня новостью. Я думала, он знал маму с рождения, начал встречаться с ней в средней школе и женился сразу после окончания.

— Ходил?

— Смешно, — ответил папа. — Я встречался с несколькими девушками в колледже.

— Отвратительно. Не рассказывай мне больше, — ответила я.

Папа хохотнул.

— Во сколько ты за ней заезжаешь? — спросила я.

— В семь.

— Ты наденешь то, что мы обсуждали? — я подняла бровь, подначивая его возразить.

— Брук, ты потратила на этот наряд три сотни долларов из моих с трудом заработанных денег, — ответил он. — Да, я надену его.

В среду после школы я воспользовалась кредитной картой отца, чтобы купить ему темные приталенные джинсы, облегающую рубашку с воротником и повседневный твидовый пиджак, для свидания в пятницу. Я был горда собой за все эти покупки. Отец, напротив, был зол и хотел вернуть все назад.

— Для начала просто примерь! — потребовала я. — Ты не пойдешь на первое свидание, на котором не был триллион лет, выглядя как типичный занудный отец!

Папа смягчился и переоделся.

— Пять лет, Брук. Прошло пять лет, — сказал он, он вышел из своей комнаты и остановился в прихожей, выглядел он потерянным.

Я думаю, впервые за годы он чувствовал себя стильным, и ему было неуютно. Однако чем дольше он носил свою новую одежду, тем увереннее становился. Было интересно наблюдать за преобразованием, происходящим у меня на глазах. Из ботаника в брутала за десять минут.

— Мне стыдно, что одежда такая дорогая, — пробормотал он, теребя ткань пиджака.

— Папа, это классика. Она никогда не выйдет из моды. Ты можешь носить это вечно, — объяснила я.

— О, серьезно?

— Абсолютно.

Я стояла перед зеркалом в полный рост, оценивая свой наряд: облегающие джинсы, заправленные в коричневые сапоги до колена, украшенные большими пряжками на лодыжках и икрах. Мои любимые сапоги. Каблуки у них идеальной высоты. Это моя единственная пара обуви с идеальными каблуками, они добавляют пять сантиметров к моим метру и шестидесяти двум сантиметрам. Я надела блузку в цветочек на пуговицах и подходящий к ней вельветовый пиджак цвета клюквы. Я выглядела мило и небрежно, длинные прямые светлые волосы убраны назад тонким светлым ободком. Я надела золотые серьги-кольца и золотые браслеты на запястье. Это была моя версия полицейской формы. Я была готова служить и защищать.

Я сообщила отцу, что провожу время с Грэтхен. Я не смогла сказать ему, что мы пойдем на вечеринку Кэла. Думаю, ему не следует знать. Это только смутило бы его. Я чувствовала небольшую вину за то, что солгала Райану. Он спросил, свободна ли я сегодня вечером, и я сказала, что уже договорилась с Грэтхен. Он, казалось, не обратил внимания на мою ложь о том, что у нас девичник у нее дома, и это заставило меня чувствовать себя еще хуже.

Я заехала за Грэтхен около десяти, и мы направились на вечеринку. Я понятия не имела, чего ожидать, когда мы доберемся до дома Кэла. Я его никогда не видела. Мы припарковались ниже по улице и пошли пешком к его дому. Это был один из тех нелепых домов за 900 тысяч долларов, отделанный кирпичом, камнем и всеми остальными элементами, которые только можно придумать для отделки фасада. Чересчур ухоженный газон. Мне показалось, что я стою в бизнес-парке.

Дом уже был украшен к Рождеству. Повсюду на деревьях и на доме светились белые огоньки. На окнах развешаны венки, в них свечи. Мне понравились украшения, но захотелось прийти сюда как-нибудь вечером и повесить на один из кустов цветную гирлянду. Дому требовалась бунтарская жилка.

Мы постучали в дверь, но никто не ответил. Я услышала музыку внутри и подумала, что там довольно громко, чтобы слышать стук в дверь с улицы. Я толкнула дверь.

Эта вечеринка была гораздо более спокойной, чем у Таннера. Дом Кэла был дорогим. Мебель выглядела дорого. Пол, на котором мы стояли, выглядел дорого. Черт, даже краска на стенах выглядела дорого, и все, казалось, понимали это. Никто не станет дебоширить в таком доме. Были еще танцы, но Кэл отодвинул мебель в сторону, прикрыв ее простыней. Я подозревала, что он убрал всю дорогую стеклянную посуду и аксессуары. Столы и этажерки были пусты. Он был осторожен, и в этом был смысл. Он был осторожен во всем, что делал.

— Привет, Брук, — сказал Кэл, подходя к нам.

— Привет, — ответила я. Я мило улыбнулась, и это, казалось, обнадежило его.

— Извини за то, что выпил пива на нашем свидании. Я должен был извиниться несколько дней назад, но ты была занята, — сказал он.

Это звучало странно, но я точно знала, о чем он говорит. Он видел меня, когда я несколько раз общалась с Райаном в перерывах между занятиями. Он знал, что что-то происходит между нами.

— Не беспокойся, — ответила я.

— Нет-нет. Я был полным мудаком. Мне не нужно было пить, — добавил Кэл.

Не нужно было напиваться.

Я не знала, что сказать.

— Бывает.

— Нет, Брук, — Кэл был настойчив. — Этого не должно было произойти. У меня есть манеры. Я все знаю, и я чувствую себя полным придурком. Меня просто напугала ситуация с Паркером. Я не знал, что он сделал с тобой. Вы, девчонки, нормально доехали до дома?

Кэла было трудно понять. Порой он вел себя как полный идиот, а порой как рыцарь в сияющих доспехах. Как будто у него было раздвоение личности.

— Ага. Но ты должен нам за такси, — сказала Грэтхен.

Я напряглась.

Кэл нахмурил брови на секунду, потом еще раз улыбнулся приятной улыбкой.

— Ты права.

— Нет, она не права, — возразила я. — Все нормально. Не волнуйся об этом.

— Нет, я хочу вернуть тебе деньги за такси, — ответил Кэл. — Это наименьшее, что я могу сделать.

— Пожалуйста, Кэл, — сказала я. — Я не могу взять твои деньги. Я не возьму твои деньги.

Я видела, что он достает кошелек, и перехватила его руку.

— Я не возьму их, — прошептала я. — Все в порядке. Все, что мне было нужно, это извинение.

Кэл заколебался. Он хотел было возразить, но вместо этого засунул бумажник обратно в карман.

— Девчонки, хотите выпить? — спросил он, смотря в сторону кухни.

— Эм, мне только воду, — сказала я. — Я сегодня за рулем.

— Понял. А тебе, Грэтхен? — спросил он.

— Я тоже буду воду, — ответила она.

Кэл странно посмотрел на нее.

— Ты тоже за рулем?

— Я могу веселиться без выпивки, — сказала она, глядя на него, как на добычу, которую она была готова растерзать.

Кэл хмыкнул.

— Я не знал, что такое возможно.

Грэтхен открыла рот, чтобы ответить, но я остановила ее.

— Мы будем на танцполе, — произнесла я. — Спасибо за воду, — и утатила Грэтхен прежде, чем у нее появилась возможность сделать еще одно дерзкое замечание.

— Что с тобой не так? — зашипела я, пытаюсь уловить ритм песни, пока в моей голове прокручивался разговор. У меня были проблемы с многозадачностью.

— Ты похожа на дуру, Брук, — ответила Грэтхен, покачивая бедрами, как исполнительница танца живота.

— Грэтхен держи свой рот на замке остаток вечера, — потребовала я. — Поняла?

Я остановилась и закрыла глаза, концентрируюсь на ритме песни, пока как я думала, не обнаружила его. Я снова начала танцевать, и Грэтхен расхохоталась.

— Пожалуйста, ты можешь отойти от меня? Симпатичный парень смотрит на меня, а ты полностью убиваешь мою харизму.

Я закатила глаза и сдалась. Обычно я хорошо танцую. Нет, не хорошо. Отлично. И обычно уже через десять минут на танцполе кто-нибудь ходил вокруг меня на цыпочках, пытаюсь завладеть моим вниманием. Сегодня же я выглядела глупо. Просто глупо, как человек, который не часто выбирается на вечеринки. Я знала, в чем проблема. Я была взвинчена до предела, боялась потерять контроль над собой, потому что пыталась быть храбрее, чем была на самом деле. Я взвалила на свои плечи единоличную ответственность — заботиться о незнакомцах, а на вечеринке было столько народу, и я боялась, что даже не смогу найти их, пока не станет слишком поздно.

— Я сделаю пару кругов, — произнесла я. — Посмотрю, смогу ли найти Мелани и Тэйлор.

Грэтхен стала серьезной, как только вспомнила, зачем мы здесь.

— Ты займись Мелани, — сказала она. — Я возьму на себя Тэйлор.

Прежде, чем разойтись, мы разработали план. Я показала Грэтхен прошлогоднее фото Тэйлор, заставила ее изучить его, запомнить каждую деталь, чтобы она смогла выследить ее на вечеринке. Я сделала то же самое с Мелани. Наша цель — участвовать в любых занятиях, которые покажутся нам подозрительными. Тэйлор была в команде Аарона, а я пока не была уверена в нем. Мелани была в команде Тима, и я точно знала, что он — проблема. Если у него сегодня появится возможность воспользоваться Мелани, он так и сделает.

Кэл подошел с бутылками воды, прежде чем мы начали. Он хотел поговорить со мной немного, и я вдруг поняла, что он планировал быть рядом со мной весь вечер. Грэтхен ушла, чтобы начать расследование, и я почувствовала себя беспомощной, словно в ловушке.

— Ну, тебе нравится «Черити Ран»? — спросил он.

— Конечно, — ответила я.

— Я заметил, что ты не участвуешь ни в каком спорте, — сказал Кэл. — Удивительно, учитывая, что у тебя хорошая фигура.

И мы возвращаемся к идиотизму.

— Спасибо, наверное, — ответила я.

— Есть причина, по которой ты не занимаешься спортом?

Что за странный вопрос?

— Наверное, я просто не очень спортивная. То есть, я стараюсь немного тренироваться, — ответила я, высматривая в толпе Мелани.

— Ну, тебе, определенно, приходится заниматься физической активностью, — заметил Кэл, — чтобы поддерживать в тонусе такое тело.

Я проигнорировала его, продолжая осматривать комнату.

— Ищешь кого-то? — спросил Кэл.

— Нет, просто рассматриваю людей.

Он сделал еще один глоток «Хайнекена».

— Я подумал пригласить тебя на соревнования по плаванию, — сказал Кэл.

— Зачем?

Он странно посмотрел на меня.

— В смысле, когда, — засмеялась я. — Я сказала «зачем»? Я имела в виду «когда».

Боже правый, у меня в мозгах каша. Когда твои соревнования? Я с радостью приду.

Плохое оправдание, но, надеюсь, сработает.

— Ну, вообще-то не раньше весны, — ответил Кэл.

— Решил заключить сделку пораньше? — небрежно спросила я.

Он ухмыльнулся.

— Да, наверное. Мы должны тренироваться в межсезонье, ты знаешь.

— Ага.

— И в пятницу после обеда у нас тренировка. Не хочешь заскочить и сделать пару снимков для ежегодника?

Это было интересно. Мы с Райаном официально не встречались, но мы все время общались в школе. Конечно, мы не касались друг друга — мы не хотели публичных проявлений чувств — но было очевидно, что мы проявляем друг к другу интерес. А Кэлу было все равно. Он не раз видел, как я болтаю с Райаном в холле, и ему было просто все равно. Я бы осмелилась предположить, что из-за этого я ему стала *более* интересна. Неделю или две назад я бы наслаждалась осознанием этого факта, радуясь возможности заманить сукина сына в ловушку. Но я менялась. Не уверена, что теперь мне нравился этот план. Когда я случайно проболталась Тэрри, все изменилось. В ответ он смотрел на меня с открытым от неверия и отвращения ртом, и я впервые осознала, как сильно запуталась. Как вина превратила меня в монстра и жертву одновременно. Теперь я хотела для себя чего-то лучшего. Я все еще хотела правосудия ради Бэт, но не думаю, что сейчас я смогла бы принести себя в жертву насильнику. Хотя тот факт, что Кэл все еще интересуется мной, заставил меня сомневаться в моем решении.

— Эээ... конечно.

Кэл выглядел довольным. Я полагала, что он просто планирует показать мне, какой он накачанный и классный.

— Хорошо. Тренировка начинается в 3.45. Так что...

— Чувак, Колин организовал игру, — прервал нас Хантер, и хвала Господу за эту милость. У меня были дела поважнее.

— Интересуешься пивом? — спросил Кэл.

Я подняла свою воду и потрясла стаканом.

— Ох, точно. За рулем. Не возражаешь, если я уйду ненадолго? Я найду тебя позже, — сказал он.

— Иди. Развлекайся, — ответила я и начала пробираться сквозь толпу.

Грэтхен схватила меня за руку в коридоре наверху.

— Тэйлор здесь нет, — произнесла она.

— Откуда ты знаешь?

— Я спросила.

— О.

Мне никогда не приходило в голову спросить.

— Кто тебе сказал?

— Ее подруга, Кэрри. Она заболела вчера вечером. Пищевое отравление. Настолько плохо, что ей на самом деле пришлось ехать в больницу.

— Ну, я уверена, Аарон разочарован, — сказала я.

— Да, бедный Аарон, — ответила Грэтхен. — Придурок.

— Я только ушла от Кэла, — сказала я.

— Так. Это плохо, — Грэтхен забеспокоилась. — Вечеринка началась в девять.

Я достала мобильный. Полдвенадцатого. Уже полдвенадцатого?!

— Пришло время открыть двери, — сказала я, и Грэтхен кивнула.

Мы прошли по коридору — самый длинный коридор в мире, около сотни дверей. Я слышала приглушенный разговор у шестой двери, подошла и распахнула ее.

— Убирайся к черту! — завопил Тим, лежа на девушке, которая как я подозревала, была Мелани.

— Боже мой! Мне так жаль! Я думала, что это туалет, — соврала я, пытаюсь разглядеть получше. Она не спала, но была не совсем трезвой. — Мелани?

Она повернулась в мою сторону, посмотрела расфокусированным взглядом и усмехнулась.

— Это *мое* имя! — завизжала она.

— Мелани, я искала тебя повсюду, — сказала я, направляясь к паре. Грэтхен пошла за мной. Тим выглядел раздраженным.

— Я думал, что сказал тебе уйти, — отрезал он.

— Ты отпустишь ее, пожалуйста? — сказала я мило. — Ее отец взбешен и готов прийти сюда с заряженным ружьем. Она не должна была приходиться сюда сегодня. Так что либо отпусти ее и позволь мне забрать ее домой, либо чуть позже тебе оторвет яйца отец Мел. Твой выбор.

Тим сполз со своей предположительно накачанной наркотиками партнерши и сел на край кровати.

— Что с ней? — спросила я, пытаюсь усадить Мелани.

— Ничего, — пробормотал Тим.

— Мелани? Сколько ты выпила? — спросила я.

Она тупо улыбнулась.

— Меня зовут Мелани.

— Я знаю, — ответила я. — Теперь положи руку мне на шею. Мы поможем тебе выбраться отсюда.

— Где я? — спросила она, положив руку на мое плечо.

— В очень плохом месте, — ответила я и метнула на Тима суровый взгляд.

— Какого хрена? — спросил он.

Я не собиралась ничего ему говорить, но не могла держать язык за зубами.

— Очевидно, что она пьяна или что-то в этом роде. Почему ты был на ней?

— Иди на хрен. Как будто ты никогда не напивалась? — спросил он.

Он защищался, стиснув челюсти, готовый причинить вред. Я знала, что пора уходить.

— Давай, Мелани, — сказала я, и Грэтхен помогла мне вывести ее из спальни.

Мы уже дошли до моей машины, когда меня начало трясти. Грэтхен заметила и забрала у меня ключи от машины.

— Я поведу, — сказала она.

Я села сзади с Мелани, пытаюсь утешить ее, но я сама была не в порядке. Абсолютный страх. Я никогда не чувствовала его до этого. Я поняла, что все время действовала на чистом

адреналине, когда помогла Мелани выйти из дома, и теперь он иссяк, оставив вместо себя панику и ужас.

— Ты в порядке, Брук, — сказала Грэтхен в зеркало заднего вида. — Соберись, и скажи мне, где живет Мелани. *Не падай в обморок.*

Я приехала подготовленной. Записала в мобильный адреса Мелани и Тэйлор на случай, если мне придется везти их домой, а они будут слишком пьяны или накачаны, чтобы рассказать мне, где живут. Вообще-то я не думала, что до этого дойдет. Что, если бы я ошиблась комнатой? Что, если бы я ворвалась слишком поздно? Что, если бы дверь была заперта? Я задрожала.

— Брук! Ты в порядке? — спросила Грэтхен. — Сделай вдох и скажи мне адрес.

Правильно. Адрес. Я неуклюже вытащила мобильник и нажала неправильные кнопки раз десять, прежде чем появились записи.

— Двадцать шесть пятьдесят Вест Морелэнд-Авеню, — сказала я.

— Конечно, я понятия не имею, где это, черт возьми, — пробормотала Грэтхен и остановилась. Она ввела адрес в свой GPS, затем снова выехала на дорогу.

Дом Мелани был недалеко, но у меня было достаточно времени, чтобы успокоиться и взять под контроль свое состояние. Вместе с Грэтхен я проводила ее до входной двери и позвонила.

Мама Мелани открыла дверь, и у нее перехватило дыхание, когда она увидела, что с ее дочерью.

— Мамочка! — сказала Мелани. — Я так люблю тебя, мамочка!

— Что это? — прошептала мама Мелани.

— Миссис... э.

— Грэхем, — сказала она, отходя в сторону, чтобы впустить нас.

— Миссис Грэхем, мы были на той же вечеринке, что и ваша дочь, — сказала Грэтхен. — Мы не знакомы с Мелани, но увидели, что она сильно пьяна, и решили, что лучше отвезти ее домой.

— Боже мой, — запричитала миссис Грэхем. — *Боже мой.*

Затем она полностью потеряла над собой контроль и разрыдалась, а мы с Грэтхен устали друг на друга.

— Хорошо, — сказала я. — Первое, что нужно Мелани, это немного воды и еды. Иди, посмотри, что там на кухне.

Грэтхен кивнула. Мы посадили Мелани на диван, и Грэтхен исчезла.

— Миссис Грэхем, ваш муж здесь? — спросила я. Миссис Грэхем упала в кресло, бесконтрольно рыдая.

— Такие вещи не происходят в нашей семье! — воскликнула она.

— Миссис Грэхем, где ваш муж?

— Мы посещаем мессу каждое воскресенье. Мелани отличница!

— Миссис Грэхем! Где мистер Грэхем? — потребовала я.

— Он в командировке, — плакала она.

— Конечно, он там, — пробормотала я. Теперь я чувствовала себя ответственной, что должна позаботиться об обдолбанной дочери и ее эмоционально обезумевшей матери.

Грэтхен — спасибо Богу за Грэтхен — сделала сэндвич для Мелани и чашку чая для ее

мамы. Я задалась вопросом, какого черта она так долго, но была благодарна за чай, потому что это успокоило миссис Грэхем.

— Простите меня, девочки, — сказала она, ее руки тряслись, из-за чего чашка дребезжала.

Я сказала ей не извиняться, и что мы не можем остаться на всю ночь. Я уже почти нарушила комендантский час, а папа и так увеличил его сегодня до половины первого, потому что сходил с ума из-за своего свидания. Я не могла злоупотреблять этим.

Грэтхен пыталась накормить Мелани, которой было больше интересно целовать сэндвич, чем есть его.

— Я люблю тебя, сэндвич, — сказала она. — Ты мой любимый сэндвич.

— Мелани, ты знаешь, что ты выпила? Что приняла? — спросила я.

— Я выпила чашу люююююбви, — ответила она. — Можно мне еще?

Что? Я не эксперт в наркотиках, никогда сама не принимала. Однажды я курила травку, но мне была невыносима ее вонь. К тому же, я не словила кайф. Я просто сидела, как толстая лягушка на бревне, поглощая всю еду, которая проплывала мимо меня. Я решила, что травка только сделает меня жирной и тупой, поэтому больше к ней не прикасалась. Но Грэтхен знала о наркотиках все. В десятом классе она перепробовала все средние наркотики, пока не нашла, наконец, друзей получше. Травка, ЛСД, кокаин. Все, что угодно. Хотя она держалась подальше от мета. Она все прекрасно понимала и не хотела испортить свое хорошенькое личико.

— Под чем она? — спросила я Грэтхен. Меня не волновало, если услышит ее мать.

— Экстези, — ответила Грэтхен. — Она влюблена во все. Точно экстези и, думаю, в большом количестве.

— В достаточном, чтобы везти ее в больницу?

В этот момент Мелани вырвало на диван, и миссис Грэхем вскочила со стула.

— Да, — ответила миссис Грэхем, — в достаточном, чтобы везти ее в больницу.

Внезапно она взяла себя в руки. Включился режим матери. Что, черт возьми, было в этом чае? Она сделала глубокий вдох и утерла лицо.

— Девочки, я хочу, чтобы вы ехали за мной, пока мы не приедем туда, — сказала она. — Затем вы можете ехать домой. Я знаю, уже поздно. Я просто хочу быть уверена, что мне помогут, если потребуется. Если вам нужно, чтобы я объяснила вашим родителям, почему вы поздно вернулись домой, то я объясню.

— Нет! — ответили мы в унисон.

— Все будет хорошо, — сказала я.

Я помогла миссис Грэхем поднять Мелани с дивана. Ее вырвало на пол, и я запаниковала.

— Это из-за экстези? — спросила я Грэтхен.

— Думаю, это из-за алкоголя, — ответила она, открывая входную дверь.

Ни я, ни Грэтхен не проронили ни слова, пока провожали миссис Грэхем в отделение неотложной помощи. Я была в ужасе. Я никогда раньше не видела никого настолько пьяного или обдолбанного. В этот момент я почувствовала себя наивной и устыдилась этого. Не могу объяснить, почему. Нет ничего плохого в том, чтобы быть наивной. Нет ничего плохого в том, чтобы не принимать наркотики. И все же я чувствовала себя беспомощной, мне приходилось полагаться на информацию, полученную от Грэтхен. Я хотела владеть информацией. Я хотела контролировать ситуацию. Без этого я чувствовала себя потерянной.

Я повернула вслед за светом задних фар к входу в больницу и подумала, что убью Тима, убью без угрызений совести, если что-то случится с Мелани.

ГЛАВА 17

Тэрри подловил меня, когда я зашла на работу через заднюю дверь.

— Есть новости? — спросил он.

— Какие? — спросила я, повязывая на талию фартук.

— Не заставляй меня произносить это вслух, — ответил Тэрри.

— А-а-а, эти новости. Ну, — я немного громче зачавкала своей жвачкой и придвинулась ближе, — мы планируем сделать это сегодня. Он потрясающий, думаю, я влюбилась, — я подмигнула ему, и он вышел из себя.

— Пожалуйста, держи свое «я слишком молода для секса» при себе, — сказал Тэрри, — И расскажи мне, что происходит.

— Почему тебе не все равно? — спросила я, проходя мимо к стойке заказов, чтобы зарегистрироваться.

— Я должен объяснять очевидное? — ответил Тэрри, следуя за мной.

Я понизила голос.

— У меня уже есть один папа. Мне не нужен второй. И все в порядке. Я не пыталась добиться, чтобы меня изнасиловали, если тебя это беспокоит.

Тэрри вздохнул с облегчением.

— Но я обнаружила еще одного насильника, — продолжила я. — И я знаю, что он сегодня идет с девушкой в кино.

— Что он сделает в кинотеатре?

— Я не беспокоюсь о том, что он сделает внутри кинотеатра, — ответила я. — Я планирую остановить все прежде, чем оно начнется. Однажды мне уже это удалось. На вечеринке, на прошлой неделе.

— Райт...

— Эй, если бы я не ворвалась в ту дверь, ее бы изнасиловали, — сказала я.

Глаза Тэрри расширились.

— Да, это правда. Мы думаем, что она была под экстази.

— Кто «мы»?

— Мы с Грэтхен.

— То есть, теперь она тоже играет в крестоносца?

— Сила в количестве.

— С девушкой все в порядке? — спросил Тэрри.

— Да, слава Богу. Сегодня я помахала ей в школе, а она посмотрела на меня так, будто понятия не имеет, кто я. Вероятно, она ничего не помнит о той ночи. Это к лучшему. Если бы она помнила, ей бы, наверное, было еще хуже.

Тэрри вздохнул.

— Я говорил тебе быть осторожной. Ты думаешь, эти парни не поняли, что ты делаешь? Ты подумала о последствиях?

— Нет. А они должны. Когда я соберу всю информацию, они и их маленький блядский клуб станут историей.

— Выйдешь с этим на улицы, да? — спросил Тэрри.

— Даже не сомневайся, — и я вышла из кухни, чтобы поприветствовать своего первого клиента.

Все девочки ходят в уборную перед фильмом. Так принято, что ли. Я знала, Эшли должна зайти между 21:00 и 21:20. Фильм, на который она пойдет с Тимом, начинался в 21:30. Я вообще не беспокоилась о времени, которое они проведут в кинотеатре. Я не считала, что он настолько смелый. Но я очень волновалась из-за его планов относительно нее после фильма и думала, что смогу напугать ее так, что она его кинет и уедет на такси домой. Я даже взяла для нее денег на такси, на случай, если у нее не окажется.

Я торчала возле раковины, притворяясь, что поправляю макияж. В зеркале видела, как входят и выходят девушки, мне не надо было даже оборачиваться и контролировать входящих. И, как я и ожидала, Эшли вошла в дверь в 21:18. Прежде, чем сказать ей что-либо, я позволила ей воспользоваться туалетом. Она мыла руки через две раковины от меня, когда я заговорила.

— Видит Иисус, мы с тобой не знакомы, — сказала я ей. Она потянулась за бумажным полотенцем, — но тот парень, с которым ты пришла — ужасный человек.

— А?

— Тот парень, с которым ты пришла...

— Нет-нет, — перебила она. — То, что ты сказала перед этим. Что это означает?

— О чем ты?

— То, что ты сказала об Иисусе. Я нравлюсь Иисусу? — спросила она, ее лицо порозовело.

Господи боже.

— Я хочу сказать, он никогда об этом не говорил, но я подавала ему все эти знаки. Думаешь, я ему нравлюсь?

О чем она говорит?

— Это просто выражение, — сказала я. — Я хотела подчеркнуть, что ты меня совсем не знаешь.

— А, — ее лицо вытянулось.

— Но, возможно, ты нравишься Иисусу, — добавила я. — И он, вероятно, намного лучше, чем тот мудака, с которым ты сейчас на свидании.

— Откуда ты знаешь, что я на свидании с Тимом? — спросила она.

— Я видела вас, и уверяю тебя, Эшли, этот парень — ужасный человек, — ответила я.

— Подожди. Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Черт. Вот всегда я так. Думай быстрее, Брук.

— Ты не знала, что популярна? Твое имя все знают, — сказала я.

— Правда? — ее глаза расширились мечтательно, но недоверчиво.

Я почувствовала себя ужасно.

— Конечно. Теперь послушай меня. Я хочу, чтобы ты села в такси и поехала домой, — сказала я.

— Что?

— Брось его, Эшли.

— Почему?

— Потому что... потому что Тим встречается со многими девушками. Не только с тобой. Он не будет верным тебе и двух секунд, — сказала я.

— Ой, да мне все равно, — ответила она. — Я собираюсь бросить его в ту же секунду,

как Иисус посмотрит в мою сторону.

Я уставилась на нее.

— Ладно, Эшли. Дело не только в том, что Тим изменщик. Он плохой парень. Он делает с девушками ужасные вещи, — произнесла я.

Она выглядела заинтригованной.

— Типа связывание? — спросила она.

Она приблизилась ко мне и зашептала.

— Все нормально. Мне это тоже нравится.

Какого хрена?

— Нет, Эшли, — прошептала я в ответ. — Типа изнасилование.

Она отскочила назад, ее глаза снова расширились, но на этот раз не мечтательно или недоверчиво. На этот раз она была напугана. Я не должна была говорить этого. То есть, технически, это не было клеветой, потому что это правда, но я не хотела, чтобы слухи разошлись по всей школе.

— Я так думаю, — быстро сказал я. — Слушай, я думаю, что он это делает.

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

— Не важно. Важно то, что я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Так что иди домой. Не говори с ним по телефону или в школе. Не упоминай меня. Не говори ничего. Ладно? — я знала, что это был самообман, но должна была попытаться.

Она кивнула.

— Эшли, я серьезно. Если он позвонит тебе, не отвечай. Когда увидишься с ним в понедельник, а ты с ним неминуемо увидишься в понедельник, скажи ему, что не хочешь с ним больше разговаривать. Не называй причины. Просто сделай это. А затем уходи. Поняла?

Она снова кивнула.

— Я вызову тебе такси, — сказала я. — Вот деньги.

Она молча приняла их.

— Ты в порядке? — спросила я, набирая номер «Сити Стар Кэбз».

— Он собирался изнасиловать меня? — прошептала она.

— Я не знаю. Возможно. А может, и нет. Но теперь ты в безопасности, ладно? — сказала я, обнимая ее за плечи, пока разговаривала с диспетчером.

Прежде, чем вернуться обратно, я наблюдала, как Эшли села в такси. Мне нужно было пописать, что весьма иронично, с учетом того, что я провела в туалете весь вечер. Я завернула за угол и столкнулась с Тимом. Он схватил меня за руку и одним ловким движением потащил по коридору. Ковыляя на каблуках, я выглядела как его подружка поневоле. Я должна была сразу закричать, но была слишком удивлена таким поворотом событий. Я планировала скрыться из кинотеатра до того, как он меня заметит.

— Какого черта ты делаешь? — спросил он, отпуская мою руку и зажимая меня в угол коридора.

— Я заору во все горло, если ты что-нибудь сделаешь, — предупредила я.

— По какой причине ты портишь мои свидания? То есть, кто ты вообще такая?

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — ответила я.

Тим фыркнул.

— Ты думаешь, я идиот, или что? Я видел, как ты отослала Эшли в гребаном такси! Я сделал тебе что-то плохое, о чем не помню? Ты мне за что-то мстишь? Что, черт возьми, я тебе сделал?

Я хотела сказать ему, что дело не в том, что он сделал мне, дело в том, что он собирался сделать с Эшли. В том, что он, как я знала, сделал с Амелией. А затем во мне вскипел праведный гнев, и он вылился наружу в неправильное время и в неправильных словах.

— Я знаю, — произнесла я так тихо, что думала, он не услышит.

Тим попятился, словно я ударила его по лицу. Он врезался в пару, направлявшуюся в зал № 5. Он пробормотал извинения, а выражение его лица сменилось на ошеломленное. А затем он снова наклонился ко мне, прижав руки по обе стороны от моей головы.

— О, ты знаешь? — спросил он. Это прозвучало, как чувственный шепот. — И что же ты, по-твоему, знаешь?

Он насмехался надо мной, исследуя глазами мое тело. Внезапно я растеряла всю храбрость.

— Я... Я знаю, что ты источник неприятностей, — запинаясь, произнесла я.

— Ты права, — проворковал он. — Я источник неприятностей. Так что лучше будь осторожнее.

— Не угрожай мне, — ответила я и была просто счастлива, что смогла произнести это, не запинаясь.

— О, я не угрожаю. Мне не нужно угрожать таким маленьким девочкам, как ты, потому что ты сделаешь все, что я скажу, — сказал Тим.

Теперь я задрожала от гнева и унижения. Я не была какой-то там *маленькой девочкой*.

— Иди на хрен, — зашипела я и изо всей силы толкнула его в грудь. Он легко мог и дальше зажимать меня в угол, но он отодвинулся в сторону, позволяя мне думать, что я оттолкнула его собственными силами.

— Держись от меня подальше, сука, — услышала я слова Тима, которые он произнес мне вслед.

— Итак, в какие неприятности ты влезала в последнее время, Брук? — спросила доктор Мэрривезер.

Я напряглась.

— Эй, расслабься. Здесь все конфиденциально. Помнишь? — добродушно спросила она.

— Никаких неприятностей, — солгала я.

— Брук, ты же знаешь правила. Если ты не откроешься мне, мои руки связаны. Я не смогу оказать тебе помощь, в которой ты нуждаешься, поэтому ты должна довериться мне. Помнишь все это?

Я кивнула.

— Ладно. Тогда расскажи мне об этих кошмарах.

— Подождите. Откуда вы знаете о моих кошмарах? — спросила я, заерзав в кресле.

— Ты серьезно? Твой папа звонил. Он назначил этот прием. Думаешь, он не рассказал мне, что происходит? — спросила она.

Она что-то записала в своем блокноте, и я решила, что она делает заметки обо мне. Мне показалось, что она написала *«Придурочная»*.

— Я не придурочная, — пробормотала я.

— Я не это написала, Брук, — терпеливо сказала доктор Мэрривезер.

— Как скажете.

Она приятно улыbnулась и показала мне свой блокнот. Она была права. Она написала не *придурочная*. Она записала мое имя и дату рождения.

— О, — произнесла я, попытавшись выдать улыбку, — мой косяк.

— Так что тебя настолько расстраивает, что тебя мучают кошмары? — продолжила доктор Мэрривезер.

— Ой, я не знаю, — сказала я легкомысленно. — Я встречалась с парнем моей лучшей подруги. Мы занимались сексом у нее за спиной. Потом она покончила с собой из-за того, что ее изнасиловали. Теперь она преследует меня в моих снах и говорит, что я заслуживаю, чтобы со мной случались дерьмовые вещи. Ах, да. Я обнаружила в школе группу парней, которые трахают девушек и ставят себе за это очки.

Я самодовольно откинулась в кресле. Получайте, доктор! А вы-то думали, что я просто грущу из-за отъезда мамы.

— Возможно, все это вместе и вызывает их, — подвела я для верности итог.

Доктор Мэрривезер вздохнула.

— Так, похоже, нам есть над чем поработать.

— Очевидно.

— Брук?

— А?

— Возможно ли, что ты считаешь, что тебя преследует не твоя подруга? Скорее, это ты сама себя преследуешь?

Один — ноль в пользу доктора.

— Конечно, я так считаю, — сказала я. Естественно, я думала, что, по-видимому, это я сама, моя психика говорит мне, что я плохой человек и заслуживаю, чтобы со мной происходили ужасные вещи. Разве это не просто мой мозг превращает мое собственное чувство вины в злобное привидение? Что? Эта докторша считает, что я идиотка? Придурочная?

— Покажите-ка мне эту бумажку еще раз, — сказала я.

Доктор Мэрривезер улыбнулась и показала мне свои записи. Только мое имя. И дата рождения.

— Давай поговорим о предательстве, — сказала доктор.

— Лучше не надо, — ответила я.

— Брук, беседа поможет.

— Что здесь скажешь? Я ужасный друг.

— Так как ты собираешься все исправить? — спросила доктор Мэрривезер.

— Серьезно? Я думала, вы мне скажете, — ответила я, чувствуя, как в груди поднимается раздражение. Я скрестила руки на груди.

— Это защитный жест, Брук, — сказала доктор Мэрривезер. — Ты выше этого.

Я со злостью опустила руки.

— Я не могу подсказать тебе, как все исправить. Ты должна сама в этом разобраться. Но я могу сказать, что в твоих снах тебя преследует не злобный призрак. Ты наказываешь себя за прошлое. Ты не можешь двигаться дальше. Как думаешь, может, ты должна что-то сделать, чтобы у тебя получилось отпустить это?

Да. Я должна кое-что сделать. Раньше у меня было предназначение, но теперь я думала, что не смогу этого сделать.

— Брук, ты должна мне открыться. Эти парни как-то связаны с твоей умершей подругой?

Я сглотнула.

— А?

— Ну, ты упомянула их в одном ряду. Ты рассказала мне об измене, изнасиловании твоей подруги и этих парнях. Они связаны?

— Эмм...

Доктор Мэрривезер на мгновение задумалась.

— Ее изнасиловал кто-то из этих парней?

Мои глаза расширились. Она психоаналитик или следователь, или и то и другое вместе?

— Понятно, — прошептала доктор. Она что-то записала в своем блокноте.

— Что вы пишете? — тут же спросила я.

Она проигнорировала меня.

— Брук, ясно, что ты считаешь, что в долгу перед подругой. Что ты планируешь делать?

Что я планирую делать? У меня нет плана. У меня ничего нет.

— Брук?

— Я ничего не планирую. Просто я ежедневно хожу в школу с этим уродом и мне сложно двигаться дальше из-за смерти моей подруги, когда я вынуждена видеть его лицо.

— Я могу это понять, — произнесла доктор Мэрривезер.

— Никто не знает, что он насильник. Ну, никто из тех, кто что-то значит, — сказала я.

— Что ты имеешь в виду?

— Полицию. Людей, которые могут посадить его. Никто не знает, потому что девушки ничего не говорят, — сказала я.

— Были еще жертвы? — спросила она. — Откуда ты знаешь?

Я вздохнула.

— Я немного покопалась.

— То, что ты делаешь, опасно?

Я покачала головой.

— Только незаконно.

— Ну, я не твой моральный компас, но, возможно, прямо сейчас противозаконные поступки не особо полезны для тебя. Как это может помочь тебе преодолеть свое горе? — спросила доктор.

Я на мгновение задумалась. Я знала, что могу доверять ей. Она принесла присягу или что-то типа того. Пока я не начну угрожать убить кого-то, она не имеет права ничего никому рассказывать. По крайней мере, я так думала. Я не знала всех деталей конфиденциальности отношений доктор — пациент. Но я знала, что могу доверять ей. Мама с папой ничего не знали о вещах, в которых я призналась доктору Мэрривезер несколько лет назад, когда я начала терапию из-за своей клаустрофобии. Я точно знала это, потому что они все еще продолжали смотреть на меня как на самого милого и невинного ребенка в мире.

Я вздохнула и медленно начала говорить. Нарочито медленно. Доктор Мэрривезер знала, что это означает. Она поудобнее устроилась в своем большом кресле.

— Итак, ладно, это было типа лучшее и одновременно худшее время, — начала я.

— Будет лучше, если ты не будешь использовать слово *типа*, — сказала доктор Мэрривезер.

Я вздохнула.

— Я спала с парнем Бэт за ее спиной.

— Я не вижу, в чем здесь *лучшее время*.

— Ну, секс был потрясающий, но измена и ложь непростительны, — ответила я.

Я выложила доктор Мэрривезер всю историю, вплоть до обнаружения «Воображаемой Блядской Лиги» и парней, которые, как я подозревала, были насильниками. Я даже призналась доктору в своем старом плане пожертвовать собой, но не получила той шоковой реакции, которую ожидала. Вместо этого я получила множество вопросов о моем эмоциональном состоянии и моей борьбе с чувством вины и прощении. Я вежливо выслушала психотрэйп о том, что восемнадцатилетняя девушка будет винить себя во всем, и ей будет сложно простить саму себя. Я, в любом случае, хотела не гребаного самопрощения. Мне нужно было прощение Бэт, а ее больше не было здесь, чтобы дать мне его. Прием закончился объятием. Я всегда думала, что это непрофессионально, даже когда только начала терапию в одиннадцать лет, но я привыкла рассматривать доктора Мэрривезер, скорее как мудрую, немного самовлюбленную старую бабушку, а не психоаналитика. По крайней мере, я могу целый час вываливать на кого-то свои проблемы, причем меня не перебивают и я потом не чувствую себя виноватой. Я записалась на следующий прием на будущую неделю.

К Рождеству мы с Райаном официально встречались, но еще раньше я призналась, что ходила на свидание с Кэлом и была на его вечеринке.

— Клянусь, он мне не нравится! — причитала я.

— Я знал о вечеринке, Брук, — сказал Райан. — Даже изгои вроде меня узнают с вечеринках, — он посмотрел на меня с любопытством. — Я не злюсь, но почему ты пошла?

— Мои подруги настаивали, а я не хотела, чтобы они шли одни. Пьяные девушки — легкая цель, — ответила я.

Это была не совсем правда. Мэлани и Тэйлор не были моими подругами, но, тем не менее, я пошла на вечеринку, чтобы защитить их. Так что, отчасти, это правда.

Райан кивнул.

— А свидание?

— Он не оставлял меня в покое. Знаю, ты говорил, что от него одни неприятности. Я просто думала, что если схожу и продемонстрирую ему, какая я отстойная, он перестанет доставать меня со свиданием, — сказала я.

— Ты далеко не отстойная, Брук, — ответила Райан.

Я пожала плечами.

— Ну, на том свидании я была довольно отстойной.

Райан на мгновение задумался.

— Ты могла просто сказать мне. Я бы мог выбить из него все это дерьмо ради тебя.

Я усмехнулась.

— Я не хотела, чтобы ты пачкал руки.

— О, я бы с удовольствием запачкал, — ответил Райан.

Прозвучало это чертовски серьезно. Я невольно задрожала.

— За что он тебя ненавидит, Райан? — мягко спросила я.

Райан стиснул зубы.

— Потому что я не хочу быть таким, как он.

Мы помолчали какое-то время, потом я заговорила.

— Ты расстроен из-за того, что я пошла на это свидание?

Райан покачал головой:

— Нет, Брук. Но лучше бы ты послушала меня тогда в ресторане. Я не шутил, когда говорил, что Кэл — плохой парень.

Я кивнула. Мне так хотелось знать, почему Райан считает Кэла плохим парнем. Маленькая частичка меня подозревала, что он что-то знает о сексуальных наклонностях Кэла, но я не хотела или боялась спрашивать его. Не знаю почему, но я не хотела вовлекать Райана в свое расследование. Мне нравилось, что он вне этого, и мне нравилось сбегать от всей этой истории всякий раз, когда мы были вместе.

— Я давно должен был предложить тебе быть моей девушкой. Предлагаю официально. Будешь? — спросил он.

Мы только что говорили о Кэле? Потому что я не помню. Все, что я знала в данный момент, это то, что Райан предложил мне официально стать его девушкой, и по ощущениям все это было похоже на то, будто огромная коробка с фейерверками взорвалась в моем сердце и мозге. Взрыв экстаза.

Я восторженно кивнула и впиалась в него губами. Уверена, народ в школе знал, что мы вместе, даже несмотря на то, что мы держали наши отношения в тайне. Мы болтали друг с другом между уроками, когда появлялась такая возможность, и сидели вместе во время обеда. Хотя мы избегали физических контактов. Он предпочитал заниматься этим за закрытой дверью, а я все равно никогда не была одной из тех, кто открыто выражает свою привязанность. Думаю, Кэл понимал, что мы с Райаном пара, и он перестал надоедать мне своим *«Этот парень — источник неприятностей»*.

Возможно, придать нашим отношениям официальный статус прямо перед таким большим праздником, как Рождество, было не самой хорошей идеей, учитывая, что мы оба чувствовали себя некомфортно из-за необходимости дарить друг другу подарки. Мы не хотели подвергать себя давлению из-за этого и решили, что время, которое мы проводим вместе, — лучший подарок, который мы можем подарить друг другу. Однажды вечером он пригласил меня на ужин, а затем на выставку Пикассо в Музее искусства Северной Каролины. Он внимательно слушал мою болтовню об освещении, цветах и смысле, который выше даже моего понимания. Это был великолепный вечер, и он стал идеальным из-за того, о чем он спросил меня по дороге домой.

— Я много думал, Брук, — начал Райан.

— Ммм...

— И я кое-что запланировал в надежде, что ты скажешь «да»...

Мое сердцебиение участилось.

— Ладно.

— Моя сестра ночует у подруги, родители уехали из города на выходные в свое ежегодное рождественское путешествие на двоих, — произнес он.

— Куда они поехали? — мне стало любопытно.

— В гостиницу в горах с ночевкой и завтраком, — ответил Райан.

Я ухмыльнулась.

— И они спокойно оставили вас дома одних?

— О, я очень ответственный, Бруклин. Ты еще это не поняла?

Я пожалала плечами, в то время как он подъехал к своему дому.

— Так как? Хочешь зайти? — спросил он.

Я занервничала. Я ждала секса с Райаном целую вечность. Возможно, я даже время от времени вела себя слишком бесстыдно и нетерпеливо, как обычная потаскушка. А теперь, когда он пригласил меня, я вся вспотела и почувствовала себя неловко, как девственница. Я попыталась пошутить.

— Зайти зачем?

Райан улыбнулся:

— На кофе.

— А, я не пью кофе, — поддразнила я.

Райан прильнул ко мне и прошептал мне на ухо:

— Тогда, возможно, ты захочешь зайти, чтобы я мог поцеловать каждый миллиметр твоего тела, а потом заняться с тобой любовью.

Да, я определенно хочу зайти ради этого.

Он прижал руку к моему сердцу, чувствуя его быстрое неровное биение.

— Я приму это как «да».

Последний раз, когда Райан видел меня полуобнаженной, я так не стеснялась. Помню, как оседлала его, открывая отличный вид на свою грудь, зная, что она ему нравится, зная, что я контролирую ситуацию. Но теперь я вдруг застеснялась и заползла под его простыни, натянув на себя одеяло, чтобы скрыть от него свое полуголое тело. Он снял с меня лифчик и трусики во время бурных поцелуев. После этого он спросил, что я хочу, чтобы он со мной сделал. Я сильно покраснела и постаралась прикрыться.

— О, Бруклин, — произнес Райан, подползая ко мне. — Почему ты стесняешься?

Я покачала головой и усмехнулась.

— Я не знаю.

— Ну, такая ты мне тоже нравишься, — ответил он, целуя меня в щеку.

Я боялась, что это выйдет банально, но я рискнула.

— Я просто чувствую, что это нечто особенное, понимаешь? То, что мы собираемся сделать. Я просто хочу сделать это правильно.

— Что ты имеешь в виду под «сделать это правильно»? — спросил он.

Я отвернулась.

— Я просто хочу быть достойной тебя.

Мои щеки горели, и затем жар передался по рукам и ногам. Внезапно простыня перестала быть необходимой.

Райан повернул мое лицо к себе.

— Брук, ты слишком хороша для меня. Лучше, чем я заслуживаю. Понимаешь? Я не жду, что мы будем заниматься любовью, как профессионалы. Нам по восемнадцать. Как насчет того, чтобы расслабиться и позволить мне сделать все остальное?

— Но это несправедливо, — заспорила я.

— Кто говорит о справедливости? — спросил он и поцеловал меня, прежде чем я смогла возразить.

Но Райан не делал все сам. Поначалу так и было: он осторожно подмял меня под себя и двигался сначала медленно, потом более интенсивно, затем он сказал, что хочет почувствовать меня всю. Я не была уверена, что поняла, что это значит, пока он не нырнул под меня, приподняв мои бедра, и вошёл очень глубоко, заставив меня вскрикнуть, и тут же заглушил крик своим ртом. Он перевернул нас, вынудив меня оседлать его, придерживая мои

бедра и помогая мне двигаться в медленном, почти мучительном темпе. Я почувствовала себя неловко, а он бесстыдно уставился на меня, так что мои соски затвердели, хотя он их даже не касался.

— Я люблю твоё тело, — выдохнул он, скорость его толчков увеличилась.

Я не могла больше сидеть, и оперлась на него, но он покачал головой и улыбнулся.

— Сиди, Бруклин, — сказал он.

— Я не могу.

Теперь это была изысканная пытка, ноги дрожали от напряжения.

— Можешь, — произнес Райан и, поймав мои запястья, завел их мне за спину, удерживая одной рукой, другая его рука покоилась на моем животе.

Он пощекотал меня, и я начала извиваться, но он удерживал мои запястья. Его рука опускалась ниже и ниже по моему животу, пока большой палец не коснулся клитора, и я закричала, чтобы он остановился.

— Ты действительно хочешь, чтобы я остановился? — спросил он, потирая медленно и нежно.

Я ответила стоном.

— Ты хочешь, чтобы я перестал, Бруклин? — спросил он снова, и я яростно затрясла головой. Он удовлетворенно улыбнулся. — Я хочу, чтобы ты меня оседлала, Бруклин. Медленно и аккуратно.

Думаю, если бы он сказал мне спрыгнуть с моста или забраться на гору без страховки, я бы сделала это. Я двигала бедрами, чувствуя, как он набухает внутри меня, лаская меня своим большим пальцем. Как ему удается делать это так идеально? Обычно только у меня получалось касаться этого интимного места так, чтобы довести себя до оргазма. Но он понимал мое тело и каждый раз, когда касался меня там, приводил меня в экстаз. Это мастерство. Несомненно. Но я подумала, что, возможно, у нас с ним некая глубокая связь, словно он знал мое тело еще до того, как мы встретились. Мои ноги начали протестующе ныть, и это была великолепная смесь удовольствия и боли. Я не могла спрятать от него свое лицо во время оргазма. Он удерживал мои запястья, и я тщетно боролась, желая прикрыть лицо руками. Уверена, я выглядела глупо, и, в конце концов, он любезно отпустил мои руки, так что я смогла рухнуть на него и зарыться лицом ему в плечо. Он обнял меня, бормоча мне на ухо что-то, чего я не понимала, а затем начал двигать своими бедрами. Я немедленно напряглась, затем попыталась освободиться от его захвата.

— Нет, Бруклин, — прошептал он и сжал меня еще крепче. Было бесполезно бороться. Он был слишком силен, и мне пришлось смириться с тем, что случится. Я была измождена, но он заставил меня поработать еще немного.

— Я умру, — закричала я в его плечо.

— Посмотри на меня, — мягко попросил он, и я подняла на него глаза. — Ты не умрешь, я обещаю, — он поцеловал меня и начал двигать бедрами, найдя ритм, который, как я знала, доведет его до оргазма, а меня до могилы.

Я закричала в его рот, поборовшись еще немного, когда ритм ускорился, но он не позволял мне двигаться, заставляя почувствовать абсолютно все: что-то новое, пугающее и прекрасное. Смесь рая и ада. Я снова уткнулась лицом в его плечо, когда его толчки ускорились. Потом замедлились. Он зарычал от напряжения, с трудом входя в меня, его тело было залито потом. Мои бедра болели из-за того, что такое долгое время были широко разведены. Я скатилась с Райана и прижала колени к груди, глубоко вздохнув, когда мои

мышцы расслабились. Он сходил в ванную, чтобы выбросить презерватив, а потом снова забрался в постель.

— Я причинил тебе боль? — спросил он.

— Вовсе нет, — ответила я, вытянула ноги, накрывая их одеялом, и повернулась лицом к своему парню.

— Тебе понравилось? — спросил он.

ГЛАВА 18

Я пропускала тренировки по плаванию три недели подряд. Все время забывала о них, и сегодня появилась только потому, что Кэл напомнил мне сразу после школы. Я до сих пор не знала, как использовать камеру, чтобы сделать фото для ежегодника, и была уверена, мне будет не комфортно находиться в одной комнате с тремя хищниками.

Воздух в бассейне был таким, как я и ожидала: липким и влажным. Мне пришлось прилагать усилия, чтобы дышать, я делала долгие глотки влажного воздуха ртом и задерживала его глубоко в груди, прежде чем выдохнуть. Я все время дышала через рот. Парни ныряли то тут, то там, плавали кругами, кричали и звали друг друга по именам, как делают мужчины, чтобы продемонстрировать дух товарищества. Я почувствовала себя не в своей тарелке и собралась уходить.

— Вот ты где, — сказал Кэл. — Рад, что ты сделала это.

При нем были его немногочисленные принадлежности для плавания: секундомер, защитные очки и шапочка. Теперь я поняла, почему девушки считали его сексуальным. У него стальные мышцы, мускулистая грудь и сильные крупные ноги. *«Это чтобы крепче держать тебя, дорогуша»*, — послышался мне его голос.

— На это понадобился лишь месяц, — ответила я и перешла сразу к делу. — Слушай, я, правда, чувствую себя неуютно, когда фотографирую. Я все еще не знаю, как пользоваться этой штукой.

— Неправда. Ты пользовалась ей на том выступлении хора, — ответил Кэл.

— Да, но ты видел эти фотографии? — спросила я, посмеиваясь. — Они ужасны.

— Ну, нет ничего лучше фотографирования тренировки, чтобы немного потренироваться, правда?

Мило.

Я нехотя улыбнулась.

— Вот. Давай проведу небольшой инструктаж, — добавил Кэл и по-быстрому еще раз показал мне, какие кнопки нажимать, следя, чтобы я точно поняла, как правильно пользоваться зумом. — Ты профи, — произнес он после этого и нырнул в бассейн.

Меня немного окатило брызгами, и это просто взбесило.

Я ходила туда-сюда по краю бассейна, методично делая ужасные фотографии. Вначале я отнимала камеру от лица после каждого снимка, чтобы посмотреть. Все снимки были одинаковы: размытые брызги, и, если мне повезло, рука или часть головы, выглядывающие из воды.

На середине я перестала смотреть на свою работу и решила, что пора уходить. Дело не в раздражении из-за того, что я худший фотограф в мире. Мне все равно. Дело в том, что чем дольше я оставалась, тем сильнее нервничала. Где тренер по плаванию? Я осознала, что здесь не было взрослых, только горстка пловцов. Где остальная команда? Я сосчитала их. Всего шесть. В команде по плаванию как минимум двадцать членов.

Я заметила Паркера и Тима, время от времени поглядывающих на меня. Я игнорировала

их. Они пытались запугать меня, и я знала почему. Тим, наверное, рассказал друзьям о своих сорванных свиданиях, и что я ответственная за это. Он вылез из бассейна вместе с Кэлом.

Я повернулась к моей сумке, стоящей в дальнем углу комнаты.

— Эй, Брук! — позвал Кэл. — Постой!

Я должна продолжать идти.

Я должна идти.

— Давай посмотрим, что там у тебя, — сказал Кэл, протягивая руку за фотоаппаратом.

Я подошла к краю бассейна и раздраженно отдала его.

— Они, правда, ужасны, Кэл, — произнесла я. — Я же тебе говорила, у меня не получается.

Кэл начал хмуриться по мере того, как листал фотографии.

— Ты права, Брук. Ты не сможешь сфотографировать даже для того, чтобы спасти свою жизнь.

Я пожала плечами, а затем вскрикнула, потому что меня толкнули в бассейн. Я вынырнула, тяжело дыша, и вытерла глаза, чтобы посмотреть, кто на меня напал. Я грязно выругалась, когда увидела, как Тим ныряет рядом со мной. Он спрятался под водой, и я боялась, что он кружит вокруг меня, как акула. Я не доставала до дна и начала паниковать, отчаянно перебирая ногами, чтобы удержаться на воде.

Я поплыла к краю бассейна и была почти там, когда Тим выскочил у меня на пути.

— Ты идиот, — зашипела я.

— Просто немного веселья, Бруклин, — ответил Тим. Он оттолкнулся от края, обняв левой рукой меня за талию и потянув в воду.

— Пусти! — закричала я, борясь с ним. Моя голова казалась тяжелой от воды, стекающей к кончикам моих волос, которые оставляли позади меня на воде след в виде борозды.

Я обернулась, чтобы посмотреть на остальных в воде. Боже мой. Как я могла быть такой глупой? Хантер держался за край бассейна, наблюдая. А Арон не обращал внимания на происходящее, продолжая нарезать круги. Майк скользнул в дверь раздевалки, игнорируя мое положение. Паркер смотрел на меня со скамейки на противоположной стороне бассейна. Все парни — из «Воображаемой Блядской Лиги», и никто не придет мне на помощь.

Я сильнее извернулась, изо всех сил оттолкнув руку Тима. Но он был слишком сильным, и в этот момент я прокляла Бога за то, что создал женщин такими чертовски слабыми.

— Отвали!

— Хорошо, — ответил он, отпустив меня и толкнув под воду.

Я яростно боролась, уверенная, что он меня утопит. У меня не было возможности вдохнуть, прежде чем меня погрузили под воду, и я уже чувствовала, как мои легкие отчаянно жаждут воздуха: всего один маленький вдох жизни.

Тим расслабился, и я вынырнула из воды, жадно глотая кислород.

— Что ты делаешь?! — взвизгнула я, убрав спутанные волосы с лица.

— Дурачусь, — ответил Тим. — Господи, мы просто веселимся. Расслабься, — и он снова погрузил меня под воду.

Я запустила свои ногти в его запястья, но это не помогло ослабить его хватку. Он держал меня дольше, чем я могла выдержать, моя грудь стала сильно гореть, требуя

кислорода, который я не могла обеспечить. Я извивалась по-разному, но все без толку, чувствуя жар в животе, затем в ногах до самых кончиков пальцев. Мое тело беззвучно кричало, но я не могла спасти его.

Тим вытащил меня из воды, и я инстинктивно прижалась к нему, глубоко дыша между кашлем и хрипами. Он воспользовался моей уязвимостью, обернул мои ноги вокруг него, прижимая меня к бедрам так, что я чувствовала его возбуждение. Я пыталась вырваться, но он крепко держал меня в своих объятиях, покачивая головой на мою немую просьбу.

Мы были в мелкой части дорожки, где он твердо держался на ногах и кружил нас маленькими кругами. Я решила, что он пытается внушить мне ложное ощущение безопасности, и уцепилась за него сильнее, молясь, чтобы он не окунул меня снова.

— Ты повеселилась? — спросил он.

Я почувствовала, как по лицу потекли слезы, когда затрясла головой в ответ. Я подумала, что выгляжу ужасно из-за мокрых спутанных волос и черной туши, стекающей по щекам. Ему удалось заставить меня почувствовать себя не только слабой и беспомощной, но и уродливой.

— Бруклин, — произнес Тим. — Это лишь веселье. Почему ты так расстроена?

Он опустил руки мне на задницу, и я заерзала.

— Продолжай делать это, — сказал он, и я остановилась.

— Я ненавижу тебя, — я тихо рыдала.

— Бруклин, ты не ненавидишь меня. Но я должен ненавидеть тебя. Зачем ты распространяешь обо мне слухи в школе?

— Я не распространяю слухи о тебе, — прохрипела я.

— Не распускаешь? Тогда почему Эшли думаешь, что я насильник? — спросил Тим.

— Ты насильник, — ответила я, снова пытаюсь освободиться из его хватки.

— Перестань бороться, — приказал Тим. — Тебе крупно повезло, что она поверила мне, когда я сказал, что ты моя сумасшедшая сука-бывшая. Еще тебе повезло, что она убедила своих друзей поверить мне. Так что на этот раз ты получишь поблажку.

Он сунул руку между моих ног.

— Но только один раз. Теперь поцелуй меня, и я отпущу тебя, — сказал Тим.

Я покачала головой.

— Всего один поцелуй, — Тим ворковал.

— Эй, мужик, в чем дело? — спросил Кэл, нависая над нами. — Отдай ее мне.

Я не могла поверить, что хотела, чтобы меня передали от одного хищника другому, но в тот момент я думала, что Кэл хороший парень. Он мой спаситель.

— Остынь, парень, — сказал Тим, отпуская меня. Я потянулась к Кэлу, который легко вытащил меня из воды. Он обернул полотенце вокруг меня и прижал к себе.

— Не смешно, чувак. Она напугана до смерти, — огрызнулся Кэл, растирая мои руки, согревая. — Нельзя обращаться с девушками так, как с парнями, придурок.

Он отвел меня туда, где лежала моя сумка, затем проводил из бассейна до машины. Если бы я была в здравом уме, я бы заметила две вещи: во-первых, Кэл не прыгнул в воду после меня. Он не был спасителем. И второе, в его руках было полотенце, подготовленное для меня. Я представляла, как он наблюдает за всей сценой, потом лениво прогуливается до стойки за полотенцем, перед тем, как вмешаться.

Позже этим вечером, лежа в постели, дрожа от страха и злости, я поняла: они все спланировали. Это была не настоящая тренировка. Они заманили меня под фальшивым

предлогом в бассейн, потом к воде, чтобы Кэл посмотрел на снятые мной фото. А Кэл стоял там и наблюдал, как Тим толкает меня под воду, заставляет терпеть минуты мучений, которые показались мне часами. Он позволил Тиму облапать меня, прежде чем сымитировать гнев. В течение всех мучений он как бы говорил мне: «*Не шути со мной. Не шути с моими друзьями*».

Я натянула одеяло на голову и разрыдалась. Этим вечером я больше не хотела связываться с ним. По правде говоря, я впервые неподдельно испугалась. Так что я предпочла принять страх, позволить ему захватить меня и вылиться в тихие отчаянные всхлипывания. Но я позволю ему это только сегодня. Завтра страх уйдет.

— Джессика Кэнтерли, — произнес Терри по пути на стоянку.

Я повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо, и резко остановилась.

— А?

— Периодически бывала в психиатрических клиниках с десятого класса. Семья переехала из штата после первого курса. Полное дерьмо. Она делала все. Резала вены. Страдала всеми видами пищевых расстройств. Вырывала свои волосы, — добавил Терри. — Я говорю, полное дерьмо.

— Я знала это, — прошептала я.

— Теперь, подожди, — сказал Терри. — Только потому, что у нее психологические проблемы, не означает, что она была изнасилована.

— Не означает? — спросила я, не пытаясь умничать.

— Нет, — ответил Терри. — Я нашел материалы на нее, начиная с седьмого класса.

— Так, может быть, Паркер посчитал ее легкой добычей, — ответила я. — Если она уже сумасшедшая, кто поверит, что ее изнасиловали?

Терри пожал плечами.

— Это неправильно, Брук.

— Слишком сложно произнести «Это неправильно, Райт?» — спросила я.

— Ты тупица и абсолютно рассеянна. Я сказал, что неправильно предполагать что-то без серьезных доказательств. Ты это знаешь.

Я нахмурилась.

— Этот мудак насильник. Я знаю, что он насильник!

— Тогда хорошо. Ты поняла, как собираешься это доказывать?

— Вообще-то да, — ответила я. Я улыбнулась самодовольной улыбкой, и Терри закатил глаза. — Мы можем поговорить об этом в другом месте? Тут холодно.

— Давай сядем в твою машину, — предложил Терри.

— Ни за что. Мы сядем в твою машину и потратим твой бензин на обогрев, — ответила я.

— Как угодно.

Мы сели в непритязательную «Акуру» Терри и включили печку (*Прим. Акура (рус. Амкура) — обособленное подразделение японского автопроизводителя Honda, выпускающее автомобили премиум-класса*).

— Хорошо, Райт. Каков твой план?

— Я попрошу их дать показания, — ответила я.

— Ты что сделаешь?

— Девушек, которых изнасиловали. Я попрошу их дать показания.

— Зачем им соглашаться? Для некоторых прошли годы. Никаких тестов на изнасилование. Никаких доказательств ДНК. Их слова против ребят. Ты это серьезно? — спросил Терри.

— Если я могу собрать их вместе...

— Так ты вдруг стала групповым психотерапевтом?

— Заткнись. Если я смогу собрать их и призвать выступить вместе, думаю, есть реальный шанс, что эти ребята получат заслуженное правосудие, — ответила я. — Сила в количестве.

— Это самый глупый план, который я когда-либо слышал.

— Эй! Это не глупо. Это единственный план, который у меня есть!

— Тебе придется осознать, что, может быть, эти парни никогда не получат по заслугам. Ладно? Возможно, тебе придется довольствоваться тем, что ты разоблачишь их лигу и опозоришь, потому что может оказаться, что это все, чего ты добьешься.

— Нет! — я ударила рукой по приборной панели.

— Райт, не делай этого в моей машине, — предупредил Терри.

— Я никогда не буду удовлетворена их стыдом. Я хочу видеть их в тюрьме. Они преступники, место которых в тюрьме.

— Так что, твой план заманить этих девушки на что? Ночевка в твоём доме? Затем ты рассказываешь группе каждый из их тайных секретов и просишь рассказать их тайные секреты публике? Без доказательств? Без улик? Ты слышишь, как это чертовски глупо звучит?

— Пошел ты.

— Типичный ответ подростка, — усмехнулся Терри.

— Я ненавижу тебя.

— И еще один.

— Заткнись и помоги мне! — закричала я.

— У меня нет ответа, Брук. У меня нет плана. Единственное, что я могу предложить тебе, это обнародовать то, что ты знаешь об их клубе.

Я наклонила голову.

— Ты сказал, что сможешь мне достать их. Вот что ты сказал.

— Знаю, Брук. Но я не могу заставить их признаться в изнасиловании. И не могу заставить тех девушек дать показания. Это их право — молчать. Это их право, а ты, по моему, об этом забыла. Тебе кажется, что они чем-то обязаны твоей подруге, но это не так. Их правосудие — не ее правосудие, понимаешь? Они личности с индивидуальными переживаниями. Я не утверждаю, что им полезно хранить секреты, но они имеют право. Ты и так старалась. И ты сделала все, что могла, и я горжусь, что ты хочешь защитить их. Правда. Разоблачи лигу, и твой долг перед Бэт будет возмещен.

Я плакала. Я поняла это, когда Терри вынул салфетку из бардачка и протянул ее мне.

— Я не могу застрелить их всех в голову? — плакала я, сморкаясь старую салфетку.

— Господи. Сначала ты хотела быть жертвой изнасилования, теперь ты хочешь стать преступником?

— Преступницей, тупица. Я девушка.

— Райт, тебе нужно посетить психиатра, — произнес Терри.

— Я уже посещаю, — редела я.

— Ну, слава Богу.

Я бросила на него презрительный взгляд.

— И перестань плакать, ради Бога. Ты плачешь все время. Разве ты не должна быть большой и сильный?

Я посмотрела на него ошеломленно.

— На самом деле?

— Да, Райт. *На самом деле.* Успокойся и перестань вести себя, как тряпка. Ты хочешь быть крестоносцем, наказывающим засранцев? Тогда начинай вести себя соответственно.

— Ты самый большой придурок на планете!

— Да, и чертовски хороший друг, — ответил Терри.

Ну, с этим я не могла поспорить.

Когда я ехала домой, в моей голове снова и снова играла песня «Big Girls Don't Cry». Не спрашивайте, откуда я знала эту песню. Но ее пел не Фрэнки Валли. Ее пел Тэрри, и я смеялась до упаду, представляя, как он солирует в «The Four Seasons». Никаких слез. Точно, как он хотел.

— Ты не собираешься со мной разговаривать? — прошипела я, наблюдая, как Люси складывала свои книги в одну стопку на небольшом участке стола. Я наклонилась и толкнула верхнюю книгу на пол.

— Эй! — закричала она.

— Черт, поговори со мной, — произнесла я.

— Мне нечего сказать тебе, Брук, — отрезала она и наклонилась, чтобы поднять свою книгу.

— Почему ты так злишься на меня? — спросила я.

— Ты умная девочка, Брук, — сказала Люси. — Ты поймешь.

— Это имеет какое-либо отношение к Кэлу? — спросила я, понизив голос до едва слышного шепота.

Люси выглядела взволнованной.

— Не произноси его имя вслух, — ответила она.

— Какого черта? Он не Лорд Волан-де-Морт.

— И его имя не произноси тоже, — закричала она.

Я сидела в замешательстве. И затем рассмеялась. Но, очевидно, мой смех произвел какой-то эффект, потому что ее лицо расплылось в улыбке. А затем она захихикала. И тогда она тоже засмеялась. Сильно.

— Хорошо хорошо, — сказала я. — То, что ты не разговариваешь со мной, имеет какое-то отношение к тому Кого-нельзя-называть? И я имею в виду Кэла.

— Да, — сказала она, и ее смех затих.

— Все в порядке. В чем проблема?

Она обернулась, но Кэла все еще не было в классе.

— Я сказала тебе держаться от него подальше, — сказала она.

— Ты никогда не говорила почему, — ответила я.

— Потому что он плохой парень, — ответила она.

— Что делает его плохим?

— Поступки.

— Например, какие?

— Ради бога, Брук! Почему ты просто не можешь оставить его в покое?!

— Потому что я думаю, что он сделал что-то, о чем ты не говоришь мне. И я знаю, что он делал это с другими девушками, потому что угадай, что? Я знала Бэт. Бэт Каннингем. Она была моей лучшей подругой.

Глаза Люси мгновенно наполнились слезами.

— Нет. Не плачь. Разве ты не пролила достаточно уже слез по нему?

Я вспомнила слова Терри. Перестать плакать. Быть сильной.

Она посмотрела на меня, затем посмотрела на потолок, пытаясь заставить слезы отступить. Она была полна решимости и сосредоточена на потолке в течение длительного времени, прежде чем снова повернулась ко мне лицом. Когда она это сделала, ее глаза были сухими.

— Хорошо. Это начало.

Она устало улыбнулась.

— Я хочу рассказать тебе историю.

— Хорошо.

— После школы.

Мы сидели в кафе в десяти минутах от школы. Сначала я предложила кафе через дорогу, но Люси не хотела находиться так близко к школе, когда будет делать свое признание. Там слишком много студентов, которые приходили и уходили. Это популярное место отдыха для старшеклассников в «Черити Ран».

Мы заказали кофе мокко, затем сели за столик в тускло освещенном углу.

— Не могу поверить, что собираюсь рассказать тебе все, — сказала она, осторожно потягивая свой напиток.

— Я отчасти уже знаю, — ответила я, пытаясь ослабить ее беспокойство.

— Нет, не знаешь, Брук, — ответила Люси. — Ты ничего не знаешь.

Я хотела обидеться, но не смогла. Она права. Я ничего не знала о ее ужасном опыте. Положа руку на сердце, я ничего не знала и об опыте Бэт. Она никогда не рассказывала мне подробности. Она просто описала, как Кэл облизал ее слезы и прикрыл рот. И это было слишком. Я хотела, чтобы она сохранила эти вещи при себе.

— Я была так взволнована, что перешла в среднюю школу, — начала Люси. — Тогда я была очень счастливой девушкой. У меня были друзья. Я была увлечена всем.

— Я знаю.

— Да? — Люси нахмурила брови.

— Ну, я провела кое-какое исследование в старых ежегодниках, — призналась я.

Люси задумалась на мгновение.

— Когда?

— Когда впервые встретила тебя. Первый день в классе, когда я ударилась головой.

— Ооооо, — кивнула Люси.

Я терпеливо ждала, пока она продолжит.

— Не думаю, что я самое уродливое существо на планете, — сказала она, — Но я не могла понять, что привлекло Кэла во мне. Я имею в виду, да, я была черлидершей, но мне кажется, я никогда не вписывалась в эту форму. Я не была популярной. Я просто делала свое дело, и это было весело.

— Ты должна быть популярной, чтобы занять место на выпускном балу, — ответила я.

Люси пожала плечами.

— То есть я не тусовалась с популярными людьми. Я была хорошей для всех.

— Аааа. Вот почему ты выиграла, — протянула я.

— Ну, как бы там ни было, это понравилось Кэлу, и он начал преследовать меня, когда началась школа.

Я неловко ерзала, зная, что разговор приближался к интимному.

— Мы встречались весь год, и весь год он был джентльменом. Я думала, что я на самом деле самая везучая девушка в мире.

Люси посмотрела в направлении пары, которая зажималась за другим столиком на противоположной стороне. По-видимому, они рассказывали друг другу анекдоты, потому что смеялись почти истерично.

— Ты в порядке? — спросила я.

Она кивнула и продолжила.

— Я была так взволнована по поводу выпускного. И у нас был такой чудесный вечер, пока он не повез меня в комнату мотеля.

— Он что?

— Шампанское. Он поил меня шампанским всю ночь. Сам ничего не пил. У него была бутылка в машине, и я немного выпила по пути на выпускной.

— Подожди, — сказала я. — Он вел? Сколько лет ему было?

— Ему только что исполнилось шестнадцать, — ответила Люси.

— Шестнадцать в девятом классе? — спросила я. — Это много. Он поздно пошел в школу? Он оставался на второй год и может даже не раз?

Люси вздохнула, потом улыбнулась:

— Брук, у тебя синдром дефицита внимания?

— А?

— Кого волнует, что он был за рулем? Дело в том, куда он ехал.

Я кивнула и переключилась.

— В любом случае, мы время от времени ускользали с выпускного, чтобы я могла сделать пару глотков. К концу вечера я была в стельку. По-настоящему в стельку, я очень странно себя чувствовала.

Я посмотрела на нее с сомнением.

— Ладно, я знаю, что пьяный всегда себя странно чувствует. Я имею в виду, что мне кажется, что в шампанском были наркотики. То есть, да, я много выпила, но я пила шампанское и раньше, и никогда так себя от него не чувствовала. Очень вялой. Не в себе. Мои руки, казалось, весили тонну.

— Я понимаю.

— Я очень мало помню о том вечере. Я помню, как мы целовались и раздевались. Это было нормально, потому что мы делали это раньше, но потом он начал применять силу.

Я насторожилась.

— И там были другие.

— Что? — я как раз делала глоток своего кофе, проглотив большую часть жидкости, но пролила остальное на подбородок. Люси протянула мне салфетку.

— Я помню, что там были и другие. Я не знаю, сколько, но они разговаривали и смеялись.

Она задумалась на мгновение.

— А потом они некоторое время спорили.

Я уставилась на нее широко раскрытыми глазами, повторяя снова и снова в своей

голове: групповое изнасилование.

— Последнее, что я помню, руки на мне, прежде чем я потеряла сознание.

Мы сидели в тишине. Я не знала, что делать, поэтому допила свой кофе. Люси больше не интересовалась своим напитком. Она предпочитала смотреть на молодую пару, которая держалась за руки и иногда целовалась.

— Люси, прости меня, — прошептала я.

Она повернулась в мою сторону. Это был неохотный поворот, как будто она не хотела отводить взгляд от милой пары. Как будто она хотела задерживаться в своих фантазиях немного дольше.

— Ты ничего не сделала, Брук, — ответила она. — Почему ты извиняешься?

У меня не было на это ответа. Почему я извиняюсь? Я не насильствовала ее. Но это то, что вы говорите, когда слышите плохие новости. Это стандартно. Ты говоришь, что тебе жаль, как бы извиняешься за причину или извиняешься от имени людей, которые причинили вред.

Я пожала плечами.

— Я проснулась на следующее утро в своем выпускном платье. Оно было в пятнах крови. Понимаешь, я была девственницей, поэтому решила, что меня, должно быть, изнасиловали. Но сложно выдвигать обвинения, если ты ни черта не помнишь.

— Что насчет твоих родителей?

Люси хихикнула.

— Ну, по их словам, Кэл привел меня домой пьяной. Они сильно ругались и сказали, что он больше не будет встречаться со мной. Затем они рассердились на меня за то, что я так безответственно отнеслась к алкоголю. Так что это стало моей виной.

Я в недоумении покачала головой.

— Лучшая часть та, которая произошла в школе, — продолжала Люси. — В понедельник утром я расспросила Кэла о той ночи. Я хотела знать, что произошло. Конечно, он сказал, что я сумасшедшая. И затем он добавил, что не хочет иметь ничего общего со мной, что я полный псих. Он распространил грязные слухи обо мне. Я потеряла друзей. Я бросила черлидинг. Так или иначе, я превратилась в сумасшедшую сучку в школе. Люди действительно боятся меня. Меня!

Люси рассмеялась, ее хрупкое тело задрожало.

— Ты видишь меня, Брук? Ты это видишь? — спросила она между хихиканьем. — Как можно бояться этого?

— Люси...

— Я вешу сорок пять килограммов, Брук! Сорок пять килограммов! Я даже не могу выгуливать своего сенбернара, потому что у меня не хватает сил удержать его! Во мне нет ни капли жестокости! Я даже не знаю, как быть злой по отношению к другим людям. Как они это делают, Брук? Я, правда, хочу знать, как люди могут быть злыми? Я хочу сказать, если люди боятся меня и все такое, тогда я хочу знать, как, черт побери, стать сукой!

Несколько старшеклассников повернулись в нашу сторону, и я инстинктивно вскочила со своего места. Я обняла Люси и повела ее из кафе к своей машине.

— Я имею в виду, если я чертова психопатка, тогда я должна знать, как играть роль! — кричала она на стоянке. Она больше не смеялась, только злые слезы текли по ее щекам.

Я помогла ей сесть на пассажирское сиденье в машине и пристегнула ее ремнем безопасности.

— Он разрушил мою жизнь! — Люси вцепилась руками в сидение. — И я ничего не

могу с этим поделать! Ничего!

А затем она испустила долгий, жалобный вопль. Я подумала, что слышала это раньше: полное и абсолютное отчаяние, но потом поняла, что нет. Даже я во всем своем чувстве вины и страдании по Бэт никогда не издавала такой звук, как этот.

Я дрожала из-за этого. Я боялась этого. Я не знала, как утешить ее. Я никогда не понимала полного опустошения, которое каждый чувствует, когда справедливость уничтожается. И она не захочет услышать «прости» от человека, который понятия не имеет об этом. Это оскорбительно.

Я присела на корточки возле Люси, позволяя ей выплакаться. Не успокаивала ее. Не чувствовала смущения, когда люди, входящие и выходящие из кафе, глазели на нас. Не говорила слов сочувствия. Я сосредоточилась на случившемся со мной откровении. Я словно слышала голос Бэт, шепчущий из небесных врат, и она простила меня. Или, возможно, я впервые за много месяцев смогла отпустить свои прошлые грехи. Смогла простить себя. Все благодаря Люси и ее признанию. Я не хотела быть жертвой. Я не хотела, чтобы мой мир разорвали на части. Я хотела справедливости, но поняла, что ее нужно искать другим способом. Я хотела защитить свое тело, свой разум, потому что видела, что случается с теми, кого лишили такого права.

Я довезла Люси до моего дома. Мы провели весь вечер в моей спальне, и я рассказала ей все, как до этого рассказала доктору Мэрривезер. Она вздохнула с облегчением, когда я пообещала ей, что отказалась от плана подставить Кэла, и поощряла меня обнародовать информацию о «Воображаемой Блядской Лиге». Я предложила ей дать показания, но она возразила, что нет веских доказательств.

— Ты хотя бы расскажешь своим родителям? — спросила я.

Люси пожала плечами.

— Что они могут сделать?

— Я не знаю, но они твои родители, и они любят тебя.

Уголок рта Люси приподнялся.

— Я полагаю.

— Ты подумаешь об этом? — давила я.

Она кивнула, затем взяла меня за руку.

— Да, Брук. Но я обдумаю то, что ты сказала, только потому, что ты такая милая.

Я ухмыльнулась.

— Я не милая, Люси.

— Милая. Я знаю, что Кэл вешал тебе на уши всякую лапшу обо мне, но ты всегда была милой, даже когда я на какое-то время перестала с тобой разговаривать.

— Я должна была сказать тебе, что делаю с ним давным-давно, — ответила я. — Я просто не знала, кому могу доверять.

— Это понятно, — сказала Люси. — Я просто рада, что на самом деле, он не нравится тебе.

— Ужасно. Ни за что, — ответила я, и она улыбнулась в ответ.

— Я не думаю, что Бэт справилась с тем, что произошло с ней, но понимаю, почему она сделала это, — произнесла она через некоторое время.

Я слушала, не желая перебивать. Я хотела услышать точку зрения другой потерпевшей.

— Впасть в депрессию легко. У меня она была. Отступить — легко. Легко больше не видеть ни в чем смысла: в твоей повседневной рутине, твоих отношениях с другими людьми.

Все становится бессмысленным или пугающим. Для меня стало бессмысленным. Думаю, для твоей подруги — пугающим. А когда ты боишься всего мира, ты хочешь сбежать из него.

Я склонила голову.

— Я хотела, чтобы она была сильнее. Я хотела, чтобы она все еще была здесь. Было бы неплохо иметь подругу, которая понимает, через что я прошла. Кто-то, кто тоже испытал это.

Внезапно, у меня возникла идея. Я вытащила половину сердца из-под рубашки. Я снова начала носить кольцо около недели назад, спрятанное под рубашкой, оно находилось рядом с моим сердцем. От ее мамы я узнала, что Бэт похоронили с личными вещами, и ожерелье с половиной сердца было одной из этих вещей.

Я отстегнула цепочку и отдала ее Люси.

— Что это? — спросила она, трогая ожерелье.

— Бэт подарила мне половинку на мой восьмой день рождения. Она была похоронена с другой, — объяснила я. — Я хочу этого.

— Брук, я не могу взять это! — сказала Люси, сунув ожерелье в мои руки. Я вернула назад, покачав головой.

— Я хочу этого, Люси. На самом деле. Я знаю, ты не была связана с ней при жизни, но теперь ты можешь.

Я искала правильные слова, но знала, что мои чувства могут прозвучать пафосно.

— Возможно, это принесет тебе некоторое утешение или нечто подобное.

Я отвела глаза. Я чувствовала себя глупо и чересчур драматично в этот момент.

Люси замешкалась на долю секунды, прежде чем застегнуть цепочку на шею.

— Спасибо, Брук, — произнесла мягко она.

— Пожалуйста.

ГЛАВА 19

По школе поползли слухи о парнях. Никто из девушек, кроме меня и Люси, не знал о лиге, но они знали, что нужно держаться подальше от Кэла и его банды. Во всеуслышание ничего не говорилось, только настойчивые шепотки расползались по коридорам, как дым, посылая сигналы и предупреждения. Результат оказался мгновенным. Я проверила текущий счет игры № 3: никто не заработал ни одного очка.

— Сексуальная неудовлетворенность — это хреново, — сказала Грэтхен, перегнувшись через спинку кресла Тэрри, чтобы лучше рассмотреть экран компьютера. Я услышала, как Тэрри резко вдохнул.

— Прекрати пялиться на ее задницу, — выругалась я. — Она практически ребенок.

— Мне скоро исполнится девятнадцать, спасибо большое, — ответила Грэтхен, вставая и поворачиваясь к нему. — Сексуальная неудовлетворенность, по твоему, это хреново, Тэрри? — спросила она игриво, соблазнительным тоном.

Тэрри проигнорировал ее.

— Райт, почему ты почувствовала необходимость привести сюда Грэтхен?

Он оттолкнул мою кокетливую подругу и плюхнулся на диван.

— Она ночует у меня, — рассеянно ответила я. Я искала, кого выбрали для игры № 4.

— Четвертая игра пока не организована, — пояснил Тэрри, когда я спросила.

— Да, но уже должен быть хотя бы список девушек. В других играх он появлялся довольно рано, — ответила я.

Тэрри покачал головой.

— Возможно, их спугнули. Посмотри на эти оценки. Ну, на отсутствие оценок. Возможно, они знают, что что-то происходит, и поэтому залегли на дно.

Грэтхен робко подошла к дивану и села рядом с Тэрри.

— Мне нравятся твои татуировки.

Я закатила глаза.

— Мне они тоже нравятся, — ответил Тэрри, затем отодвинулся подальше.

Тэрри не разговаривал со мной несколько недель после того, как я впервые привела Грэтхен к нему домой. Да, я не должна была разоблачать его, но я доверяла Грэтхен, и мы направлялись в торговый центр. Было бы чертовски неудобно заставлять ее ждать в машине или высаживать где-то, чтобы она ждала, пока я заберу у Тэрри новую информацию для меня. В конце концов, он простил меня, когда понял, что ему нравится флиртовать с моей подругой.

— Сейчас, похоже, самое подходящее время, а? — спросила я.

— Для чего? Пролить свет на все? — ответил Тэрри.

Я кивнула, и он пожал плечами.

— Мне жаль, что ты не смогла получить все доказательства, которые хотела, Брук, — сказал Тэрри. Это извинение прозвучало искренне.

— Все нормально. Я довольна и этим.

— Кто-то из девушек захотел дать показания? — спросил он.

— Я говорила только с двумя из них, и ты прав. Нечестно просить их разоблачить себя, почти не имея улик. Не знаю, о чем я думала.

— Ты думала, что эти парни — мудаки, которых надо наказать. В этом нет ничего плохого, — сказала Грэтхен. — Я горжусь тобой, Брук.

Я улыбнулась.

— Ну, думаю, что соберу все эти документы вместе, а потом решу, кому я хочу их послать.

— Ты осознаешь, какая поднимется шумиха? — спросила Грэтхен. В ее словах звучало возбуждение.

— Не знаю, какая будет шумиха, — заметила я, — но надеюсь, что это воодушевит кого-то из девушек заговорить.

Тэрри кивнул.

— Я только хочу, чтобы ты была в безопасности.

— Да-да, — ответила я, отмахиваясь от него. — Ты всегда это говоришь, а мне ничего не угрожает.

Я не рассказала Тэрри об ужасном случае с Тимом в бассейне.

Грэтхен наклонилась к Тэрри.

— Итак, когда ты пригласишь меня на свидание? Очевидно же, что я тебе нравлюсь.

Вот почему ты так груб со мной и все время меня игнорируешь.

— Все время? — удивленно спросил Тэрри. — Я общался с тобой в общей сложности четыре раза. И ты слишком молода для меня.

— Так я тебе все-таки нравлюсь! — сказала Грэтхен, загнав Тэрри на угол дивана и укладывая голову ему на плечо.

— Мне тридцать шесть, — сказал Тэрри, и я видела, что он борется с желанием обнять мою очень симпатичную подругу.

— Мне нравятся постарше, — проворковала она, тыкаясь носом ему в шею.

— Боже мой. Я все еще в комнате, — сказала я.

Грэтхен со смехом села.

— Я просто дурачусь, Брук! Боже, мне девятнадцать. Как ты себе это представляешь? Это будет как в серии «Секса в большом городе», где Саманта встречалась с тем старым пердуном. Помнишь? Она пыталась заняться с ним сексом, а потом увидела его дряблую задницу при свете.

Тэрри выглядел возмущенным, и я не смогла скрыть улыбку.

— У меня не дряблая задница, — огрызнулся он.

Грэтхен склонила голову и невинно улыбнулась.

— Ты хочешь меня, не так ли?

— Стоп! — закричала я. — Я больше не могу это слушать!

— Что Райан думает о «Воображаемой Блядской Лиге»? — спросила Грэтхен, меняя тему. Это оказалось очень неожиданно, и мое сердце подпрыгнуло.

— В каком смысле? — спросила я.

Глаза Грэтхен широко открылись от недоверия.

— Ты ничего ему не рассказывала об этом?!

— Я не знала, что должна, — ответила я.

— Бруки, он твой парень, Бога ради! Ты с ним спишь.

— О боже, — простонал Тэрри.

— И ты не рассказала ему об этой лиге секса? — Грэтхен выглядела раздраженной.

— А почему я должна? Я не хотела, чтобы он волновался, и не хотела втягивать его в это. Это не его дело, понятно? — сказала я.

Правда в том, что я не хотела вовлекать Райана во все то, что знала о Кэле и его друзьях, потому что мне нравилось, что он отделен от них. Мне нравилось, что я могу сбежать от всего происходящего, когда я с ним, и я ни за что в жизни от этого не откажусь.

— Но он мог помогать тебе все это время! — возразила Грэтхен. — Он мог шпионить за ними или еще что-то.

— Я так не думаю, — заспорила я. — Кэл терпеть его не может. Райан не смог бы близко к нему подобраться.

— И все-таки, — настаивала Грэтхен, — он мог бы воодушевлять тебя, поддерживать и все в таком духе. Это разве не то, что обычно делают парни?

— Грэтхен, мне нравится, что он ничего не знает. Мне нравится, что мне не нужно говорить с ним об этой блядской лиге. Мне нравится, что, когда я провожу время с ним, я могу сбежать от всего, ясно? Ты можешь понять это и оставить меня в покое? — я подтащила ноутбук Тэрри и поставила его на кофейный столик.

— Есть, мэм, — пробормотала Грэтхен, и я закатила глаза.

— Я покажусь полной стервой, если скажу, что рада, что вы двое еще не встречались? — спросила я.

— Да, ты стерва, — ответила Грэтхен. — Что? Ты собралась отменить наш совместный ужин?

— Нет, — я почувствовала, как мое лицо покраснело.

— Хорошо, потому что мне давно пора познакомиться с этим Райаном. Ты не должна была прятать его от меня так долго. У меня что, нет права голоса, с кем тебе встречаться? — спросила Грэтхен.

— Эм, нет. Ты с ума сошла?

— Нет, я не сошла с ума, — сказала Грэтхен. — Просто чувствую себя немного брошенной, наверное.

Я вздохнула.

— Грэтхен...

— Брук, ты слишком молода, чтобы заниматься сексом, — сказал Тэрри.

Я посмотрела на Грэтхен, и мы обе разразились смехом. Наверное, Тэрри сказал это только чтобы ослабить напряжение. Это сработало.

— Что? — спросил Тэрри. — Я старый или что? Что смешного в том, что я слегка консервативен?

— Консервативен? — сказала Грэтхен. — Ты весь в татушках.

Тэрри покачал головой.

— Грэтхен, включи мозги.

— Тэрри, я не буду говорить с тобой о сексе, ясно? Мы можем сменить тему? — спросила я.

— Хорошо, но я не понимаю современных детей, — ответил Тэрри.

— Ой, кого ты обманываешь? Я знаю все о 90-х, дружище, и мне страшно представить, какими вещами ты увлекался, — сказала я.

Тэрри покраснел и улыбнулся.

— Я же не охочусь за каждым парнем в квартале, — добавила я.

— Точно, — сказала Грэтхен. — Ты в постоянных отношениях.

Я кивнула и осторожно посмотрела на Тэрри.

— Отвратительно. Плевать. Просто сделай так, чтобы, когда ты обнародуешь все это дерьмо, ничего не вывело на меня. Понятно? — сказал Тэрри.

— Я осторожна. Я сто раз тебе об этом говорила, — ответила я. — Когда ты мне уже поверишь?

— Я верю тебе, Райт, — сказал Тэрри.

— Я еще ни разу не видел тебя такой сексуальной, — сказал Райан, улыбаясь.

На дворе весна, и мы стояли на улице, я балансировала на его скейтборде. На мне с головы до пят защитное снаряжение: шлем, налокотники, наколенники, даже хоккейные перчатки.

— Хоккейные перчатки? — спросил Райан чуть раньше, роясь в своем шкафу.

— Обязательно. Я буду падать на руки и не хочу их поцарапать, — ответила я. — Давай их сюда.

Райан протянул мне перчатки и поцеловал меня.

— Ты очаровательна, и я люблю тебя, — сказал он.

У меня от шока отвисла челюсть.

— Ничего не говори, — добавил он. Он снова поцеловал меня. — Мне не нужно, и я не хочу, чтобы ты говорила это в ответ. Но я хотел сказать тебе, потому что чувствую это. И уверен в этом. Так что скажешь, когда будешь готова. Но прямо сейчас ничего не говори.

Я кивнула, мой рот все еще был открыт.

— И просто потому, что ты такая милая, когда стоишь здесь, не веря своим ушам, позволь мне повторить: я люблю тебя, Бруклин.

Я обхватила его руками и ударила по голове своим большим шлемом.

— Ау!

— Прости, — сказала я и поцеловала его. Я могла стоять там, в спальне весь вечер, целуя его, но он хотел научить меня кататься на скейтборде.

Я зависла рядом с его почтовым ящиком, уставившись в асфальт. Вдруг мне стало действительно страшно, особенно меня напугало, что я ударюсь лицом об асфальт.

— Я запоминаю эту картину, — сказал Райан. — Мне нравятся твои ноги на моей доске.

Я рассмеялась.

— Что? — спросил Райан.

— Почему мне это показалось пошлым? С сексуальным подтекстом?

Райан ухмыльнулся.

— Брук, держи свою маленькую милую ножку прямо на моей доске. На моей доске, Брук. Ммм...

И я снова засмеялась.

— Ну, серьезно, нет ничего сложного в том, чтобы кататься на скейтборде. Трюки — это уже другой разговор, но, чтобы кататься, нужно просто отталкиваться ногой, а затем ставить ее на доску в удобную позицию.

— Я боюсь падать, — сказала я.

— Ну, ты упадешь. Именно для этого и предназначена вся эта защита, — сказал Райан.

Я помахала проезжающей мимо машине, которая нам посигналила. Это был не «эй-я-тебя-знаю» сигнал. Это был сигнал «детка-ты-просто-секси». Я посмотрела на свои наколенники. Возможно, они немного сексуальны.

Райан объяснил мне основы: оттолкнуться, поставить ногу на доску, тормозить, надавливая на заднюю часть доски. Я страшно нервничала. Мне никогда особо не удавалось катание на роликовых досках. Я определенно не умела кататься на роликовых коньках. Вообще-то, я ненавидела любые колеса под собой, кроме колес автомобиля. Я сейчас здесь с ним на улице только потому, что он мне нравился достаточно для того, чтобы получить ради него пару царапин.

— Я вначале подержу тебя за руку, пока ты не привыкнешь к ощущениям, — сказал Райан.

— Давай, — ответила я.

Я оттолкнулась, Райан держал меня за руку и бежал за мной. Я крепко ухватилась за него, балансируя на неуверенных ногах, пока мы катились по улице.

— Ладно, Брук. Останавливайся, — сказал он.

Я затрясла головой.

— Сам останавливайся, — и крепче сжала его руку.

Райан мгновенно остановился, и я упала, потому что скейтборд выскользнул у меня из-под ног. Он лениво покатился вниз по улице, а Райан бросился ко мне.

— Прости, Брук, — со смехом сказал он. Он помог мне подняться с земли и проверил, нет ли повреждений. Думаю, ему просто нравилось водить руками вверх-вниз по моим недавно побритым ногам. — Клянусь, я сделал это не специально.

— Ага, конечно, — ответила я, ударяя его по рукам.

Он схватил меня за запястья обеими руками и держал их по бокам, пока посыпал легкими поцелуями всю переднюю часть моих ног.

— Так лучше? — спросил он, поднимая на меня взгляд. Солнце светило ярко, и ему приходилось щуриться, так что я не уверена, видел ли он, как я кивнула.

— Давай попробуем еще раз, — сказала я, и он отправился за скейтбордом.

Через тридцать минут я отталкивалась и медленно ехала сама. Мои руки постоянно были расставлены, ноги слегка согнуты, тело напряжено по максимуму. Я знала, что завтра все будет болеть. Учиться разворачиваться было ужасно, я падала вперед каждый раз, когда нажимала на край доски. Я сдалась и спросила, можем ли мы поиграть в видеоигры.

— Теперь, когда ты говоришь играть в видеоигры, о чем именно мы говорим? — спросил Райан, помогая мне подняться с асфальта в последний раз.

— Я имею в виду на самом деле играть в видео игры. Ты сказал, что у тебя есть Wii. Разве мы не можем сыграть в «Super Mario Brothers» или что-то подобное? — ответила я, направляясь с ним к его дому.

— Не в жестокую стрелялку с кровью и кишками?

— Честно? Я предпочитаю прыгать на грибы и летающих черепах.

— У них есть имена, ты знаешь, — сказал Райан. — Тебе предстоит многое узнать, Бруклин.

— Гумба и Купас, большое спасибо! — ответила я довольно.

— Вау, я думал, только у меня встает от этого, — ответил Райан, и я шлепнула его по руке. — Я думал, ты не играешь в видеоигры. Откуда ты знаешь Гумба и Купас?

— Я играла с Бэт, когда мы были младше. Это единственная игра, в которую я играла до того, как появился ты, — ответила я, следуя за Райаном в его спальню. Он остановился в дверях и повернулся лицом ко мне.

— Ну, я не знаю, как смогу держать руки подальше от тебя, Брук. Гумбы. Купы. Скейтборд. Не говоря уже о божественном уме и теле. Ты девушка моей мечты, — произнес Райан.

Я усмехнулась.

— Даже не думай отвлекать меня.

Райан поднял руки вверх.

— Ни за что. Мы сыграем вместе.

— Я Марио! — закричала я, хватая первый контроллер в последний момент.

— Чтобы быть Марио, тебе не обязательно играть первым контроллером, — сказал Райан, беря второй и садясь рядом со мной на пол. — Здесь не такая система, как в «Нинтендо».

— О.

— Но я позволю тебе быть Марио. Только потому, что я люблю тебя, Брук.

И у меня на душе потеплело.

Я перечитала записку снова, дрожа и потя.

«Одна маленькая сучка треплет языком. Случайно не знаешь, кто она?».

Это все, что было написано, но слова сопровождалась горизонтальной царапиной ключом на моей машине, никаких сомнений. Я зла. Разозлилась и потеряла голову от страха. Я повернулась и осмотрела студенческую парковку. Никого не видно.

Я знала, что не могу больше ждать. Я должна немедленно обнародовать информацию о «Воображаемой Блядской Лиге». Я боялась того, что эти парни сделают дальше. Они злятся потому что больше ничего не получают, и злятся на меня, потому что я — причина этому. Они велели мне отступить, но я не послушалась. Все началось с происшествия на трибунах. Потом ситуация обострилась, когда меня чуть не утопили в школьном бассейне. И,

наконец, поцарапанная ключом машина. Что дальше? Я не хотела знать. Я не хотела даже представлять. Я хотела, чтобы история всплыла, парни были наказаны, и кое-кто заплатил за ущерб, причиненный моей машине.

— Привет, Бруклин, — услышала я позади. Я обернулась и увидела Паркера. Откуда он взялся? Я только что осмотрела всю парковку за секунду до этого.

— Ты сделал это? — спросила я, указывая на царапины, на моей автомобильной двери. Паркер тихо присвистнул.

— Черт, это плохо.
— Пошел ты, и держись подальше от меня, — ответила я, ища в своей сумке ключи от машины. Я чувствовала опасность. Почему я никогда не вытаскивала ключи заранее и не держала их в руках, прежде чем выйти из здания?

— Успокойся, Бруклин. Я не трогал твою машину, — сказал Паркер.

Я не поверила ему ни на секунду.

— Да? Тогда, кто еще это мог быть?

— Возможно, кто-то злится на тебя за то, что лезешь не в свое дело, — ответил Паркер. Он прижал меня к машине. — Ты лезла не в свое дело? — мягко спросил он.

— Я не знаю о чем, черт возьми, ты говоришь, — произнесла я. Вслепую я нащупала ключи, наконец, определив их местонахождение, и вытащила из сумки. — Подвинься.

— А кажется, что лезла, — ответил Паркер, не двигаясь. — Я не могу даже сходить на свидание.

— Может быть, потому что ты мудака.

Уголок рта Паркера поднялся.

— Кто-то должен вымыть тебе ротик, Бруклин. Очень вульгарно.

— Оставь меня в покое или я буду кричать, — предупредила я.

— Уверен, что закричишь, — насмеялся Паркер. — Теперь, слушай меня.

Я посмотрела в его глаза. Клянусь, они оказались цвета угля.

— Перестань совать свой нос в чужие дела. Дай мне и моим друзьям заниматься нашими делами, и мы будем счастливы, оставить тебя в покое. Перемирие, что думаешь? Я хочу сказать, что не хотел бы, чтобы кто-то нашел тебя на дне школьного бассейна, понимаешь, о чем я?

Я сильно дрожала, гремя своими ключами.

— Тим был любезным. Не уверен, что я буду, — добавил Паркер.

— Ты мне угрожаешь? — прошептала я.

Паркер расхохотался.

— Боже, Брук! Я не думал, что ты одна из тупых сучек!

Я наполнила свои легкие максимальным количеством воздуха и открыла рот, чтобы закричать. Паркер толкнул меня к машине и закрыл рукой мой рот.

— Не смей, блять, — прошипел он мне на ухо. — Тащи свою задницу в чертову машину и уезжай.

Он сжал мое лицо, прежде чем отойти назад, чтобы я смогла открыть дверь машины. Я оставалась спокойной, пока садилась внутрь, поворачивала ключ в замке зажигания и отъезжала. Как только я выехала на улицу, я разрыдалась, причем плакала так сильно, что, проехав совсем немного, остановилась на обочине, чтобы успокоиться.

«Пошли они! — кричал мне мой разум. — Не позволяй им запугать тебя. Они пугали девушек слишком долго».

— Я знаю! — кричала я в ответ. — Я что-нибудь сделаю! Сделаю!

Но вначале я проплакала до опустошения. Я плакала, пока полицейский не остановился позади меня и не поинтересовался, все ли у меня в порядке. Я сказала ему, что расстроена, потому что мой парень порвал со мной, и он сказал, что я не должна садиться за руль, раз я так взволнована.

— Ну, простите, что я живая, — фыркнула я.

— Серьезно? — сказал он в ответ.

— Тогда простите, что я женщина.

Офицер был терпелив.

— Просто пытаюсь сохранить дороги безопасными, мэм.

— Дороги — это меньшая из ваших проблем, — промямлила я.

Я увидела, что его рот изогнулся в улыбке.

— В смысле?

Я вытерла последние слезы.

— Ну, у вас грабители, наркоторговцы, убийцы, всевозможные подонки бродят, а вы беспокоитесь о машине, припаркованной на обочине дороги.

— Я просто делаю свою работу, мэм. Проверяю, что вы в безопасности.

— Тогда идите, арестуйте парочку насильников или кого-то типа того.

— Я сделаю все возможное. Теперь убедитесь, что ремень безопасности пристегнут, и будьте осторожны.

Я сказала ему идти на хрен, когда он оказался за пределами слышимости. Перебранка — это именно то, что мне нужно. Она дала мне перспективу. Я больше не была напуганной Брук. Я стала воинственной Брук, и я собиралась надрать несколько задниц.

Ты хочешь угрожать мне? Я так не думаю, сука.

ГЛАВА 20

Все готово. Я запаковала все документы в конверт, адресованный Патрику Лэнгстону, начинающему журналисту из «Raleigh News and Observer». Немного изучив штат, я решила остановиться на нем, потому что он новичок, и я решила, что это может стать его большим прорывом.

Я отправила запакованный конверт из манильской бумаги в понедельник утром перед школой, я была взволнована и напугана, конверт намок от пота с моих пальцев. Я не могла сказать, что сожалею об изменении своих планов относительно Кэла. Я поняла, что это неправильно. Кто я такая, чтобы считать, что смогу вынести то, что пришлось пережить другим девушкам, только потому, что меня переполняет желание отомстить? Нет, я просто не могла, и я знала, что отправить информацию о «Воображаемой Блядской Лиге» по почте — правильное решение. Я не нашла неопровержимых улик, чтобы обвинить Кэла, Паркера и Тима в насилии, но я надеялась, что после того, как всплывет история об их непристойном клубе, кто-то из девушек, возможно, наберется храбрости, чтобы дать показания. Мне оставалось только надеяться.

Мне пришлось остаться после уроков, чтобы сделать фото, как парни играют в бейсбол. Я пообещала Райану, что закончу сразу после игры. Мы запланировали невинный вечер видеоигр; его родители и сестра будут дома, и мы собирались провести время все вместе. Я в первый раз проведу столь значительное время с его семьей, и я нервничала. Я виделась с родителями Райана, когда мы только начали серьезно встречаться, но это будет первый

вечер, когда я по-настоящему поговорю с ними. Я хотела им понравиться.

— Привет, Брук, — сказал Кэл, проскальзывая на трибуны.

— Не знала, что ты будешь здесь, — ответила я, снова надевая свои солнцезащитные очки, потому что солнце выглянуло из-за облака.

Мне становилось крайне сложно просто находиться рядом с Кэлом. Он заставлял меня нервничать, и он знал об этом. Мы оба знали, что просто прикидываемся дружелюбными, но никто из нас не признался бы в этом вслух.

— В последнюю минуту мисс Кэрриган попросила меня помочь тебе, — объяснил он. — Она видела те последние фото, которые ты сделала, и подумала, что тебе понадобится помощь.

Я заерзала. Последние фото я сделала на «тренировке» команды по плаванию, где Тим чуть не утопил меня. Мне так хотелось сказать что-нибудь Кэлу на этот счет, но я знала, он скажет, что я сумасшедшая и что Тим просто дурачился, хоть и немного грубо, а еще что мне нужно перестать быть такой истеричкой.

— Так ты не против, что я здесь? — спросил он.

— Конечно, — ответила я. — Вообще-то, ты можешь просто поснимать вместо меня, если хочешь.

Было бы отлично. Я могла бы пойти домой к Райану намного раньше.

— Нет-нет, — сказал Кэл, смеясь. — Так легко ты не отделаешься. Тебе же нужно сделать заметки для резюме и подписи к фотографиям, так ведь?

Я пожала плечами и кивнула.

— Наверное, ты прав.

Я отдала камеру Кэлу и достала из сумки ручку. По сути, как-то неправильно — делать заметки в пятницу вечером после школы. Я вздохнула и опустила ручку на бумагу.

— Как дела с Райаном? — спросил Кэл.

Я вздрогнула, и Кэл это заметил.

— Что? Мне нельзя спрашивать тебя о нем? — спросил он.

Я на мгновение задумалась.

— Ты говорил, что он сумасшедший. Просто думаю, что тебе не нравится, что я с ним встречаюсь.

— Ну, я не считаю, что это хорошая идея. Но я уже понял, что ты все равно делаешь, что хочешь, — ответил Кэл.

Я ощетибилась.

— Он добр ко мне, и он мне нравится.

— Это хорошо, — ответил Кэл. Он сделал снимок одного из наших игроков, добравшегося до первой базы.

Не уверена, что правильно поняла фразу Кэла о том, что я все равно делаю, что хочу. Не думаю, что я предоставила ему возможность понять, какая я на самом деле, кроме свидания в боулинге. И вообще-то это тоже была не совсем я. Обычно я не злая. Паркер пробудил это во мне, и это далеко не полная картина. В целом я девушка, которая пытается исправить прошлые ошибки, быть верной своей умершей подруге, быть хорошим человеком. Я почти не разговаривала с Кэлом оставшуюся часть игры. Большую часть времени я делала заметки или рисовала, если ничего не происходило или я не понимала, что происходит. Время от времени я задавала ему вопросы о бейсбольной терминологии, и он довольно охотно отвечал. На пятом круге он спросил, не нужно ли мне чего-нибудь из буфета.

— Спрайт, — ответила я, отвлекшись от телефонного разговора с папой. — Спасибо.

Кэл вернулся с двумя бутылками спрайта, он открыл обе, пока я по-быстрому сделала пару заметок о последнем хоум-ране. Была середина мая, но по ощущениям лето решило прийти раньше. Солнце светило ярко, и мне хотелось пить. Опустошив полбутылки одним глотком, я подумала, что лучше было попить воды. Капли пота выступили у меня под волосами, а задняя часть шеи странно занемела.

Я попыталась сконцентрироваться на своих записях, но слова скакали по странице. Я посмотрела на поле и спросила Кэла, почему на первой базе три игрока.

— Там только один игрок, Брук, — ответил Кэл.

Я потрясла головой и списала все на обезвоживание. Я прикончила свой спрайт и подумала о покупке воды.

— Ты в порядке? — спросил Кэл, нахмурившись и глядя на меня. Вообще-то, передо мной сидело пять Кэлов, и они вращались против часовой стрелки. — Брук?

— Я забавно себя чувствую, — ответила я. Я подумала, что получилось невнятно, и попыталась засунуть ручку за ухо. Я промахнулась, и ручка улетела куда-то мне за спину. Я обернулась, чтобы поискать ее, и ухватила за чьи-то колени, чтобы удержать равновесие.

— Извини, — пробормотала я, когда она отдернула ноги, и забыла, зачем я повернулась.

— Брук? Ты не очень хорошо выглядишь, — сказал Кэл. — Ты вся белая.

— Ну, я белая женщина, Кэл, — ответила я и захихикала. Это даже не смешно, но, по какой-то причине, мне это показалось самой смешной вещью, которую я когда-либо произносила. Я смеялась до упаду, глядя, как мой блокнот соскользнул с коленей и упал на землю. Кэл поднял его и положил мне в сумку.

— Пошли, Брук, — сказал он, поднимая меня за плечи. — Добудем тебе немного воды. У тебя, должно быть, солнечный удар.

Я снова засмеялась. Мне показалось, что «солнечный удар» звучит забавно. Я повторяла эти слова снова и снова, пока они не стали звучать странно. Я поплелась за Кэлом, который привел меня на парковку для учеников. Я смотрела, как он роется в моей сумке в поисках ключей, открывает дверь моей машины и закидывает внутрь мою сумку. Он сунул мои ключи в карман своих штанов.

— Давай приведем тебя в порядок, — сказал он, крепче хватая меня за руку.

— Я в порядке, — ответила я, но знала, что это не так. Я смотрела на него через полуоткрытые веки, не в состоянии полностью открыть глаза. Мое тело пронзило током, и я хотела любить все вокруг в тот момент, когда поняла, что такое настоящая любовь. Теплая и страстная, как старый черно-белый фильм. Кэл посадил меня в машину, но не в мою. Я предположила, что это его. Я была очарована всеми этими кнопками на приборной панели и решила, что хочу понажимать их.

— Не делай этого, — приказал он, сев на водительское сиденье.

— Но они мне нравятся, — заспорила я.

Кэл засмеялся и выехал с парковки.

— Куда мы едем? — спросила я, хотя мне было все равно. Я подумала, что мне нужна кровать, чтобы прилечь, и мне было все равно, чья это будет кровать и где она будет.

— Никуда, Брук, — услышала я слова Кэла и задремала под тихие звуки радио.

Я проснулась в темноте. И в тесноте. Я не знала, где я, но меня мгновенно охватила паника, мое сердце бешено забилося, когда я пошевелила руками. Мои запястья были связаны за спиной чем-то тонким и крепким, что больно врезалось в кожу. Я попыталась

сосредоточиться, дав глазам привыкнуть к темноте, и поняла, что я в чем-то шкафу. И он забит коробками, кучами одежды и другим хламом, который валяется вокруг меня. Мне оставлено только маленькое пространство прямо напротив двери. Я непроизвольно дернула ногой, громко стукнув по двери.

— Кто-то проснулся? — услышала я с другой стороны.

Я еще раз ударила дверь. Получилось не так громко. Я поняла, что устала. Мои конечности казались тяжелыми и чужими, и я дергала ногой, как будто мне все равно. Словно мне на самом деле не нужно было делать этого.

— Бруклин, ты проснулась?

Голос был Кэла, и я кивнула.

— Выпусти меня, — сказала я. Слова, казалось, весили тонну. По ощущениям, это было самое сложное предложение, которое мне приходилось произносить.

— Бруклин, я пытаюсь помочь тебе, — сказал Кэл. — Помочь тебе перебороть твой страх замкнутых пространств.

Мне показалось, что я умру. В груди заболело от бешеного стука сердца, и я ожидала неминуемого взрыва. Я находилась в ужасе, но мое тело казалось абсолютно вялым. Я не чувствовала, чтобы адреналин растекался по моим конечностям, призывая бороться за жизнь, сбежать. Только стук в центре груди, угрожающий перерасти в паническую атаку колоссальных размеров. Не паниковать. Не паниковать. Просто найти выход.

— Бруклин, как ты там? Знаю, там немного тесновато.

Я вдохнула так глубоко, как могла, сдавливая мое напуганное сердце, потом закричала так громко, насколько сумела. Резкий удар по двери тут же заставил меня замолчать.

— Не делай этого, Бруклин, — попросил Кэл. — Или пожалеешь.

— Пожалуйста, отпусти меня, — умоляла я и почувствовала, как первые слезы заструились по моим щекам.

— Бруклин, ты не понимаешь, что я пытаюсь помочь тебе?

— Ты хочешь сделать мне больно, — всхлипывала я, извиваясь в попытке освободить руки. Узлы, казалось, затянулись еще сильнее, и мои руки начали неметь.

— Нет, Бруклин, — сказал Кэл. — Тебе просто кажется, что я хочу сделать тебе больно. Но я собираюсь сделать так, чтобы тебе было хорошо.

В его словах было что-то злое, но мой мозг под наркотиками не смог разглядеть это.

— Просто дыши, — дал указание Кэл, и я сделала, что он мне сказал.

Я вдохнула и выдохнула, закрывая глаза и пытаюсь представить поле. Но это оказалось бесполезно, потому что мои руки полностью онемели, только временами в них чувствовалось покалывание.

— Мне больно, Кэл! — закричала я в панике. — Пожалуйста, выпусти меня! Моим рукам больно!

— Я знаю, детка. Но ты еще не готова, — ответил он.

От расстройства я пнула дверь, постаравшись сконцентрировать в ноге всю энергию. Мне удалось произвести заслуживающий уважения стук, и Кэл повысил голос.

— Бруклин, перестань пинать гребаную дверь! Если ты будешь плохо себя вести, останешься там надолго!

Я тихо застонала.

— Вот так, Бруклин. Я хочу, чтобы ты стонала для меня. Я хочу слышать, как ты

сходишь с ума, — сказал Кэл. — Давай. Ты знаешь, что хочешь этого. Давай, впави в самую большую паническую атаку в своей жизни. Я хочу слышать каждый ее звук.

— Зачем ты это делаешь? — плакала я. Мое сердце больно стучало, и я знала, что в любое мгновение он может получить то, что хочет. Я больше не могла противиться этому.

— Потому что потом я все исправлю. Я буду трахать твою маленькую сладкую киску, пока ты снова не вырубись.

— Я ненавижу тебя! — из моей груди вырвался последний сгусток энергии. Я кричала изо всех своих сил, громко и долго, срывая горло, пока не осипла. Я кричала о девушках, которые перенесли эти пытки в прошлом. Я кричала о Бэт, которая не смогла это пережить. Я кричала о своем неопределенном будущем, о моих нарушенных правах, и упала на бок, потеряв сознание от ужаса, мое сердце бешено колотилось, и меня затянуло в черноту.

Я снова проснулась, но не открыла глаз. Вообще-то, я не могла их открыть. Мои веки были слишком тяжелыми, так что мне пришлось полагаться на свои уши, чтобы понять, где я. Мои руки подняты над головой, запястья связаны вместе чем-то тонким и прочным, и я смутно вспомнила, что уже чувствовала это раньше. Когда-то давно. Я подергала руками, но не смогла опустить их. Только тогда я поняла, что на мне нет рубашки и бюстгалтера, и я лежу полуголая на незнакомой кровати.

— Ты уверен, что она достаточно под кайфом?

— Чувак, она в отключке. Я бросил таблетку ей в напиток раньше и дал ей еще одну половинку пару минут назад, — сказал Кэл.

— Кажется, мы договорились о двух таблетках, — я узнала голос. Просто не могла вспомнить имя.

— Я не хотел рисковать. Знаешь, люди постоянно мрут от этого дерьма, — сказал Кэл.

— И?

От этого вопроса по моей спине пробежала дрожь.

— Слушай, я облапал ее сиськи, а она ничего не почувствовала. Расслабься. Даже если она проснется, она все равно будет не в себе и не поймет, что на самом деле происходит, — сказал Кэл.

— Кажется, она понимала, что за херня происходила с ней в твоём шкафу.

— Чувак, ты же знаешь, как действует это дерьмо. Они приходят в себя и отключаются. Когда все кончено, у них так едет крыша, что они не знают, где сон, а где реальность, — сказал Кэл. — Ты должен успокоиться.

— Нахрена вообще это было? Засовывать ее в шкаф? Ты больной ублюдок, — я поняла, что это говорит Тим.

— Я просто хотел посмотреть, нагадит ли она в штаны, — ответил Кэл.

Тим засмеялся.

— Чувак, ты псих.

Я мгновенно запаниковала. Мои мысли уплыли слишком далеко от моего тела, чтобы меня полностью охватил страх, но я чувствовала, что мое сердцебиение слегка ускорилося, сигнализируя об опасности, а я не способна спастись. На чистых рефлексах или инстинктах я сильно натянула веревки, которыми была связана.

— Бруклин? — спросил Кэл.

Я замерла.

— Бруклин, — продолжал насмехаться Кэл, — ты проснешься, чтобы присоединиться к нам?

Он облапал руками мою грудь, сжимая ее так сильно, что я взвизгнула. Он щипал мои соски, а потом я почувствовала на себе его рот, он сосал долго и сильно. Потом он резко оторвался, и я почувствовала его горячее дыхание у себя возле уха.

— Я люблю тебя, Бруклин, — сказал он, и меня затошнило от страха и отвращения.

Я почувствовала, как его рука скользнула вниз по моему животу мне между ног. Я отчаянно пыталась сжать их, елозя бедрами со стороны в сторону, но все, чего я добилась, — это помогла Кэлу быстрее снять с меня шорты. Мои трусики тут же последовали за ними, и я закричала изо всех сил. Мой язык был слабым и тяжелым, но я все равно кричала, пока чья-то рука не зажала крепко мне рот, заглушив мои крики о помощи.

— Кто хочет первым любить Бруклин? — спросил Кэл.

Я яростно затрясла головой, заерзала телом и неистово натянула веревки на запястьях.

— Ну, Бруклин, — сказал Кэл. — Это бесполезно. Почему бы тебе просто не насладиться этим? Ты же этого хотела, помнишь? Это же ты все вынюхивала, пытаешься разузнать о нашей лиге. Мы поняли, что ты безумно хочешь этого, так что вот твой шанс.

Я почувствовала, как две пары рук развели мои бедра, а еще одна прикоснулась ко мне между ног.

— Давайте заставим ее кончить.

Новый голос, и тоже знакомый.

— Это великодушно, — сказал Тим.

— Ну, если они кончают, это не изнасилование, — ответил голос, и парни рассмеялись.

Паркер! Это голос Паркера!

Я поняла, что их трое и у меня нет шансов. Ко мне понемногу возвращалась ясность ума, и я вспомнила начало года, мой нелепый план мести, а затем прощение, которое пришло, когда я осознала, что не должна жертвовать собой, что Бэт не хотела бы этого. Я научилась прощать себя, двигаться дальше, снова обрела мир, защищая девочек в школе. А сейчас я в ловушке и скоро буду изнасилована, я уверена, что не выдержу этого, и ужас вызвал во мне первобытные инстинкты. Я изо всех сил укусила руку, зажимающую мне рот, прокусив кожу.

— Гребаная сука! — заорал Паркер.

— Стой! — сказал Кэл, и я услышала шлепок.

Я в первый раз полностью открыла глаза, хотя это было больно. Кэл держал Паркера за запястье, занесенное над моим лицом.

— Хочешь оставить следы? — зашипел Кэл.

— Она, блядь, пустила мне кровь, чувак! — заорал Паркер.

— Так иди, перебинтуй, — ответил Кэл. Он посмотрел на меня. — Кто-то хочет еще одну дозу? — спросил он, продолжая щупать меня между ног.

Я затрясла головой, чувствуя, как слезы покатались по лицу. Они затекли мне в уши, мешая слышать.

— Я думаю, да, — сказал Кэл, всовывая в меня свой палец и высовывая его. Он посмотрел на Тима, который отпустил мою левую ногу и исчез из комнаты.

Я тут же сжала ноги, пытаюсь обездвижить руку Кэла.

Кэл терпеливо вздохнул.

— Бруклин, раздвинь ноги.

— Иди на хуй, — прошипела я.

Кэл запрыгнул на меня и схватил мое лицо руками. Он сжал его так сильно, что я боялась, что он раздавит мой череп.

— Ну, нет, смотри, вот что я буду делать с тобой. Часами. А потом Тим будет делать это. А потом Паркер. Часами, пока ты не будешь использована как маленькая шлюшка. А знаешь, что самое смешное? Ты ничего не будешь помнить.

Я глубоко вдохнула и снова закричала, пока не почувствовала, как пальцы обхватили мою шею.

— Заорешь — и я оторву тебе башку к чертовой матери, — предупредил Кэл.

Я сглотнула или, по крайней мере, попыталась, и Кэл принял это за знак согласия.

Тим вернулся и склонился над моим лицом.

— Не доверяю я этому дерьмовому экстази, Кэл. Я говорил тебе с самого начала.

— Что это? — спросил Кэл.

— Это называется бычок или как-то так. По крайней мере, так сказал тот парень, — ответил Тим. — Оно должно стирать память.

— Где ты это взял?

— Неважно. Суть в том, что я не хочу рисковать с ней. Она принимает это или я ухожу.

Кэл пожал плечами и приподнял мою голову, а я боролась изо всех сил, лягалась ногами и барахталась из стороны в сторону. Но он был слишком силен и, в конце концов, зажал мое лицо своими огромными руками, держа меня неподвижно, пока Тим засовывал мне в рот таблетку. Они заставили меня выпить воды, я закашлялась и выплюнула половину себе на щеки и шею. Но им удалось заставить меня проглотить таблетку, и я заплакала от страха и разочарования от осознания того факта, что она сделает со мной и что они сделают со мной. Через несколько минут я отключусь и буду абсолютно беззащитна перед их сексуальными нападками.

— Не плачь, Бруклин, — сказал Кэл. — Мы все любим тебя. И мы скоро продемонстрируем тебе это. Мы даже сначала дадим тебе кончить. Вот как сильно мы тебя любим.

Парни заржали, когда я стала умолять их отпустить меня.

— Паркер, у тебя это получается лучше всех, — сказал Кэл. Он посмотрел на меня. — Понимаешь, я вообще-то никогда не старался понять, как сделать девушке приятно. Обычно я заботился только о себе. Тим? Ну, он всегда думает только о себе. Но Паркер — он профи. Он заставит тебя кричать уже через пару минут. Кричать от удовольствия.

— Не думаю, что я хочу доводить ее до оргазма, — сказал Паркер. — Она не умеет себя вести. Моя гребаная рука болит.

— Ну, Паркер, — сказал Кэл глупым успокаивающим тоном. — Дай Бруклин немного повеселиться. Она это заслужила, в конце концов.

Паркер пожал плечами, а Тим и Кэл схватили мои бедра и раздвинули их так широко, что мои сухожилия протестующе затрещали.

— Вау, миленько, — сказал Кэл. — Как считаешь, Тим, миленькая у Бруклин киска?

— А то, — сказал Тим. — Не могу дождаться, когда засуну туда свой член.

— А ты что думаешь, Бруклин? — спросил Кэл. — Хочешь, чтобы Тим засунул в тебя свой член?

— Перестаньте! — закричала я, но Паркер все равно до меня дотронулся, сильно прижал одной рукой низ моего живота, чтобы я лежала неподвижно, а другой потрогал между ног. Это было прикосновение не хищника, а любовника, нежное, но решительное. Опытное.

— Вау, похоже, тебе реально нравится, — сказал Паркер, нежно поглаживая меня.

— Откуда ты знаешь? — спросил Кэл, внимательно глядя, как я бьюсь под рукой Паркера.

— Ну, она потекла, — ответил Паркер. — Реально потекла. Я думаю, ей нравится, когда ее так используют, — он наклонился и прошептал мне на ухо. — Ты права. Я возненавидел тебя с первой встречи. Но посмотри, какой я добрый: делаю тебе так хорошо. Заставляю тебя течь для меня. Потому что ты моя гребаная шлюха, да?

Я не знала, почему стонала. Какой бы наркотик они мне не дали, он снова отключил мой мозг, внушил мне ложное чувство безопасности, заставил меня представить, что рука, которая меня прикасается, принадлежит другому парню — парню, которого, как мне кажется, я люблю. И я должна была сказать ему об этом в тот день, когда он признался мне в любви. Я сопротивлялась. Я пыталась сосредоточиться на унижении — на моей наготе и их голодных глазах. На отвратительных словах Паркера. Я пыталась вспомнить, что ко мне прикасались против моей воли, но скоро сдалась, позволив Паркеру пользоваться моим телом. Я умоляла его остановиться, а в моей голове снова и снова звучала его фраза: «Если они кончают, это не изнасилование».

Я хотела отключиться. Тогда бы я не кончила. Я была бы спасена от стыда, унеслась бы в далекий сон, где зло не маскируется под мальчишеским очарованием и типичной американской внешностью. Я закрыла глаза и ждала, пока темнота проглотит меня, в конце концов, так и случилось, но до этого мое тело ответило руке Паркера, болезненно кончив, пока я была связана, обесцещена и брошена в какой-то ад, где я знала, что являюсь жертвой, но мое тело было несогласно.

Я проснулась, уткнувшись лбом в руль. Я медленно села, в голове стучало, как от похмелья. Был закат, и цвета за ветровым стеклом сбивали с толку. Мне понадобилось несколько минут, чтобы понять, что я на парковке учеников у школы. Моя машина здесь единственная, и я поняла, что одна. Инстинктивно заперла дверь и оглянулась в поисках ключей от машины. Они торчали в замке зажигания, но я не помнила, чтобы вставляла их туда. Я не помнила, как попала в свою машину. Я не помнила весь день. Я заметила, что мои запястья сильно болят, и поднесла их поближе к глазам, чтобы лучше рассмотреть. На них следы, а на правом запястье небольшой порез. Кровь высохла и свернулась в пятно на коже. Что со мной случилось? Мышцы онемели. Плечи ныли. Сухожилия заоченели. Задняя часть шеи болела. Я чувствовала себя так, словно меня избили.

Я не была уверена, что в состоянии ехать домой. В моей голове продолжало неумолимо стучать, и я знала, что не должна рисковать, выезжая на дорогу. Я оглянулась в поисках своей сумки, нашла ее на заднем сиденье и подумала, что это странно. Я никогда не кладу сумку на заднее сиденье. Я всегда кладу ее на пассажирское сиденье рядом с собой. Я достала мобильник и позвонила папе.

— Дорогая? Я думал, ты к этому времени уже будешь дома. Игра еще не закончилась? — спросил папа.

— Какая игра?

— Смешно, Брук, — ответил папа.

Я запаниковала.

— Папа, я не очень хорошо себя чувствую.

Я отогнала слезы. Я не готова плакать сейчас, потому что не знала, из-за чего плачу.

— Что случилось? — я представила, как папа сидит в своем кресле, прямой, как стрела,

готовый по моему сигналу броситься за пистолетом.

— Я не знаю. Но я проснулась в своей машине. Должно быть, я потеряла сознание. Не думаю, что в состоянии вести машину, — ответила я. — Ты приедешь за мной?

— Запри двери. Я буду там через десять минут, — сказал папа.

Я повесила трубку и откинула голову на подголовник. Какая игра? Я попыталась вспомнить, на какой игре я была. Я должна была идти куда-то после школы. Я должна была что-то сделать. И тут я вспомнила. Бейсбол! Я ходила на бейсбольный матч, но я не помню, чтобы уходила оттуда. Думай, Брук, думай! Но я не могла ничего вспомнить. Ни малейшего воспоминания о том, что произошло после игры. Подъехал папа, и я открыла ему дверь. В этот момент я почувствовала себя снова маленькой шестилетней девочкой, которая заработала ушибы и переломы, неудачно упав с велосипеда. Я не сказала ни слова, просто протянула ему руки вверх ладонями, чтобы увидел следы на моих запястьях, глубокую рану в миллиметре от крупного кровеносного сосуда.

А потом я заплакала. Я плакала, потому что знала, из-за чего плачу. Кто-то причинил мне боль. Пока это было все, что я знала, но это заслуживало слез.

Папа осторожно помог мне встать с сиденья, и только тогда я заметила тупую боль между ног. А потом я заметила еще одну боль — жжение в заднем проходе.

— Папочка, — прошептала я, цепляясь за него и рыдая ему в плечо.

— Все в порядке, дорогая, — ответил папа, поглаживая меня по спине.

Я громко рыдала, пока папа нежно покачивал меня из стороны в сторону, словно мы танцевали медленный танец под ужасную несвязную мелодию, воспевающую зверское нападение.

— М-мне нужно в б-больницу, — заикаясь, сказала я.

И тогда я услышала, как папа всхлипнул, его грудь затряслась и задрожала, потому что он понял, что я имею в виду, и он не хотел, чтобы это было правдой.

Это было унижительно: раздвинутые ноги, мазки, анализ крови, вопросы. Я закричала, когда папа вышел из комнаты перед началом осмотра, и они установили бумажную ширму, отделив нас, чтобы я могла держать его за руку, пока они осматривают меня.

На большую часть вопросов я отвечала «Я не знаю». Я вспомнила лица всех нападавших, но не могла вспомнить, что они мне говорили. Почти все было как в темноте, кроме парочки проблесков памяти: душный шкаф, что-то засовывают мне в глотку, несколько рук там, где их быть не должно.

Исследования завершатся «через три дня».

— Результаты ДНК-теста будут через три дня, мисс Райт.

— Называйте меня Брук. Я долбаный ребенок, — огрызнулась я.

Медсестра ошетичилась, а потом вспомнила, что я жертва изнасилования. Жестокого изнасилования. Они жестоко надругались надо мной, до крови, и у меня были повреждения шейки матки. Мне сказали, что все заживет, и я смогу иметь столько детей, сколько захочу. Это слабое утешение, но я понимала, что они просто дают мне факты.

— Дорогая, может, ты еще что-то хочешь мне сказать, прежде чем я приведу сюда офицера, чтобы он поговорил с тобой? — спросила она.

Я подумала, что нет, а потом вспомнила ужасный стыд. Прямо перед тем, как я отключилась. Мне стало стыдно, и я попросила папу оставить нас одних на минуту.

— Девчачьи штучки, — сказала я, и он, кивнув, вышел.

Я взглянула на медсестру и отвела глаза:

— Мне кажется, у меня был оргазм.

Она ничего не сказала. Я подождала.

— Вы слышали, что я только что сказала? — я вскинула голову и встретилась с ее взглядом.

— Да, Брук. И это нормально. То, что у тебя был оргазм, ничего не значит, — сказала медсестра.

— Не значит, — меня это не убедило. Я подумала, что со мной что-то не так, раз мое тело говорит мне, что на самом деле мне понравилось.

— Оргазмы — это физический ответ. Они не говорят о том, что твое сердце хотело этого, — сказала медсестра. — Они определенно не демонстрируют согласие с твоей стороны.

Я минуту помолчала, уставившись на колени, обдумывая то, что она сказала.

— Но разве я не должна была быть так напугана и зла, что мое тело не должно было отвечать? — спросила я через какое-то время. — Не должно было мое тело закрыться или что-то типа того?

— Ты была зла. И я уверена, что была в ужасе. Но это не означает, что у тебя не могло быть физического ответа на стимуляцию.

Я съежилась от слова «стимуляция». Медсестра увидела это и под села ко мне.

— Адреналин, выделившийся от злости и страха, вообще-то мог помочь твоему оргазму, — продолжала медсестра.

Я резко выпрямилась.

— Я просто пытаюсь помочь тебе понять, как твое тело и твой разум работают вместе, чтобы достичь оргазма, — объяснила медсестра. — И это не имеет ничего общего с желанием или настроением. Тебе не нужно хотеть этого, чтобы достичь оргазма. Понимаешь?

— Мне так стыдно, — прошептала я, и она обняла меня.

— Золотце, тебе нечего стыдиться. Ты не сделала ничего плохого. То, что ты чувствовала, взяли у тебя против твоей воли. Это никак не уменьшает и не ставит под вопрос то, что на тебя напали. Тебя изнасиловали, неважно, был у тебя оргазм или нет.

Я кивнула, отчаянно пытаюсь поверить ей.

— Есть исследования на эту тему. Недостаточно, но есть, и некоторые предполагают, что как минимум одна из пяти жертв изнасилования переживает оргазм. Женщины стыдятся признать это, потому что думают, что это означает, что на самом деле их не изнасиловали или что им это понравилось.

Я закрыла лицо руками.

— Брук? Пожалуйста, пойми, что ты не сделала ничего плохого, — сказала медсестра. — Твой оргазм не был добровольным.

— Это невыносимо, что они добились этого от меня! — закричала я.

— Мне тоже, — ответила медсестра. — Но если ты будешь достаточно смелой и сильной, ты заставишь их ответить за это.

Я не хотела заставлять их отвечать за это. Я хотела спрятаться где-нибудь в кокон. Я хотела сбежать от нападения или, по крайней мере, притвориться, что этого не было. Должно быть, я покачала головой, потому что медсестра продолжила подбадривать меня.

— Брук, ты достаточно смелая для этого. Я знаю это. Я это чувствую. Ты не захочешь

так оставить то, что они сделали с тобой. Ты не хочешь жить с этим или попытаться справиться с ситуацией. Ты можешь излечиться от этого. Ты можешь добиться правосудия.

Сразу после этого вошла офицер, и я взглянула на нее глазами, полными слез.

— Офицер Петерсон очень доброжелательная, Брук. Она здесь, чтобы взять у тебя показания и задать тебе пару вопросов.

Я кивнула, слегка задрожав. Я уставилась на потрескавшийся лак на пальцах ног, удивляясь, где я могла так быстро его испортить с учетом того, что мой педикюр был совсем свежий.

ГЛАВА 21

Моя мама прилетела из Сан-Франциско первым рейсом. Было немного странно, что она остановилась у нас. Папа официально встречался с мисс Мэннинг, а мама была замужем. Она собиралась удивить меня этой новостью на следующей неделе. Я узнала, что когда меня насиловали, мама занималась покупками для вечеринки. Папа заканчивал еженедельные отчеты на работе. Райан сидел дома со своей сестрой, ожидая моего прихода. Обычная ежедневная жизнь, и я предпочла бы оказаться в эти часы на месте любого из них, чем на своем.

Райан пришел к нам в ночь нападения, обеспокоенный, почему я ему не позвонила. Папа не хотел его впускать, но я сказала, что хочу видеть своего парня. Я не была уверена, должна ли рассказать Райану, что случилось, но было сложно держать это в секрете. Он сразу же понял, что что-то случилось. Он заметил мои запястья, когда сел рядом со мной, поэтому я рассказала ему правду. Он оставался со мной и отцом всю ночь. Я была слишком напугана, чтобы спать. Папа не выпускал меня из виду, а Райан хотел убедиться, что я не наврежу себе. Он не сказал этого, но у меня сложилось такое впечатление.

Я не вернулась в школу так же, как Кэл, Тим и Паркер. Новость о нападении на меня, распространилась в понедельник рано утром, хотя моя личность не разглашалась. Парням было по восемнадцать, так что их лица мелькали на телеэкранах по всему городу. К следующей неделе история приобрела национальный размах, когда выяснилась связь парней с «Воображаемой Блядской Лигой». Это стала самая сенсационная новость в Рали с момента скандала, в котором были замешаны игроки в лакросс из Дьюка. Я не хотела видеть или слышать никакого сравнения между этими двумя историями: игроки из Дьюка были невиновны. Кэл, Тим и Паркер — виновны.

Я узнала, что доказать причастность Тима будет сложнее всего. Анализ ДНК не нашел следов спермы. Это меня не удивило. Я была уверена, что все они использовали презерватив. Но удивилась, когда анализ ДНК обнаружил принадлежность найденного во мне лобкового волоса Кэлу. Следы от зубов на руке Паркера подтвердили мои слова о том, что я его укусила. Следы на моих запястьях доказывали, что я была связана. Как я позже узнала, кабельной стяжкой. Но ничего на мне не указывало на Тима.

Хантер, Майк и Арон были опозорены из-за их участия в лиге, но их не обвинили в совершении преступления, потому что они не знали об изнасилованиях. Школа не могла предпринять против них никаких действий, потому что их сексуальная активность имела место вне кампуса. Патрик Лэнгстон смог раскопать дополнительную информацию, которую я не нашла: девушку, ответственную за предоставление парням информации о сексуальных статусах их жертв.

Аннабель Кингсли — самая популярная старшеклассница в нашей школе. Я так и не

смогла понять, почему она делала это, только если ей просто нравилось ощущать силу и контроль, который она получала над всеми этими девушками. Все четверо спокойно закончили школу и исчезли из поля зрения СМИ. Их история не соприкасалась с делами об изнасиловании, и я уверена, они были рады, что о них забыли.

Райан преданно навещал меня каждый день после школы, чтобы проверить, как я, и принести домашнее задание. Моя мама была безумно счастлива. Он моментально ей понравился, и она без устали повторяла, как он мне подходит, и я знала, что она права. Я, как могла, демонстрировала свою признательность, но я все еще не оправилась после нападения. Иногда я не могла вспомнить, о чем мы говорили, когда он заходил. Иногда я плакала при нем часами. Пару раз я пыталась поцеловать его, потому что думала, что должна сделать это, как его девушка, но это было странно и пугающе. Я боялась интимной близости. Мне было до чертиков страшно, что я получила такие эмоциональные травмы, что больше никогда не смогу заниматься сексом.

После нападения я посещала доктора Мэрривезер три раза в неделю. Внезапно мне перестало казаться, что терапия — это эгоистичное дерьмо. Я нуждалась в ней. Мне нужно было, чтобы она помогла мне разобраться в моих проблемах. Я не останусь травмированной навсегда. Я была полна решимости исцелиться.

Амелия первая нарушила молчание. Она позвонила мне сама и сказала, что даст показания. Тара была второй. Я была в шоке, когда узнала, что она решила выдвинуть обвинения. Она однажды утром меня навестила, и я не узнала ее.

— Да, я решила, что с черными волосами слишком много возни, — сказала она, садясь напротив меня за кухонным столом, ее локоны снова золотистые.

Я усмехнулась.

— И я подумала, что готическая внешность на самом деле не мое. Я просто пряталась за ней, но, полагаю, ты уже знаешь об этом, — продолжала она.

Я кивнула, глядя на ее удивительно простые шорты цвета хаки и белую футболку.

— Я не должна ничего тебе говорить, но думаю, Тим собирается уступить и пойти на сделку о признании вины. Я признаю, что была бы рада тому, что не придется давать показания в суде.

— Понимаю, — сказала я. — Надеюсь, мне тоже, но дела не очень хороши. Мы говорим о годах в тюрьме. Парни могут попытаться воспользоваться своим шансом. Ну, по крайней мере, Тим. Против него единственного нет ДНК-улик.

Тара усмехнулась.

— Брук, ты думаешь, Паркер и Кэл не попытаются сдать Тима, если узнают, что катятся вниз? В таких ситуациях нет такого понятия, как верность.

Я кивнула, бросив взгляд на свой мобильник. Райан должен был уже быть здесь.

— Ну, я лучше пойду, — сказала Тара. — Опять же, извини за то, что была такой психованной сучкой с тобой раньше. Ты всего лишь хотела взять у меня интервью о пище в кафе? — она подмигнула мне, и я хихикнула.

— Глупо, я знаю. Ну, я не самый лучший сыщик. Что ты от меня хочешь?

Тара обняла меня и скрылась за дверью, оставив меня в одиночестве ждать Райана. Папа еще на работе. Мама пошла в продуктовый магазин за молоком.

Я зашла в гостиную и включила телевизор. Шли четырехчасовые новости, и я подумала переключить на канал MTV или «Браво». На этих каналах показывают что-то бессмысленное, и это определено то, что мне сейчас нужно. Я замерла, когда на экране

показали новую информацию об изнасиловании. Еще одна девушка пришла с заявлением, что была изнасилована тремя парнями, напавшими на меня, но вместе с ними был еще кто-то четвертый. Там были они, те же самые фотографии как прежде выстроились в центре экрана: Кэл, Тим, Паркер ... Райан?

Боже мой.

Я смотрела, моргнув несколько раз, потому что знала, что ошиблась. Мой Райан появился в конце линии фотографий, и я подумала, что мои глаза обманывают меня.

Это случилось стремительно. Я не смогла вовремя добраться до ванной. Меня вырвало прямо на ковер в гостиной. А потом я рухнула на пол, уставившись на свою рвоту. У меня нет времени, чтобы помыть пол. Я должна добраться до своего телефона. Где мой телефон? Я дико огляделась, и, заметив его на диване, поспешно набрала номер Райана. Конечно, это ошибка. Райан не хищник. Не насильник. Кто-то обознался.

Мне ответила голосовая почта. Я не оставила сообщения. Меня снова вырвало, а затем я сидела и думала о третьей девушке. Я знала кого-то, кто был изнасилован группой, как и я. Люси! И я набрала ее номер.

— Брук, я не знаю, что происходит, — сказала Люси на другом конце. В ее голосе звучала паника.

— Что значит, ты не знаешь? Он изнасиловал тебя?!

— Я не знаю, почему они показали его фото, Брук, — сказала Люси. — Послушай меня. Он...

— Что, черт возьми, происходит?! — закричала я в трубку. Но я не могла сидеть на месте и ждать объяснений Люси. Мое сердце бешено колотилось, угрожая взорваться, и я хотела получить от него ответы, прежде чем умру.

— Он не...

Я повесила трубку посреди фразы Люси и, оставив свою рвоту впитываться в ковер, направилась к дому Райана. Я забарабанила в дверь. Открыла Кейлен, ее красные глаза большие и испуганные.

— Подвинься, — потребовала я, проходя мимо нее в дом. Я сразу же увидела Райана, сидящего на диване. Его родители с ним. — Рада видеть, что тебя выпустили под залог, — огрызнулась я.

— Брук, тебе не стоит сейчас быть здесь, — сказал мистер Фостер.

Я проигнорировала его.

— Какого черта происходит, Райан? Почему твое лицо в четырехчасовых новостях? Почему тебя обвиняют в изнасиловании?

Меня сильно трясло, я глубоко дышала, пытаюсь успокоить нервы и не отключиться от приступа паники.

— Брук, мы не можем обсуждать с тобой это дело. Наш адвокат посоветовал...

— Какого хрена?! Ваш адвокат?! Что происходит?!

Райан посмотрел мне прямо в лицо.

— Я никого не насиловал, — твердо сказал он.

Заговорила миссис Фостер.

— Райан, дорогой, ты не должен...

— Тогда почему ты в новостях? Что случилось? Ради Бога, скажи мне что-нибудь! — кричала я.

— Я был там, Брук, но я ее не насиловал, — ответил Райан. Он провел рукой по

волосам. — Боже, мне было четырнадцать.

— Райан, хватит, — сказал мистер Фостер. — Брук, пожалуйста, иди домой.

— Нет!

— Брук, я позвоню твоему отцу, чтобы он забрал тебя.

— Ты что-то сделал? — спросила я Райана, подходя к нему все ближе и ближе.

Он уставился на меня глазами, полными боли. Он открыл рот, чтобы ответить, потом закрыл его.

— Я спросила, сделал ли ты что-нибудь, сукин ты сын.

— Не называй так моего брата! — закричала Кейлен.

Я проигнорировала ее.

— Отвечай! — закричала я в лицо Райану.

Он понял мой вопрос и неохотно покачал головой.

— Тогда ты такой же плохой, как остальные, — прошипела я. Я развернулась и вышла за дверь. Это последний раз, когда я переступила порог этого дома.

Я вернулась домой и пошла прямо на кухню к деревянной подставке для ножей, стоящей рядом с плитой. Я выдернула тесак и направилась вверх по лестнице в спальню.

— Что за херня происходит? Что за херня происходит? — шептала я снова и снова.

Я бросила нож на свою кровать и схватила зимний пейзаж, висящий на стене напротив изголовья моей кровати: зимний пейзаж, который мы с Райаном нарисовали в ноябре. Была моя очередь держать у себя картину, и я повесила ее там, где смогу видеть ее, просыпаясь, каждое утро. Я бросила картину на пол и взяла нож, рассматривая цвета нашей картины и решая, как лучше всего искалечить их. Я плакала в истерике, рвала и рубила холст, пока моя мама не пришла домой, и, бросившись наверх, не выхватила нож из моих рук.

Больше девочек. Они пришли из ниоткуда. Я оставалась прикованной к телевизору, и родители заволновались. Я смотрела слишком много новостей. Я была одержима ими, и это ненормально, — так они сказали. Я игнорировала их. Я игнорировала все. Мою школьную работу. Грэтхен навещала меня почти ежедневно и отбирала пульт от телевизора, когда могла. Еду, сон, живопись. Все это. Я игнорировала свою жизнь в пользу того, чтобы сидеть день за днем, и наблюдать истории появления жертвы за жертвой.

Против Райана не выдвинули обвинения ни в одном другом деле, кроме дела Люси. Я узнала о его соучастии через пару недель после того, как закончила школу. Каким-то образом я умудрилась закончить ее с приличными оценками, хотя очень мало готовилась к выпускным экзаменам. Я сдавала их в не учебное время, поэтому мне не пришлось встречаться с другими учениками.

Райан несколько раз пытался связаться со мной. Он не переставая звонил мне, оставлял сообщения, но я так и не перезвонила. Он два раза приходил ко мне домой, только отец по моей просьбе отправлял его назад. Я не могла смотреть ему в глаза. Было слишком много боли, которую я не могла вынести. Я думала, что это даже хуже, чем боль и унижение, которые я испытывала из-за нападения на меня.

Люси пришла ко мне одним летним воскресным вечером, потому что я отказывалась говорить с ней по телефону. Я не злилась на нее, я просто злилась в целом. Я не хотела, чтобы ситуация с Райаном оказалась правдой, а если я не буду говорить с ней, мне не придется узнать об этом.

— Это странно и удивительно, правда? Что эти парни в тюрьме, — сказала Люси,

садясь напротив меня в папино кресло.

Я кивнула.

Кэл, Тим и Паркер признали себя виновными в ряде изнасилований. Они заключили сделку по каждому делу, чтобы избежать суда присяжных и исключить возможность получить максимальное наказание. Мне не пришлось давать показания в суде. Мне даже не пришлось присутствовать на предварительном заседании. Меня не вызывали в суд, судья запросил, чтобы я предоставила письменные показания о нападении на меня. Сначала я думала, что хочу посмотреть в лицо нападавшим на слушании — что я должна хотеть пойти насладиться их страданиями и страхом, но я осознала, что сила не в этом. Быть сильной для меня значило не уделять им больше моего времени. Мне не нужно видеть их слез. Мне даже не нужно слышать о них от моего адвоката, но она все равно все мне рассказала, считая, что эти новости принесут мне некоторое удовлетворение.

Парни приняли условия сделки о признании вины, которую составляли мой адвокат и адвокат защиты. Их приговор за нападение на меня был самым жестким, так как они были обвинены как взрослые, но все могло быть гораздо хуже, если бы они выбрали суд присяжных. Они знали, улики против них, так что приняли предложение: виновны в похищении и изнасиловании первой степени, каждый из них будет отбывать наказание в течение пятнадцати лет без права на досрочное освобождение. Это предложение не включало года, которое они получили за другие правонарушения. Они будут находиться в тюрьме на протяжении десятилетий.

— Райан рассказал мне, что случилось, — начала Люси. Она осторожно посмотрела на меня. — Он был там той ночью. Ему было четырнадцать, и он был в команде по плаванию с остальными.

Я сразу же испугалась худшего, и Люси, похоже, знала, о чем я думаю.

— Он не был в этой лиге, Брук. Он даже не знал о ней, пока история не всплыла в новостях.

— Как он мог не знать об этом? — спросила я.

— Брук, кто-нибудь в школе знал о лиге? О ней не знали даже другие члены команды по плаванию.

Я смутилась.

— Почему его фото не было в ежегоднике? Я не видела его на фото команды по плаванию девятого класса.

— Не знаю, ответила Люси. — Может, его не было в тот день в школе, или снимок сделан после того, как он ушел из команды. Какая разница?

— Почему он был той ночью в комнате мотеля, если он не знал о лиге? — спросила я.

— Ну, теперь он думает, что парни собирались предложить ему присоединиться, вот почему они привели его в комнату мотеля. Он думал, что это будет глупая пьянка несовершеннолетних.

Я нахмурилась.

— В любом случае, никто не рассказал ему об их намерениях, потому что он испугался, увидев меня лежащей на кровати.

— Он должен был сражаться за тебя, — горько сказала я.

— Он сражался, — ответила Люси. — Он спорил с ними: Кэлом, Паркером и Тимом. Он пытался остановить то, что они делали со мной, а Паркер и Тим избивали его. Они угрожали ему, чтобы он молчал. Он не сказал родителям, что случилось, когда вернулся

домой. Они отвезли его в скорую помощь, но он не назвал имен своих обидчиков. Это вбило клин между ним и его родителями на долгое время. Он просто... отступил.

Я была в бешенстве и больше не могла сдерживать себя.

— Ой, бедный Райан! Его побили! И что? Где были его яйца, Люси?! Он должен был пойти в полицию! Он должен был сказать кому-то, что случилось с тобой!

— Ты рассказала кому-нибудь о том, что Тим чуть не утопил тебя в школьном бассейне?! — закричала Люси.

Я изумленно уставилась на нее.

— Нет, Брук. Не рассказала. Потому что ты испугалась. А после изнасилования? Ты была готова давать показания против этих парней? Я помню, как ты говорила мне, что хотела убежать и забыть обо всем, что случилось. Почему? Потому что ты испугалась.

Я открыла свой рот, чтобы ответить, но Люси перебила меня.

— Я не говорю, что Райан правильно сделал, что ничего не рассказал, но они угрожали ему расправой, Брук. Может быть, они бы исполнили свои угрозы, может, нет. Но когда тебе четырнадцать и ты до смерти напуган, ты им веришь.

Я отвернулась, испытывая стыд и отвращение к себе, к Райану, к жертвам. Ко всем.

— Однажды вечером он пришел ко мне домой и во всем признался. Я никогда не видела, как парень плачет, и меня это по-настоящему напугало.

— Слишком мало и слишком поздно, — пробормотала я.

Люси проигнорировала мое высказывание.

— Он пошел в полицию. Он все им рассказал. После этого я заявила на них. Если бы не показания Райана, эти парни никогда бы не были признаны виновными в том, что они сделали со мной.

— Просто кладезь чести, — заметила я саркастично.

Люси сохранила спокойствие.

— Я простила его, Брук.

Я вскинула голову.

— Почему?

— Потому что он извинился.

У меня от недоверия отвисла челюсть. Вот так просто? Потому что он извинился?

— Все эти другие изнасилования, — сказала я.

— Да, — ответила Люси. — Все эти другие изнасилования, о которых он не знал.

— Но он знал, что Кэл — плохой человек. Он предупреждал меня о нем.

— Он предупреждал тебя о Кэле, которого знал в девятом классе, Брук. Он предупреждал тебя из-за того, что случилось со мной. Перестань пытаться возложить на него ответственность за каждое следующее изнасилование!

Я промолчала. Я кипела от гнева из-за того, что Люси защищала Райана.

— Может, тебе все равно, но ему вlepили правонарушение. Общественные работы. Испытательный срок. Я не хотела, чтобы он вообще что-то получил, но я не могу диктовать условия.

— Правонарушение? Он смотрел, как тебя насилюют!

— Вообще-то, нет. Они избili его до потери сознания. Он видел только то, что случилось в начале и в конце. Парни могли вполне преуспеть, оспаривая его историю, но они уже были в неприятностях из-за тебя и других девушек. Они знали, что нужно уступить и рассказать правду.

Я покачала головой.

— Почему ты качаешь головой, Брук? Ты мне не веришь? — спросила Люси.

— Я не знаю.

— Его не должны были ни в чем обвинять, — продолжала Люси.

На этих словах я подпрыгнула.

— Он не сообщил об этом. Так что да, его должны были в чем-то обвинить.

Люси ощетинулась.

— Он сделал ошибку, Брук. Он был молод и напуган.

— Да, Люси. Ты уже говорила это.

Я чувствовала нетерпение и волнение. И затем я подумала. «Если он невиновен, то почему его фотография появилась в новостях? Разве полиция не защитила бы его личность или тому подобное?»

— Его все-таки обвинили в несообщении о преступлении. Они не могли вообще отпустить его. Брук, ну ты же знаешь, каковы СМИ. Кто-то получил сообщение, что он дал показания, и вот. Не важно, какова его история. Они просто ухватились за возможность разоблачить еще одного насильника, даже несмотря на то, что он им не был, — ответила Люси. — Журналисты постоянно ошибаются. Я могу перечислить тебе целый список их косяков, если ты захочешь послушать.

Я покачала головой, вспоминая фото Райана в новостях. Оно было единственным, сделанным не в участке. Кто-то нашел его фото, но его предоставила не полиция.

— Ну, тогда, похоже, его жизнь будет разрушена из-за ошибки журналиста, — сказала я, не зная, рада я этому или нет.

— Не будь дерзкой, Брук, — тихо сказала Люси.

Я удивленно посмотрела на нее.

— Почему ты такая всепрощающая?

Люси улыбнулась:

— Потому что я такая. И я хотела бы, чтобы ты его тоже простила. Он любит тебя, Брук.

— Не надо, — предупредила я.

Люси кивнула.

Тем вечером я видела, как мимо моего дома проехал большой грузовой фургон, но не придала этому значения.

— Я была ужасным другом, миссис Джени.

Я прижимала подушку Бэт к своей груди. Мы с мамой Бэт сидели в старой спальне Бэт, просматривая коробки с фотографиями и другими памятными вещами.

Миссис Джени вздохнула.

— Детка, ты совершила ошибку. Думаешь, в мире есть хоть один человек, который не совершал в своей жизни больших ошибок?

— Я просто хотела бы, чтобы моя ошибка навредила только мне, а не тем, кого я люблю, — сказала я.

— Ну, мало у кого так получается, Брук.

Мы помолчали пару мгновений.

— Бэт гордилась бы твоей смелостью, — сказала миссис Джени.

Я фыркнула.

— Полиция арестовала тех парней сразу после моего посещения больницы. Я была так

зла из-за того, что не была уверена, что хочу давать показания. Это не смелость. Это слабость.

— Это не слабость. Это человечность, — сказала миссис Джени. — И ты все-таки это сделала. Ты сделала, Брук. И посмотри, что ты сделала для этих девушек. Ты помогла им тоже набраться смелости.

Я покачала головой.

— Я должна была сказать вам. Сразу же, когда Бэт рассказала мне об изнасиловании, я должна была заставить ее рассказать вам, — слеза капнула на семейное фото, сделанное в отпуске, которое я держала, и я извинилась.

— Брук, я абсолютно не виню тебя. Я надеюсь, ты знаешь это.

Она обняла меня и прижала к себе.

— Я скучаю по ней, — прошептала я.

— Я знаю. Я тоже. Очень сильно.

У меня мелькнула одна мысль.

— Миссис Джени?

— Да?

— Почему вы похоронили Бэт с ожерельем в виде половинки сердца? Вы знали о нас с Финном. Вы не злились на меня?

Миссис Джени поцеловала меня в макушку.

— Брук, ты была лучшей подругой моей дочери.

Я тяжело сглотнула.

— Но она ненавидела меня.

— Ты думаешь, что в смерти нет прощения? — сказала миссис Джени. — Я верю, что Бэт была бы очень расстроена, если бы она отправилась на небеса без этого ожерелья.

Я устало улыбнулась.

— Я отдала свою половинку подруге. Еще одной жертве. Она хотела бы иметь возможность познакомиться с Бэт.

Миссис Джени обняла меня.

— Я думаю, ты поступила правильно.

Я провела день, помогая миссис Джени перебрать вещи Бэт. Комната до сих пор оставалась нетронутой, потому что для родителей Бэт было слишком трудно войти в нее. Теперь миссис Джени готова отпустить прошлое, и мы начали с того, что отложили одежду и аксессуары, которые планировали пожертвовать на благотворительность. Я взяла себе несколько вещей. Я не планировала их носить, хотя у нас был один размер. Я просто хотела держать их в шкафу на память.

— Я чувствую, что это хорошо, — сказала миссис Джени через пару часов работы. — Я чувствую, что это правильно.

И я подумала, что начинаю чувствовать тоже, что и миссис Джени, не только потому, что я попрощалась с Бэт, но и потому, что я чувствовала, как чувство вины начало таять, обещая мне исцеление.

Я сидела на крыльце в субботу утром и пила кофе. Мама вернулась в Калифорнию и спросила, не хочу ли я присоединиться к ней. Это заманчивая мысль, убежать от всего, что было здесь, но моя частичная стипендия от штата Северная Каролина и очень напористая Грэтхен, которая хотела присоединиться ко мне в качестве соседки по комнате, не давали

мне сесть в самолет.

История об изнасилованиях, наконец, перестала быть в центре внимания, и я поняла, что начала исцеляться. Мое тело — это выносливое божественное творение, оно снова стало здоровым и крепким. Мои ночные кошмары о нападении стали менее частыми. Этим утром я вообще проснулась счастливой. В моей груди словно горел крошечный огонек. Я подумала, что это надежда засела крошечным сгустком энергии или полностью заряженная батарея толкает меня вперед. Я даже подумала, что готова забыть прошлое, начать все сначала, но от прощения всех меня удерживала маленькая давняя боль.

Я сделала еще один глоток кофе и увидела, как два грузовика прогрохотали вниз по улице к границе района. Я мельком заметила, что к одному из грузовиков привязан знакомый автомобиль. Он принадлежал Райану, и мое сердце забилось чаще. Я вскочила со стула, уронив стаканчик, и бросилась к почтовому ящику, пытаясь рассмотреть кого-нибудь в машинах. Мне это не удалось, и я запаниковала.

Инстинктивно я побежала к его дому и забарабанила дверь. Ответа не было. Я заглянула внутрь через переднее окно и увидела пустые комнаты, которые раньше были мило обставлены диванами и креслами, картинами и столами. Мое сердце упало, и я побрела обратно домой.

Сидя на крыльце, я взяла мобильный телефон, и нашла номер Райана. Мой палец завис над зеленым значком вызова, и я задержала его там, пока экран не погас. Я включила экран и снова задержалась на значке вызова. И снова я колебалась, пока экран не потемнел. Я еще раз попробовала, мой палец был в миллиметрах от прикосновения к значку, в миллиметрах от вызова, который мог все изменить. Но вместо этого я решительно закрыла телефон и вытерла слезы с корпуса, обманывая себя, что я приняла верное решение, когда на самом деле это был страх, сдерживающий меня.

ГЛАВА 22

Три года спустя...

— И я действительно горжусь твоим прогрессом, Брук, — сказала доктор Мэрривезер по телефону.

— Спасибо, док, — ответила я, вертясь на своем компьютерном стуле. Я одна в своей квартире, которую снимала с Лесли, она стала моей новой соседкой, когда я перевелась в Университет Северной Каролины и переехала в Чапел-Хилл.

— Ох, Брук. Я терпеть не могу, когда ты меня так называешь. Это так легкомысленно, словно ты не воспринимаешь это серьезно, — сказала доктор Мэрривезер.

Я хихикнула и открыла ноутбук.

Доктор проигнорировала меня и продолжила.

— Ты с кем-нибудь встречаешься?

Я немного напряглась и готова поклясться, она почувствовала это по телефону.

— У меня нет времени на парней, — небрежно сказала я.

— Есть.

Я на мгновение задумалась.

— Ну, мне здесь никто не нравится.

— Во всем кампусе УСК нет парней, которые тебе нравятся? — спросила доктор Мерривитэр.

Я не ответила ей, но медленно повернулась на стуле.

— Может, тебе нравится кто-то из другого колледжа? — намекнула доктор.

Я даже не знала, учится ли он в колледже, так что все равно не могла ответить. Плюс, даже если бы я ответила, уверена, доктор Мэрривезер стала бы пилить меня за нездоровую привязанность, или эмоциональный урон, или что-то типа того.

— Брук? Нет ничего плохого в том, что ты влюблена в Райана.

Я почувствовала, как побледнела.

— Нет?

— Нет. И я думаю, что ты думаешь, что не имеешь права испытывать к нему чувства из-за того, что его показали по телевизору с теми другими парнями, — сказала доктор.

Она объясняла мне это уже не в первый раз. Она делала это уже три года. Но мне казалось, что она меня еще не убедила, или мне просто страшно. Возможно, и то, и другое.

— Он не один из тех парней, Брук. И в глубине души ты это знаешь. Вот почему ты еще влюблена в него и хочешь быть с ним. Ты просто думаешь, что тебя дискредитирует как настоящую жертву то, что ты встречаешься с парнем, который знал об изнасиловании и не сообщил о нем.

— Это не так?

— Нет.

Я выдохнула, и только тогда заметила, что задержала дыхание на этом последнем слове.

— Ты должна простить его, Брук. Если не ради него, то ради себя, — сказала доктор Мэрривезер. — Но я подозреваю, что ты хочешь простить его ради вас обоих, потому что ты любишь его.

Я даже не думала об этом. Я просто сказала это:

— Я люблю его.

— Я знаю. Я знала это три года, — ответила доктор.

— Но я думаю, что он двигается дальше, — сказала я.

По правде говоря, я надеялась, что Райан двигается дальше, чтобы он нашел своего рода мир, который позволил бы ему простить себя. Я хотела этого для него, несмотря на мой непрекращающийся гнев. Я думала, что это главным образом гнев, который не хотел, чтобы все это оказалось правдой, не желал видеть ошибку, потому что так много времени в «Черити Ран» он был моим спасителем. Он был идеален в моих незрелых глазах, и теперь мне пришлось столкнуться с Райаном в качестве другого человека: хороший и плохой — и зыбкая грань между этими понятиями.

Я попрощалась с доктором Мэрривезер и продолжила проверять последнюю страницу сочинения для преподавательских курсов доктора Хоскинса. Я не собиралась получать степень преподавателя, только степень бакалавра уголовной юстиции, но я ходила на курсы доктора Хоскинса, потому что он мне нравился. Он был у меня на курсе сочинительства для первокурсников, мне понравился его стиль, и я записывалась на все его занятия, которые вписывались в мое расписание. Но я не могла сконцентрироваться, в моей голове все повторялись слова доктора Мэрривезер: «Ты должна простить его».

С моей стороны это было сиюминутное решение, и я рада, что набрала номер до того, как струсила.

— Мне нужна помощь, — сказала я в трубку.

— Что такое, Райт? Только не говори мне, что ты узнала об очередном школьном секс-клубе? — ответил Тэрри.

— Мило. И нет. Дело не в секс-клубе, — сказала я.

— Ну, ты же не можешь винить меня за то, что я так подумал. То есть, вот она ты, изучаешь уголовную юстицию. Как это назвать, «клише»? — спросил Тэрри.

— Заткнись! — засмеялась я.

— Что дальше, Эрин Брокович? (Прим. Эрин Брокович-Эллис (Erin Brockovich-Ellis;) — *паралегал, правозащитница и активистка охраны окружающей среды*).

— Во-первых, ее дело не имело ничего общего с сексуальным насилием. Это было экологическое дело. Во-вторых, я учусь на юриста.

Тэрри присвистнул.

— Боже, Райт. Тебе нужно расслабиться и сходить, например, на свидание.

Я пожала плечами.

— Думаешь, со мной что-то не так, раз я не была на свидании три года?

— Да.

Я закатила глаза.

— Ну, я потому и звоню.

— Райт, ты милая и все такое, но разница в возрасте...

— Фу! Я бы никогда в жизни не стала с тобой встречаться! — объяснила я. — Это Райан. Я звоню насчет Райана.

— Райан? Как Райан Фостер? — спросил Тэрри.

— Да.

Последовала небольшая пауза.

— Почему ты хочешь знать что-нибудь о Райане? — оборонительно спросил он.

— Просто хочу. Мне нужно кое-что сказать ему. Ты узнаешь, где он? Чем он занимается? Я попыталась найти его, но у меня ничего не вышло.

— Уверена, что хочешь этого? — спросил Тэрри. — В смысле, после всего случившегося?

Я сделала глубокий вдох.

— Тэрри? Я хочу туда поехать. Ты можешь просто найти его для меня?

Еще одна пауза.

— Да, я сделаю это.

Мне понадобилось два с половиной часа, чтобы доехать из Чапел-Хилл в Уилмингтон. Я понятия не имела, что Райан был так близко. Последнее, что я слышала, его семья переехала на север, чтобы быть рядом родственниками в Пенсильвании. Я думала, что он останется там навсегда, но он всегда говорил мне, что хотел бы жить на берегу океана.

Я чувствовал себя немного виноватой за отказ Грэтхен. Мы планировали девичьи выходные, потому что я не видела ее целый месяц, но она была настроена решительно, как только я рассказала ей свой план о воссоединении с Райаном.

— Ну, наконец-то! — она завизжала в телефон.

— Ты не злишься? — спросила я.

— Боже, Брук! Ты смеешься? Иди. Я приказываю тебе идти. Вперед и еби ему мозги все выходные. И это приказ, — ответила Грэтхен.

Я захихикала.

— Не могу тебе это пообещать. Я даже не знаю, помнит ли он меня.

Грэтхен рассмеялась.

— Что? — спросила я.

— Поверь мне, Брук. Он тебя помнит.

Я поняла, что Грэтхен имеет в виду, но, думаю, что она недопоняла меня. Я знала, что Райан помнит меня, но я не была уверена, помнит ли он любовь, которую ко мне испытывал.

— Спасибо, что ты такая милая, — сказала я.

— Пожалуйста, — ответила Грэтхен. — Но лучше расскажи мне все. И я имею в виду все, Бруклин Райн, или я буду в бешенстве.

Я улыбнулась.

— Хорошо.

Мое сердце забилося чаще, когда я пересекла мост на пути к Райтсвилл Бич. Райан не шутил, когда говорил, что хочет жить у океана. Это место даже не в десяти минутах езды до воды. Он жил у самой воды в маленькой квартирке на морском побережье. У меня ушла пара минут, чтобы найти ее. Его квартира вообще-то была одной из нескольких в большом пляжном доме. Я представила, каких астрономических размеров его квартплата, независимо от размеров его жилища.

Я поняла, что входная дверь выходит к океану, и вместо того, чтобы идти по каменной дорожке, ведущей к входу, я решила снять шлепанцы и пройти по песку. Он был теплым и бархатистым и скользил между моими пальцами. Подойдя к входной двери, я застыла. Я не была уверена, что хочу сказать. Я не видела Райана три года, отказывалась разговаривать с ним, пока его семья не уехала на север. С тех пор я жалела об этом решении, но мое сердце все еще воевало с разумом, отказываясь прощать, веря, что он монстр, игнорируя возражения Люси, что он не такой.

Я постучала в дверь, пока не струсилась. Мне не пришло в голову, что его может не быть дома. Было пять вечера; возможно, он еще на работе или на занятиях. Я даже понятия не имела, учится ли он в колледже. Я заставила Люси пообещать, что она прекратит рассказывать мне новости о нем после первого года. Она рассказывала о нем еженедельно и старалась то и дело всунуть информацию о нем в разговор. Просто для меня это стало слишком болезненным, и я сказала ей, что больше не хочу ничего знать.

Я подскочила, когда дверь открыли. Это была женщина. Самая красивая женщина, которую я когда-либо видела. Блестящие черные волосы, темные глаза. Ее голубая футболка оголяла одно плечо, выставляя напоказ тонкую розовую лямку. На ней были джинсовые шорты — очень короткие шорты, которые подчеркивали ее стройные загорелые ноги.

— Я могу вам помочь? — спросила она.

— Ой, простите. Я думала, здесь живет кое-кто другой, — ответила я.

— Здесь живет кое-кто другой, — ответила она с улыбкой. — Я просто в гостях.

— А.

Я почувствовала себя странно: глупой и нелепой. Я явилась через три года и что? Ожидала, что он будет одинок? Будет сохнуть по мне? Я слишком много о себе вообразила.

Я повернулась, чтобы уйти.

— Эй, постой, — позвала женщина. — Ты ищешь Райана?

Я остановилась. Я не хотела говорить ей «да». Я не хотела, чтобы она сказала мне, что теперь она его девушка и что я могу проваливать. Но я повернулась лицом к ней, голова качнулась вверх и вниз в отчаянном кивке. Должно быть, я выглядела на грани слез, потому что она тихо закрыла дверь и метнулась в мою сторону.

— Все в порядке, — сказала она, обнимая меня.

Я понятия не имела, кто эта цыпочка, но была абсолютно уверена, что должна

ненавидеть ее, если она девушка Райана, но я так эмоционально истощена и без адреналина, что мне было все равно. Я позволила ей обнять меня, и разрыдалась ей в плечо.

— Я стопроцентная лесбиянка, — сказала она мне на ухо. — Все в порядке.

Я отпрянула и неуклюже вытерла лицо.

— А?

— Я не девушка Райана. Я Алисса. Стопроцентная лесбиянка, — пояснила она.

— Ладно, — сказала я. — Зачем ты мне это говоришь?

Она засмеялась и, схватив меня за руку, потащила вниз по пляжу.

— Боже, ты серьезно? Очевидно же, что ты влюблена в него и подумала, что я его девушка, — сказала она, ведя меня вдоль кромки воды.

— Зачем мы здесь? — спросила я.

— Потому что тебе надо прийти в себя, — сказала Алисса. — Теперь глубоко вдохни и перестань плакать.

Я не понимала, что все еще плачу. Но я думаю, что мои слезы из шока и боли перешли в восторг. До этого я никогда не плакала от радости. Это странно, и мне это не нравилось.

— Серьезно, девочка. Хватить реветь! Ты проделала весь этот путь, чтобы увидеть Райана после стольких лет? И ты дашь ему, — она остановилась, смотря на меня сверху и вниз, — это?

— Откуда ты...

— Боже мой, Брук. Получи разгадку! Ты — все, о чем он когда-либо говорит. Это становится настолько чертовски надоедливым. Ты знаешь, через секунду после того, как я открыла дверь, я знала, что это ты. Он рассказал о тебе все, вплоть до твоего носа.

— Моего носа? — спросила я, инстинктивно дотрагиваясь до него.

Алисса кивнула.

— А теперь успокойся и вытри лицо. Приди в себя, прежде чем вернуться к той двери.

Я провела пальцами под глазами и спросила Алиссу, полностью ли я вытерла потекшую подводку. Она кивнула.

— Он все еще говорит обо мне? — спросила я, мой голос слегка дрожал.

— Три доооолгих года, — ответила Алисса.

— Но он ни разу не позвонил, — сказала я.

— Ты сменила номер.

— Но он не приходил навестить меня в школе.

— Ты же перевелась. Помнишь?

Откуда она все это знает?

— Если он по-настоящему скучал по мне, почему он не пытался меня найти? — спросила я.

Алисса терпеливо вздохнула.

— Он пытался, Брук. Он нашел тебя. И он хотел все исправить. Но потом он подумал, что не должен беспокоить тебя. Раз ты никогда не пыталась найти его или поговорить с ним, он решил уважать твое личное пространство.

— Я была напугана, — тихо сказала я.

Я защищалась, словно мне нужно было оправдать свое поведение перед этой незнакомкой.

— Знаешь, что он сделал?

— Он мне все рассказал, — сказала Алисса.

— Как я могу все еще любить человека, который так поступил? Что это говорит обо мне? — я почувствовала, что новые слезы быстро наполнили мои глаза.

— Дело не в том, что он сделал, Брук. А в том, чего он не сделал. Он был молод и напуган. Он сделал ужасную ошибку. И он заплатил за нее. Он потерял тебя.

Я неуклюже утерла лицо.

— Брук, зачем ты пришла сюда? — спросила Алисса.

Я пожала плечами.

— Я не знаю.

— Попробуй еще раз, — сказала Алисса.

— Я скучала по нему. Я хотела его увидеть, но боялась, — ответила я.

— Чего?

— Любить кого-то, кто хранил такой ужасный секрет!

— Брук? Возьми себя в руки. Каждый совершает ошибки. И да, некоторые хуже, чем другие, но если ты будешь ждать, чтобы мир сказал тебе любить Райана, тогда ты будешь ждать всю оставшуюся жизнь. К черту мир. Делай то, что считаешь правильным, и ты имеешь полное право любить кого угодно.

Я почувствовала себя так, словно из меня вышибли дух.

— Ты уверена, что хочешь быть здесь? — спросила Алисса.

— Да! — закричала я, прежде чем поняла, что я произнесла.

Алисса доброжелательно улыбнулась.

— Тебе лучше? Думаешь, что готова?

Для верности я сделала напоследок глубокий вдох, утерла остатки слез и кивнула.

— Тогда ладно, — сказала она. — Сделай это.

Она схватила меня за руку и повела обратно к квартире Райана.

— Подожди, — сказала я, ковыляя на каблуках. — Ты останешься, и будешь наблюдать?

Ее рот растянулся в улыбке.

— Ты хочешь этого?

Я покачала головой.

— Я так и думала. Я пойду, поплаваю. Возможно, увидимся позже, — сказала она и пошла обратно вниз по пляжу, снимая футболку и шорты, оставшись в тонком розовом бикини. Я смотрела, как ее тело изгибается в прибое, прежде чем войти в волны. Я повернулась назад к двери Райана и снова постучала.

На этот раз дверь открыл он.

Мы смотрели друг на друга, казалось, целую вечность. Он, наконец, посторонился, чтобы позволить мне войти. Я вошла, аккуратно осматривая дом, чтобы увидеть что-то, что покажется мне знакомым, например спальню из старого дома. Это не так. Казалось, он стал новым человеком. Его мебель отражала человека в промежуточном состоянии: не совсем взрослый, но старше, чем подросток. У него был обеденный стол. Я не была уверена, что у каждого парня его возраста был обеденный стол. Квартира источала непринужденный стиль серфера: плетеные кресла и картины на тему пляжа. Они не были вульгарными или плохими. Это были абстрактные произведения искусства, но на них был изображен океан.

Я, наконец, набралась смелости взглянуть в лицо Райану. Он наблюдал за мной все это время. Я стала нервничать. Он изменился. Все те же темные, лохматые волосы. Все те же завораживающие голубые глаза. Но что-то изменилось. Он выглядел усталым. Не старым и изможденным. Просто усталый, как будто ему нужно поспать, но он не нашел для этого

время в течение последних трех лет.

— Привет, — выдавила я.

— Привет.

Я переступила с ноги на ногу.

— Ты, наверное, задаешься вопросом, зачем я здесь, — сказала я.

— Немного.

Я сглотнула. Я не знала, что должна говорить. Ничего не пришло мне в голову, так что я спросила об Алиссе.

— Моя лучшая подруга, — ответил он. — Я познакомился с ней на лекциях по философии в колледже.

— Она очень... проникательная, — сказала я. Я собиралась сказать «милая», но «проникательная» было более точно.

— Да, она такая, — ответил Райан.

— Так ты учишься в колледже? — спросила я.

Райан кивнул.

— Взял год перерыва, прежде чем поступать в Университет Северной Каролины в Уилмингтоне. Я работаю полный день и хожу в колледж.

Я кивнула. Райан не стал продолжать. Он просто смотрел на меня, и я с большим трудом пыталась придумать следующую нейтральную тему разговора.

— Я сделала большую ошибку! — выпалила я вместо этого. Это вышло само собой, и я прикрыла рот рукой, когда сказала это.

— Придя сюда? — спросил он.

Я покачала головой, все еще прикрывая рот.

— Можешь объяснить? — сказал он.

Я убрала руку.

— Прости, Райан. Я была несправедлива к тебе.

Райан отвел глаза.

— Нет, не была.

— Да, была! Боже мой, Люси простила тебя! Люси! Я тоже должна была суметь это сделать.

— Я совершил ужасную вещь, Брук. Я скрыл это от тебя, потому что знал, что ты возненавидишь меня за это. Я лгал тебе. Это нелегко простить. Прощение Люси это нечто совсем другое. Она простила меня за трусость. Это не то же самое, что ложь. Я понимаю, почему ты не смогла отпустить это. Я понимаю

Я не знала, что сказать. Я стояла, ошарашенная, с открытым ртом.

— Но сейчас ты здесь, — продолжал Райан. — Скажешь мне, почему?

— Я сказала тебе, — ответила я. — Я совершила ошибку. Я сделала ошибку, не простив тебя. Люси продолжала говорить мне, что я совершаю огромную ошибку. Я знала это. Я знала это все эти годы, но я позволила своему сердцу затвердеть, поскольку я боялась, что если я возьму телефон, чтобы позвонить тебе, ты не захочешь разговаривать. Или, может быть, я узнала бы, что ты с кем-то еще, и я не смогла смириться с этой мыслью. Или может быть...

Райан подошел ко мне, остановившись в сантиметрах от моего лица. Я закрыла рот.

— Я хочу поцеловать тебя, но только если ты мне позволишь.

Я не стала раздумывать. Я обвила руками его шею и прижалась своими губами к его.

Это все было так знакомо, и я больше не боялась. Я не сказала ему эти слова раньше, потому что боялась их. Но теперь нет. Я бормотала их у его губ снова и снова.

— Я люблю тебя. Я люблю тебя, — говорила я, пока его язык не ворвался мне в рот, мешая моему признанию.

Я прилипла к нему с чуждой мне неистовостью. Я чувствовала, что наверстываю упущенное время. Три года без него, и так много надо узнать. Я отстранилась и взяла его лицо в ладони.

— Ты должен рассказать мне все, — сказала я. — Расскажешь? Я хочу знать все о твоей жизни. Я так скучала, Райан, и я не хочу пропустить что-нибудь еще.

— Я расскажу тебе, — сказал он. — Но сначала, позволь мне сказать, как сильно я люблю тебя, Брук. Я говорил тебе давным-давно в плохом месте, когда я был плохим человеком. Я больше не там, и я уже не мальчик, но моя любовь к тебе никогда не менялась. Я люблю тебя. Я всегда буду любить тебя. Больше всех на свете.

ЭПИЛОГ

Я лежала голая на нашей не заправленной кровати, ухватившись руками за прутья железного изголовья, как он и приказал. Стены нашей спальни увешаны картинами, которые мы нарисовали вместе, на большинстве из них изображен океан, где солнце и вода создавали идеальную атмосферу. Я смотрела на них, пока Райан не отвлек мое внимание.

— Я думаю, что должен буду заглаживать свою вину перед тобой всю оставшуюся жизнь, — сказал он, нависая надо мной.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я.

— Секреты, которые я утаивал от тебя. Изнасилование Люси, — прошептал он.

Я не могла поверить, что только теперь для меня все стало на свои места. Причина, по которой он спал со всеми этими девушками. Он пытался искупить свою вину, доставляя удовольствие другим женщинам. Я почувствовала к нему жалость, но не сострадание и снисходительность. Мне стало жаль его, потому что он все еще охвачен чувством вины, а ведь уже прошел год, как мы снова вместе. Год, как я простила его.

Мы жили вместе в Чапел-Хилл. Я скоро начинала обучение праву в Университете Северной Каролины, а Райану недолго осталось до получения степени в бизнесе. Мы вели тихую жизнь, окружив себя несколькими близкими друзьями. Если погода была хорошая, мы проводили большую часть наших выходных в Вилмингтоне. В холодные месяцы мы прятались в нашем крохотном арендованном доме, где пылал теплый гостеприимный огонь, и согревались одеялами и любовью друг к другу.

Я посмотрела на своего парня и вздохнула. Я могла снова произнести слова о прощении, как делала это уже сто раз, но, похоже, от этого ничего не менялось.

— Ты не должен заглаживать вину, Райан, — сказала я, наконец. — Я просто хочу, чтобы ты любил меня и позволил мне любить тебя.

Он наклонил голову и поцеловал меня долго и медленно. Затем он отстранился и улыбнулся. Это разожгло огонь в моем сердце. Никакого взрыва. Просто мерцание светлячка, и оно согрело меня до мозга костей.

— Ну, тогда дамы вперед, — сказал он и поцеловал мою шею.

Я ослабила хватку на прутьях, и он прошептал мне в плечо.

— Держись крепче, Бруклин.

Он поцеловал меня в шею, а затем двинулся к ключице и, наконец, к груди. Там он задержался, беря один сосок в рот и нежно посасывая, заставляя меня взяться крепче за

прутья, прежде чем переходить к другой груди. Он лизал мои соски, затем нежно потягивал их зубами, вызывая протест со стороны моего рта и рук.

— Положи руки назад на прутья, Бруклин, — сказал он и нежно потерся носом о мой правый сосок.

Я затрясла головой.

— Бруклин, — сказал он и собрал мои запястья над моей головой одной рукой, пока другая подбиралась вниз по моему животу, — ты хочешь, чтобы я к тебе прикоснулся?

Я заерзала.

— Ну?

Я кивнула, боясь взглянуть на него. Не знаю почему. С тех пор, как мы снова вместе, мы занимались любовью почти каждый день. Но когда он был в таком настроении, было в нем что-то особенное. Это возбуждало меня, а я думала, что мне не должно это нравиться. Но мне нравилось, когда он говорил мне, что делать, потому что его приказы были нежными, и я знала, что он никогда не станет злоупотреблять силой, которую я ему вверила.

— Посмотри на меня, Брук, — сказал Райан.

Я подчинилась.

— Раздвинь ноги.

Я сделала это.

— Шире.

Я подчинилась, раздвигая ноги, пока он не усмехнулся, удовлетворенный.

— Я собираюсь прикоснуться к тебе, — сказал Райан. — А потом попробовать тебя на вкус. Все в порядке?

— Да.

Ответ прозвучал так, как будто мне больно, но это сексуальная неудовлетворенность. Я хотела почувствовать его внутри себя, но когда он такой, он заставлял меня ждать этого. Он хотел прикоснуться ко мне, лизать меня, почувствовать меня везде перед половым актом, отчего мне почти невозможно продержаться дольше двух минут, когда он скользил внутрь меня.

Я закричала, когда я почувствовала один палец на клиторе, который кружил медленно и нежно. Рефлекс или интенсивное ощущение заставило меня соединить мои ноги одним быстрым движением. Я не знаю почему, но меня это смущало.

— Давай попробуем еще раз, — развлекаясь, сказал Райан. В его голосе прозвучала нотка смеха. — Бруклин, раздвинь ноги. И на этот раз так их и держи.

— Да трахни меня уже, наконец! — закричала я. — Я больше не могу!

Райан хохотнул и нежно поцеловал меня в губы.

— Я собираюсь наверстать упущенное за те три года, что мы не были вместе, Брук, — сказал он через мгновение. — Я говорю тебе это уже год. Ты должна знать. Так что мне действительно нужно, чтобы ты держалась за изголовье. И это не просьба.

Я схватилась и снова развела свои ноги, задыхаясь от ощущения его пальца трогającego мой клитор еще раз. Он гладил меня, бесконечно погружая палец в меня, прежде чем вытащить его, чтобы вновь стимулировать мой клитор. Я стонала и извивалась, чувствуя, как оргазм накрывает меня, боясь, что кончу слишком рано, прежде чем мы займемся сексом. Я напряглась, борясь с потрясающим удовольствием.

— Брук, — сказал Райан. — У нас полно времени, ты же знаешь.

Я кивнула, наблюдая, как его лицо опускается все ниже между моими ногами. Я

невольно дернулась, запуская свои пальцы в его волосы, пока его язык ласкал меня, пальцы погружались в меня, усиливая мое удовольствие.

— Не останавливайся, — умоляла я, толкаясь бедрами в его лицо.

— Я и не планировал это делать, — ответил он, губами припадая между моих ног. Он взял мой клитор в рот, посасывая нежно, но твердо, мастурбируя неотступно, пока я не стала умолять кончить.

Я жестко кончила, сжимая его волосы. Я знала, что ему больно; он проворчал, но никогда прежде он не трогал ртом мои нежные ткани, пока мое тело не расслабилось в вялое и мягкое послевкусие. Он завис надо мной еще раз, глядя на мое лицо, в мои глаза, и мне показалось, что исчезает его чувство вины. Просто так. Оно исчезло где-то вдалеке.

— Выходи за меня.

У меня отвисла челюсть. Он улыбнулся.

— Ты делаешь мне предложение сейчас? Когда я лежу голая в постели? Когда ты только что довел меня до оргазма? — спросила я. — Что это за история обручения?

Райан засмеялся.

— О, не беспокойся. Я все спланировал. Я планировал два месяца, но не мог больше ждать. Я должен спросить тебя сейчас.

— Ты спланировал? — спросила я.

— Да, конечно, — ответил он, раздвигая мои ноги и входя в меня, прежде чем я успела запротестовать.

— Выходи за меня, — прошептал он, находя медленный, нежный ритм. — Выйдешь?

— Боже мой, Райан, — выдохнула я, сжимая его плечи. — Ты делаешь мне предложение сейчас, когда ты внутри меня.

Он кивнул и вошел в меня сильнее и глубже, и я выгнулась, крича от боли и удовольствия.

— Выходи за меня, — сказал он снова.

Я кивнула.

— Скажи это, Бруклин, — потребовал Райан. — Я должен услышать, как ты это скажешь.

Я застонала, хватая его за спину, впиваясь в его кожу ногтями.

— Скажи это, Бруклин, — прошептал он, нежно лаская меня.

Я почувствовала, что приближается что-то странное. Я не могла полностью понять это, но по ощущениям это был еще один оргазм. У меня никогда не было оргазмов один за другим через такое короткое время, но я чувствовала, что сейчас будет, а еще я чувствовала, что не переживу этого. Он требовательно нарастал в моих ногах и животе, угрожая вытолкнуть мои сухожилия и кости, мои органы и ткани. Я боролась, чтобы избежать этого.

— Нет, Бруклин, — сказал Райан. — Позволь мне любить тебя.

Я захныкала.

— Скажи мне, что выйдешь за меня, Бруклин, — сказал Райан. — Прямо сейчас.

— Райан...

На пике я закричала. От удовольствия такого сильного, что оно смяло мое тело и подбросило вверх и вниз. Вверх и вниз, приливная волна захватила и моего жениха, тоже затопив его удовольствием, пока он не застонал вместе со мной, задыхаясь на гребне волны, пока мы не упали. Вниз, вниз, вниз, трясясь от последствий, от слабой пульсации удовольствия, которое не хотело отступать. Райан лег на меня, совершенно опустошенный. Я

не возражала против веса его тела, хотя от этого мне стало трудно дышать. Я погладила его волосы, зачесанные назад, чувствуя его губы на своей шее, дождь из легких поцелуев, которые говорили: «Спасибо».

— Райан?

— А?

— Я выйду за тебя.

Я почувствовала кожей шеи, как он улыбнулся.

— Ты же говоришь это не только из-за взрывного оргазма, который я подарил тебе?

Я захихикала.

— Ну, взрывной оргазм — хорошая причина выйти замуж. Признаю.

Его пальцы скользнули вниз по моим бокам и защекотали мои ребра. Я вскрикнула и заерзала.

— Ладно, я выхожу за тебя не только из-за взрывного оргазма! — взвизгнула я.

Он перестал щекотать меня.

— Тогда почему ты выйдешь за меня, Брук?

Он обхватил меня руками и перевернул так, что я оказалась на нем.

Я посмотрела вниз на него и улыбнулась.

— Потому что я люблю тебя.

— Вот так просто? — спросил он.

— Вот так просто.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Дорогой читатель,

Какое-то время я сомневалась, стоит ли включать в конец книги письмо, объясняющее сцену изнасилования в двадцатой главе. Я понимаю, что некоторые читатели сильно отреагируют (даже разозлятся) из-за оргазма Брук, и решила, что нужно объяснить мои исследования о непроизвольных оргазмах во время изнасилования. К сожалению, информации на эту тему немного, а та, что есть, противоречива. Многие считают, что это из-за того, что женщины стыдятся признавать это. Как объяснила медсестра Брук, женщинам кажется, что это ставит под вопрос их изнасилование или демонстрирует их желание быть изнасилованными. Вот почему в том небольшом количестве исследований, которые я нашла, статистика показывает, что от 5 до 21 процента женщин испытывают оргазм во время изнасилования. Это широкий диапазон.

Я понимаю, что это спорная тема. Я читала доводы, что непроизвольные оргазмы — фальшивка, потому что, чтобы достичь оргазма, женщины должны вкладывать в секс эмоции. Я читала доводы психиатров о том, что оргазм во время изнасилования вызывается генетической многовековой предрасположенностью женщин к тому, чтобы над ними доминировали. Я читала литературу доктора медицинских наук, объясняющую, что часть мозга, иницирующая оргазм, — это часть, контролирующая непроизвольные ответы, поэтому оргазм не может зависеть от воли женщины. Приводятся доводы, что наркотики, сверхчувствительные точки G, адреналин и страх — все может помочь возникновению непроизвольного оргазма. Лично я всегда верю науке, а не догадкам, а наука утверждает, что непроизвольные оргазмы существуют.

Я предлагаю вам провести собственное исследование на эту тему, но я решила

включить оргазм во время изнасилования в свою книгу, потому что об этом не говорят, а я считаю, что необходимо говорить. Я не решаюсь сказать, что включила это сюда, чтобы чему-то вас научить. Я говорила своему редактору, что никогда не задавалась целью рассказать историю, которая преподает урок, потому что истории по природе своей в любом случае преподают уроки. Это урок, который вы, как читатель, решите выучить; а не тот, который я затолкну вам в глотку.

Я на самом деле не призываю жертв изнасилования или сексуального домогательства читать эту книгу, но если вы прочли и вам нужна помощь, пожалуйста, поговорите с кем-нибудь. Не молчите, как персонажи моей книги. Говорите. Ищите помощи. Начинайте исцеляться.

С любовью, Саммер